

Е. Э. Войтишек

А. С. Шмакова

АРОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
адаптация и трансформация
ольфакторных практик

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гуманитарный институт
Кафедра востоковедения

Е. Э. Войтишек, А. С. Шмакова

**АРХАИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

**КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ:
АДАПТАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИАКТОРНЫХ ПРАКТИК**

Учебное пособие

Новосибирск • 2024

УДК 008(55:633.8)+94(519)(075)

ББК Т529(554)7я73-1

В654

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *Ю. В. Болтач*,

канд. ист. наук *М. А. Шутова*

Войтишек, Е. Э.

В654 Ароматическая культура Восточной Азии. Корейский полуостров: адаптация и трансформация ольфакторных практик : Учеб. пособие / Е. Э. Войтишек, А. С. Шмакова; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. — 238 с.

ISBN 978-5-4437-1626-8

В книге на материале средневековых корейских письменных и вещественных источников рассматривается история развития ароматической культуры на Корейском полуострове с древности до начала XXI в. (включая виды благовоний и ароматических веществ, инструментарий и курильницы, корейские религиозные и гадательные практики, традиционную живопись).

Практические аспекты использования благовоний представлены через призму ритуального и бытового поведения обитателей Корейского полуострова. Искусствоведческие и культурологические аспекты ароматической культуры Корейского полуострова рассматриваются в контексте деятельности средневековых ученых-интеллектуалов, а также традиционного и процессуального искусства. Особое внимание уделено медицинскому аспекту применения благовоний, дана актуальная информация о современных региональных центрах по изучению и популяризации ароматической культуры и буддийского образования. Пособие снабжено иллюстративным материалом, отражающим результаты полевых исследований авторов на Корейском полуострове в течение последних 15 лет.

Пособие предназначено для студентов бакалавриата и магистратуры востоковедческих и регионоведческих направлений классических университетов со специализацией в области культурной антропологии, этнологии, литературы, искусствоведения и истории культуры.

Рекомендовано к печати учебно-методической комиссией ГИ НГУ
(протокол № 61 от 12 декабря 2023 г.)

Исследование проведено в рамках реализации
Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024-0028
«Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений
России со странами Восточной Азии: история и современность».

УДК 008(55:633.8)+94(519)(075)

ББК Т529(554)7я73-1

ISBN 978-5-4437-1626-8

© Новосибирский государственный
университет, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культура ароматов в странах Восточной Азии в наиболее древнем и полноформатном варианте представлена в многотысячелетней традиции Китая. На всем протяжении историко-культурных контактов китайской цивилизации с соседними регионами происходили постоянные процессы взаимной адаптации и трансформации различных явлений и предметов в разных областях жизни, в том числе — в мыслительной, философской, религиозной деятельности, в сфере духовных, гадательных и магических практик, входивших в ольфакторное пространство. При этом по разные стороны взаимодействующих сторон неизбежно переосмыслились их символическая семантика и функциональное назначение, совершенствовались технологии и методы изготовления благовоний, посуды и инвентаря, накапливались знания о целительных свойствах аромасырья. Все эти сведения зафиксированы не только в археологических, эпиграфических и этнографических материалах, но и в письменной традиции разных народов и эпох.

Если говорить о последовательной реконструкции этапов развития ароматической культуры и ольфакторных практик на Корейском полуострове, то она чрезвычайно затруднена вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников в результате многочисленных войн и конфликтов на протяжении всей истории Кореи. В связи с этим большую важность приобретают исторические свидетельства, сохранившиеся в летописях, музейных собраниях, в записях монахов и коллекциях буддийских храмов. Особое значение имеют также живые наблюдения за развитием этой традиции в современном корейском обществе. Эти наблюдения позволяют констатировать, что ольфакторная традиция Корейского полуострова, находившаяся под длительным и всесторонним влиянием китайской цивилизации, тем не менее во многих аспектах своего развития демонстрирует устойчивый самостоятельный характер.

В данном пособии представлен материал, собранный авторами более чем за 15 лет работы по изучению закономерностей и особенностей развития ароматической культуры на Корейском полуострове с древности до современности. В издании проанализированы доступные письменные источники на разных восточных и западных языках, а также археологические, этнографические и эпиграфические

материалы, почерпнутые из многочисленных ознакомительных поездок и полевых изысканий в различных районах Корейского полуострова (провинции Чолла-Намдо, Чолла-Пукто, Кёнсан-Намдо, Чхунчхон-Намдо, Кёнгидо, Канвондо)¹. Неоценимую помощь в работе с материалами сыграло знакомство с коллекциями артефактов, письменных и вещественных источников из крупнейших музеев, библиотек, с собраниями буддийских храмов и монастырей, беседы со старожилами сельских общин, встречи с монахами, с хранителями монастырских и музейных фондов, дискуссии и творческие мастерские с учеными, сотрудниками музеев, кураторами арт-галерей и энтузиастами-коллекционерами Республики Корея.

Логика изложения сведений по истории культуры ароматов и ее особенностей в Корее выстроена в соответствии с уже известным принципом анализа, апробированным на китайском материале².

Круг теоретических вопросов, рассмотренных в учебном пособии, касается комплексного анализа и выявления ведущих тенденций развития ароматической культуры на Корейском полуострове с древности по настоящее время. Практические аспекты существования и развития корейской аромакультуры представлены в разделе о технике и ритуале: здесь рассматриваются виды благовоний и ароматического сырья; инструментарий и курильницы; корейские религиозные и гадательные практики с благовониями. Культурологические и искусствоведческие аспекты ароматической культуры в Корее представлены в разделе об аромате, культуре и человеке: здесь анализируется деятельность интеллектуалов-литераторов и благовония; аромакультура и живопись, декоративно-прикладное искусство; история находок, связанных с благовониями, с затонувшего средневекового судна Синансон в контексте развития Морского шелкового пути; дается информация о современных региональных центрах изучения и популяризации ароматической культуры в Республике Корея. Работа включает иллюстрации, по большей части представляющие авторские материалы полевых исследований и экспедиций в разные регионы южной части Корейского полуострова. В конце учебного пособия помещены экзаменационные билеты и контрольные вопросы для проверки знаний обучающихся.

Эта работа состоялась при всемерной поддержке коллег и друзей из России, Китая и Республики Корея. В первую очередь, авторы благодарят своих коллег по кафедре востоковедения Гуманитарного института Новосибирского

¹ Авторам преимущественно были доступны материалы, собранные на территории Республики Корея.

² См. Войтишек Е. Э. Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2021. 224 с.

государственного университета за многолетнюю помощь и содействие во всех проектах и начинаниях. Большой научно-практической значимостью обладали консультации сотрудника кафедры, кандидата филологических наук Яо Суна (姚嵩) по интерпретации древних и средневековых корейских материалов, произведений корейских литераторов эпохи Чосон, написанных на китайском языке. Нельзя не отметить также особый вклад студентов и выпускников кафедры востоковедения 2003–2023 гг. (в первую очередь, докторанта Национального университета культурного наследия в Пуё Светлану Силичеву), вместе с которыми авторы пособия неоднократно работали по разным аспектам изучения традиционной культуры на Корейском полуострове.

Авторы работы выражают искреннюю признательность своим близким друзьям и коллегам из Республики Корея, благодаря многолетней поддержке которых состоялись увлекательные исследовательские поездки и проекты. Прежде всего, необходимо упомянуть почетного профессора университета Ханьян (Hanyang University), директора Института археологии Восточной Азии (Institute of East Asian archaeology) господина Бэ Кидуна (裴基同 Bae Kidong), который в 2017–2020 гг. работал директором Национального музея Кореи (National Museum of Korea) в Сеуле и всемерно содействовал изучению и популяризации важных аспектов традиционной культуры и искусства Кореи; страстных полевых археологов — директора Музея древней истории Чонгок (Jeongok Prehistory Museum) господина Ли Ханъёна (李漢龍 Lee Hangyong) и доктора Пака Кюджина (朴紉鎭 Park Kyujin) из Университета Корё (Goryeo University) в Сеуле, вместе с которыми авторам довелось тесно сотрудничать, много путешествовать и оценить их знания и таланты.

Авторы выражают также большую благодарность своим корейским коллегам из уезда Пуё — прежде всего, профессору Чон Сокпэ (Jung Sukbae 鄭燦培) из Национального университета культурного наследия (Korea National University of Cultural Heritage), его семье и коллегам за душевную щедрость и теплоту; замечательным специалистам из Национального музея Пуё (Buyeo National Museum) за неоценимую помощь в работе с историческими артефактами — директору Юн Хёнвону (尹炯元 Yun Hyeungwon)³, кураторам музея Син Нахён (辛娜賢 Shin Nahyeon), Чон Санъын (全祥恩 Jeon Sangeun) и другим сотрудникам. Авторы также выражают большую благодарность владель-

³ С 2023 г. господин Юн Хёнвон возглавляет Национальный музей Кимхэ (Gimhae National Museum) в городе Кимхэ (провинция Кёнсан-Намдо), в предместьях современного Пусана. Национальный музей Пуё с 2023 г. возглавляет господин Ын Хвасу (殷和秀 Eun Hwasoo).

Предисловие

цам частной компании «Нынъин хяндан» (能仁香堂 “Neungin hyangdang”, что означает «Прибежище аромата Будды Шакьямуни») в Пусане — генеральному менеджеру госпоже Ким Хиро (金熙露 Kim Heero) и ее семье — за внимательное отношение и многолетние полезные рекомендации в изучении ароматической культуры Кореи. Отдельных слов благодарности заслуживает директор музея при буддийском храме Тхондоса (通度寺 Tondosa Temple) наставник Сончхон (松泉 Songcheon) за организацию познавательной экскурсии по музею, ценные консультации и знакомство с тонкостями буддийского церемониала с использованием благовоний.

Материалы пособия неоднократно апробированы авторами при чтении потоковых дисциплин «Этнология и этнография стран Восточной Азии», «Искусство стран Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония)», «Литература стран Дальнего Востока (Корея)» для бакалавров 1–3 курсов кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, а также для магистрантов (курсы «Культурная антропология», «Практическое источниковедение (ориенталистика)») в рамках программ «Политические и социокультурные трансформации в истории Евразии (специализация «История Востока»)» и «Современная Азия: глобальные вызовы», разработанные для магистрантов ГИ НГУ.

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРОМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Уникальная традиция использования ароматического сырья в религиозно-культурных и медицинских целях зародилась и укрепилась на территории Китая много сотен лет назад. Контакты населения Корейского полуострова с Китаем, а затем странами Центральной Азии и мусульманского Востока, адаптация и оригинальная трансформация их опыта способствовали дальнейшему развитию и формированию ароматической культуры на территории Кореи, созданию уникальной обрядности и связанных с ней письменных, эпиграфических, археологических памятников.

Достоверно неизвестно, когда и при каких обстоятельствах на Корейский полуостров были завезены первые ароматические вещества, однако, вероятнее всего, это произошло в эпоху Трех государств, в конце IV–V вв., о чем и свидетельствуют многочисленные упоминания в исторических и литературных источниках. Ароматы и благовония использовались в медицинских, санитарно-гигиенических, религиозных и эстетических целях, прежде всего, при дворе вана — в силу высокой стоимости ароматных курений.

Формирование и развитие ароматической культуры на Корейском полуострове происходило в несколько этапов. Сначала корейцы знакомились с уникальным китайским опытом применения целебных свойств трав и растений в медицинской и санитарно-гигиенической сфере, умело сочетая его с собственными традициями. С приходом буддизма стала развиваться ритуальная сфера применения благовоний, изготавливаемых по определенным рецептам из душистых трав и ароматической древесины. В разные эпохи корейской истории были популярны различные растения и породы деревьев, что было связано с постепенным накоплением знаний в естественных науках, таких как ботаника, биология, фармакология, медицина и т. д.

1.1. Зарождение и становление: эпоха Трех государств и Объединенного Силла (I в. до н. э. — X в. н. э.)

В эпоху Трех государств (I в. до н. э. — VII в. н. э.) влияние на развитие ароматической культуры в Корее оказывал, главным образом, культурный обмен с Китаем, в ходе которого корейцы познакомились как с основами применения растений и трав в медицине, так и с принципами использования благовоний при отправлении ритуалов.

Религиозное учение буддизма с первых веков нашей эры стало для корейцев «новым вектором жизни», под влиянием которого на полуострове произошла настоящая «ольфакторная революция», в результате которой были сформированы критерии определения «хороших/достойных» и «плохих/недостойных» запахов.

Буддийские ритуалы и практики предполагали обязательное использование дыма ароматных курений как связующего звена между Небом, откуда должен был спуститься Будда Майтрея, и миром земных существ. Стремление корейцев ускорить приход Будды Грядущего на землю привело к формированию уникальной ритуальной обрядности *мэхан*, предполагавшей захоронение фрагментов ароматической древесины⁴.

Помимо ритуальной сферы ароматы и благовония использовались в медицинских, санитарно-гигиенических и эстетических целях, однако их использование было доступно по преимуществу лишь придворным аристократам и окружению самого вана.

В средневековой хронике «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145) есть запись о том, что во времена правления короля Пхёнвона (559–590) в Когурё принцесса Пхёнган, желающая встретиться с юношей Ондалем для заключения брака, благоухала благовониями:

老母對曰，吾子貧具校勘陋，非貴人之所可近。今聞子之臭，芬馥異常，接子之手，柔滑如。必天下之貴人也 (Цит. по: [Но Юнджу, 2019, с. 41].

Старая мать ответила: «Мой сын беден и подлого (звания), он не может знаться с благородными людьми, а я сейчас почувствовала твой запах — аромат необычный. Потрогала твои руки — они мягкие, как шелк. Наверняка ты под небом из благородных»⁵.

⁴ См. подробнее разд. 2.4 главы 2 о ритуале «захоронения аромата» *мэхан*.

⁵ Автор хроники *Самгук саги* пересказывает здесь знаменитую корейскую легенду «Дурак Ондал и принцесса Пхёнган». Перевод М. Н. Пака. См. URL: <https://coollib.com/b/639210/read> (дата обращения 14.02.2024). См. также [Троцевич, 2004, с. 260–262].

Много сведений о способах и характере использования благовоний дает также анализ сюжетов фресок со стен погребальных курганов эпохи Когурё, где изображались торжественные шествия с курильницами, церемонии преподнесения буддийским божествам и представителям знатных семейств ароматных курений в изящных курильницах⁶. Знатные когурёские женщины ароматизировали тело и одежду, носили с собой мешочки с благовониями.

Что касается медицинского аспекта применения ароматического сырья и лекарственных трав, то нужно отметить, что именно из Китая сначала в соседнее государство Когурё, а затем и в Пэкче проникли медицинские трактаты и книги, знакомство с которыми заложило прочную основу формирования оригинальной корейской медицины. Известно, что когурёские врачи в V в. были лучшими на полуострове и даже ездили просвещать японцев [Воробьев, 2002, с. 23]. Воскуря благовония, они лечили головные боли, бессонницу, неврозы и даже депрессивные расстройства.

Трансляция медицинских знаний на Корейском полуострове происходила с севера на юг, поэтому из соседнего с Китаем государства Когурё сведения об ароматерапии и лечении травами быстро проникли в Пэкче, где существовал даже специальный отдел лекарств при дворе правителей. К сожалению, в корейских письменных источниках, дошедших до нашего времени, нет сведений о том, какие именно медицинские сочинения были созданы в Пэкче. Однако такие сведения, свидетельствующие о высоком по сравнению с Когурё уровне пэкческой медицины, были обнаружены в японских источниках⁷.

Об уровне распространения благовоний в Пэкче ярко свидетельствуют археологические находки и художественные памятники, обнаруженные на территории древнего государства — керамические горшки, чаши и курильницы, прессованные благовония, фрагменты ароматической древесины и шкатулки со смолой ладана в реликвариях пагод и др. Однако, пожалуй, самым ярким достижением культуры, свидетельствующем о необычайно высоких технологиях того времени, можно считать знаменитую «большую курильницу Пэкче», изготовленную из позолоченной бронзы и считающуюся непревзойденным шедевром древнего искусства⁸.

⁶ См. разд. 1.6 данной главы о буддийских ольфакторных практиках на Корейском полуострове.

⁷ См. Электронная корейская энциклопедия Naver. Трактат «Заново собранные рецепты Пэкче». URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1100322&cid=40942&categoryId=33375> (дата обращения 24.09.2023).

⁸ См. подробнее разд. 2.2 и 2.3 о видах курильниц в корейской культуре.

Царство Силла в силу своего географического положения о свойствах ароматических растений и трав узнавало самым последним из Трёх древних корейских государств — там знакомилась с китайскими трактатами преимущественно путем контактов с Пэкче и Когурё. Кроме того, силлаская дипломатия активно сотрудничала с китайскими чиновниками периодов Суй (581–618), а затем и Тан (618–907), что способствовало культурному обмену в том числе и в сфере использования ароматических веществ. Предполагается, что помимо традиционных шаманских культов и религиозных практик методы лечения заболеваний в Силла включали применение различных лекарственных средств, терапию горячими источниками и иглоукалывание. При отсутствии эффекта перед больными читали буддийские сутры и возжигали благовония⁹.

В период Объединенного Силла (668–935) расцвет буддизма сопровождался невиданным размахом храмового строительства. Постепенно буддийские священнослужители стали возлагать на себя обязанности по отправлению поминальных ритуалов, что обязательно сопровождалось воскурением благовоний [Тян, 2001, с. 18]. Активизация контактов с танским Китаем способствовала активному обмену знаниями об ароматических веществах и травах. Кроме того, в этот период происходит институционализация корейской медицины. В 692 г. в Силла открывается медицинское училище, в 717 г. учреждается должность придворного медика, появляется собственно корейская медицинская литература [Воробьев, 2002, с. 54].

Нельзя игнорировать также и тот факт, что в государстве Силла действовала организация *хяндо* (香徒) — букв. «последователи аромата», «следующие за ароматом». Участниками общин *хяндо* были, главным образом, буддийские священники и миряне. Упоминания о деятельности данного общества встречаются уже в период Силла в 609 г. во время правления Чинпхён-вана (眞平王, 579–632). Главной организацией стал *хваран*¹⁰, военачальник, идеолог и один из высших санов-

⁹ См. Электронный ресурс корейской энциклопедии Naver. Медицина в Силла. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=2212110&cid=51085&categoryId=51085> (дата обращения 24.09.2023).

¹⁰ *Хваран* (букв. «цветущие юноши») — социальный институт и система воспитания юношей, сформировавшиеся в государстве Силла и просуществовавшие до X в. В хвараны набирали юношей в возрасте 14–15 лет из семей аристократов и простолюдинов, которые затем получали специальное воспитание. В программу подготовки хваранов входило изучение классических конфуцианских и буддийских текстов, боевых искусств, основ управления государством. Численность групп хваранов могла достигать 1 тыс. чел. См. Электронная энциклопедия корейской культуры. Статья о Хварандо. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0064589> (дата обращения 24.09.2023).

ников силлаского государства Ким Юсин (金庾信, 595–673). Его группу называли *ёнхвахяндо* — «Благоухающая дружина [дерева] *нага-бодхи*». В состав группы входили в основном молодые хвараны [Park Heejun, 1998, p. 60–61]. Участники этой группы возводили храмы и создавали буддийские картины с изображением нового мира¹¹, жертвовали еду и одежду нуждающимся, а также проводили ритуалы захоронения благовоний *мэхан*¹².

Таким образом, уже в эпоху Трех государств и Объединённого Силла благовония начинают применяться в бытовых, медицинских и ритуальных целях, а также использоваться знатью для обозначения своего статуса.

1.2. Достижение зрелости: эпоха Корё (918–1392)

Эпоха Корё (918–1392) вошла в историю как период наивысшего расцвета буддизма в стране, его принятие в качестве государственной религии произошло наряду с укреплением этико-философского учения — конфуцианства. При этом в X–XIV вв. буддизм сохранял свое положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях тесного сотрудничества с аристократической верхушкой общества.

Буддийское духовенство стало одним из крупнейших землевладельцев страны и оказывало мощное влияние и на духовную сферу жизни корейского народа, и на политическую, пытаясь добиться государственного покровительства. При активной поддержке властей в его распоряжении были сосредоточены многочисленные монастыри и храмы, земельные угодья. Государство и частные лица тратили огромные средства на строительство храмов и монастырей, молелен и буддийских святынь¹³.

¹¹ Мир, который должен был наступить после прихода на землю Будды Майтреи.

¹² Ритуал «захоронения аромата» (埋香 *мэхан*) предполагал закапывание куска душистой древесины во влажную почву в ритуальных целях для ускорения прихода на землю Будды Майтреи. См. разд. 2.4 главы 2.

¹³ На раннем этапе существования Корё династия Ван присваивала высшему буддийскому духовенству государственные религиозные звания 王師 *ванса* (Наставник государя) и 國師 *кукса* (Наставник государства), приравнивавшиеся к высшим чиновным рангам. Часто монахов призывали на службу к государю, они занимали высшие посты в служебной иерархии страны. При этом буддизм укрепился не только в государственно-чиновничьей среде. В X–XI вв. он стал популярным в народных массах. Под руководством буддийских деятелей возникало большое количество сект различного толка [Толстокулаков, 2002, с. 70–71].

В связи с признанием буддизма в качестве официальной государственной религии благовония стали широко использоваться в монастырях и храмах. Ввиду повсеместного увлечения аристократической верхушки буддизмом ароматические курения стали популярны и в покоях правителей, к ним часто прибегали в целительных практиках. Изучение китайской, арабской и индийской медицинских традиций стимулировало создание в Корее собственных солидных трудов о способах и правилах применения лечебных трав и ароматических веществ.

Одновременно происходит закладывание основ медицинского образования, переустройство национальных медицинских организаций, создание независимых учреждений помощи бедным слоям населения и, прежде всего, издание и распространение различных медицинских книг, в том числе формуляров, содержащих уникальные рецепты с использованием местных лекарственных трав¹⁴. В связи с этим продолжается институционализация медицинской сферы, учреждаются должности высших медицинских чиновников, инспекторов, фельдшеров, заклинателей, аптекарей, фармацевтов [Воробьев, 2002, с. 75].

Эти знания были востребованы и в бытовой сфере — существовала традиция обработки постельных принадлежностей уксусом, а также практика набивания постельного белья душистыми травами [Ха Сумин, 2020, с. 23]. Знатные дамы носили при себе ароматические саше — шелковые мешочки с благовониями, которые служили также и изящным украшением¹⁵. Помимо благовоний в такие мешочки помещали душистые травы, пилюли из лекарственных отваров и медикаменты, чиновники часто их брали с собой в служебные поездки. Мужчины и женщины по-разному крепили такие мешочки на одежде. Так, женщины носили ароматический мешочек на правой стороне, мужчины — на левой. Мешочек мог крепиться на руке, веере или на груди. Сверху мешочек часто был прикрыт халатом или платьем, таким образом он был скрыт от посторонних глаз¹⁶. При этом ароматические саше и подвески отличались высоким художественным исполнением — украшались золотой и серебряной вышивкой, плетеными узорами, разноцветными лентами и буси-

¹⁴ Электронная корейская энциклопедия Naver. Медицина эпохи Корё. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=2212112&cid=51085&categoryId=51085> (дата обращения 23.09.2023).

¹⁵ Эта традиция существует и поныне — миниатюрные ароматические подвески прикрепляют на сумки, брелочки, рюкзаки, гаджеты и проч.

¹⁶ В случае необходимости такие мешочки использовались для ингаляции: «Если в дороге настигала хандра, можно поднести мешочек к носу и сделать пару вдохов и выдохов» [Ли Гёнхи, 2011, с. 65].

нами, жемчугом, наделяясь символическим значением целомудрия и верности [Ли Гёнхи, 2011, с. 58–67].

Расцвет буддизма в эпоху Корё сопровождался расширением строительства храмов и монастырей, а вместе с этим — и развитием культуры благовоний. В это время в жанре монументального и декоративно-прикладного искусства были созданы выдающиеся шедевры корейской архитектуры, скульптуры и мелкой пластики: каменные настенные рельефы с изображением архатов, держащих курильницы с ручкой; статуи Будд и буддийских божеств, в основании которых были вырезаны курильницы; колокола, пагоды, ступы, украшенные изображениями курильниц и религиозными сценами воскурений или подношений благовоний¹⁷.

К эпохе Корё относятся все наиболее известные шедевры искусства корейских мастеров, работающих с металлом и глазурованной керамикой. Среди них самое почетное место занимают металлические курильницы с ручкой (их часто украшали серебряным и золотым литьем, перламутровой инкрустацией, фигурками животных на кончике ручки); бронзовые курильницы на высокой воронкообразной подставке, с плоским венчиком и серебряной инкрустацией (часто с узором на тулове в виде сакральных санскритских знаков), а также разнообразные селадоновые курильницы — на подставке, в форме треножника или чаши, с крышкой в виде мифического зверя или ажурного шара, с туловом, украшенным лепестками лотоса и др. Все эти курильницы использовались и в бытовых, и в ритуальных целях, что не мешало ими восхищаться эстетически¹⁸.

Китайские источники свидетельствуют о том, что в эпоху Корё активно использовались два метода возжигания благовоний — в виде ароматических печатей (篆香 чонхян)¹⁹ и так называемое бездымное воскурение (隔火熏香 кёкхва хунхян)²⁰ [Пак Чиён, 2023, с. 62]. Это говорит о том, что для разных целей применялись различные формы курильниц. Обычно метод воскурения бездымных благовоний предполагал несколько этапов: порошковые благовония закладывались в углубление в слое пепла и поджигались. Как только легкий

¹⁷ См. подробнее разд. 1.6 данной главы.

¹⁸ См. подробнее разд. 1.6 о буддийских практиках с благовониями в данной главе и пункт 2.2 о видах курильниц в главе 2.

¹⁹ Печати чонхян (篆香) использовались при возжигании смешанных благовоний, когда сначала в курильнице разравнивали пепел, сверху накладывали рамку с узором, в прорези узора засыпали ароматический порошок, после снятия рамки поджигали получившийся узор. Подробнее см. разд. 2.2 «Виды курильниц» главы 2.

²⁰ При бездымном воскурении благовоний ароматическое сырье не горит, а тлеет.

дымок пробивался сквозь пепел, снова насыпали слой ароматического порошка, затем снова его покрывали слоем пепла. Такая процедура повторялась несколько раз, в результате чего благовония не горели, а медленно тлели, источая приятный запах.

Если бездымные благовония не пользовались большим почетом у знатоков (те предпочитали наслаждаться не только ароматом курений, но и элегантными извивами дыма) и также не прижились среди буддистов (дым курений в буддизме символизирует мистическую связь между человеком и божеством), то ароматические печати нашли себе самое широкое применение. Их использовали, как в Китае, и для измерения времени, и при отправлении религиозных ритуалов, и в эстетических целях, их воспевали литераторы и поэты, черпая в них неиссякаемое вдохновение²¹ (см. [Войтишек, 2023б, с. 166–191]).

Таким образом, достижения периода Корё в усвоении и адаптации ароматической культуры на Корейском полуострове подготовили ее дальнейшее поступательное развитие в эпоху Чосон.

1.3. Расцвет и популяризация: эпоха Чосон (1392–1910)

При анализе тенденций развития ароматической культуры эпохи Чосон нельзя сбрасывать со счетов фактор активизации отношений Кореи с соседними странами региона — в особенности с Китаем и Японией. Вместе с развитием кораблестроения и мореходства Китай с периодов Южной Сун и Юань (XIII–XIV вв.) морскими торговыми путями стал поставлять на Корейский полуостров большое количество благовоний и лекарственных снадобий, в связи с чем благовония и в целом аромакультура перестали быть привилегией высших социальных слоев — использование душистых снадобий во всем спектре их функционирования стало доступно всем сословиям.

Вместе с тем эпоха Чосон (1392–1910) закрепила начатый в эпоху Корё процесс создания уникального культурного кода корейцев и стала отправной точкой формирования собственно корейских рецептов приготовления благовоний и ароматических композиций, которые использовались в повседневной жизни ванского двора.

Особенно активно благовония в эпоху Чосон использовались в дворцовых церемониях, в качестве дипломатических подарков, в медицинских це-

²¹ См. подробнее разд. 2.2 об ароматических печатях и штампах главы 2, а также разд. 3.1.

лях, а также в таких социально важных обрядах жизненного цикла, как свадьба и похороны.

В государстве Чосон при дворе работало большое количество мастеров по составлению ароматов (кор. 香匠 *хянчан*). Они контролировали процесс создания благовоний в медицинских ведомствах Нэыйвон²², Саныйвон²³, Чоныйгам²⁴, а также проводили ароматические ритуалы и церемонии. При этом один и тот же мастер мог быть назначен в разные ведомства, что свидетельствует как о большом разнообразии благовоний, используемых для лечения заболеваний, так и о разном уровне квалификации мастеров.

В эпоху Чосон происходит расширение сферы использования благовоний. Среди благовоний, создаваемых и используемых, как правило, при дворе вана, особое место занимали ароматические свечи 芙蓉香 *пуёнхян* (букв. «аромат гибискуса») и древесина белого сандала 白檀香 *пэжданхян*²⁵. Так, свечи «аромат гибискуса» наряду с другими ритуальными благовониями помещали в мусорную урну для отпугивания насекомых и обеззараживания помещений. В сезон дождей для создания приятного аромата и защиты от влаги сжигали старые ветви магнолии. На основе многосоставных душистых смесей делали ароматные ванны для лечения экземы и других кожных болезней [Ха Сумин, 2020, с. 16]. Продолжала использоваться корёская традиция надушивания постельного белья травяными благовониями. При этом заготовка благовоний стала сезонным мероприятием, которое приходилось, главным образом, на весну и осень²⁶.

В эпоху Чосон культура возжигания ароматического сырья постепенно становится достоянием всех сословий, но особая роль в распространении и по-

²² Нэыйвон — лечебное учреждение, которое отвечало в эпоху Чосон за здоровье вана и членов монаршей семьи.

²³ Саныйвон — государственное учреждение эпохи Чосон, которое изготавливало одежду для вана и членов его семьи, а также управляло дворцовыми сокровищами.

²⁴ Чоныйгам — лечебное учреждение, которое отвечало в эпоху Чосон за здоровье родственников вана и высокопоставленных чиновников.

²⁵ Королевские благовония *пуёнхян* «аромат гибискуса» в форме свечи толщиной с палец и длиной 5–6 *чхи* (1 *чхи* равен 3,03 см) изготавливались из десятка ингредиентов, среди которых были древесина аквилярии и сандала, в качестве связующего компонента брали орхидею (лат. *Bletilla striata* (Thunberg) Reichen). В период Чосон этот вид благовоний использовался в ритуалах королевской семьи. Служанки невесты несли их впереди шествия во время свадебных церемоний [Ха Сумин, 2020, с. 10].

²⁶ Эти сезоны были выбраны для заготовки благовоний не случайно: весной антибактериальные и лечебные свойства трав и растений наиболее сильны. Кроме того, заготовленные весной благовония с наступлением лета могли отсыреть, поэтому их повторно заготавливали осенью [Ха Сумин, 2020, с. 16–17].

пуляризации элегантного образа жизни, связанного с благовониями как изысканным фоном интеллектуального досуга, принадлежала литераторам-мунин, «людям культуры». Воскурение благовоний наряду с чайной церемонией, живописью, аранжировкой цветов, музицированием и игрой в шашки считалось занятием, обязательным и достойным каждого «благородного мужа». Здесь корейские интеллектуалы во многом опирались на длительную традицию такого времяпрепровождения, принятую в Китае еще с эпохи Тан (618–907 вв.)²⁷. Они посвящали ароматным курениям вдохновенные строки, изобретали новые душистые смеси, подбирали к ним подходящие поэтические названия, устраивали собрания любителей и знатоков благовоний.

В позднем Чосоне люди, не имеющие отношения к семье вана, самостоятельно готовили ароматические курения из более простых пород деревьев и активно использовали их в быту, в частности, при чтении книг — для достижения особой концентрации ума²⁸. Это состояние называлось «чтением за воскурением благовоний» (焚香讀書 кор. пунхьян токсо).

Самое раннее упоминание этого обычая встречается в «Справочнике ароматов» (香譜 кит. сяньпу), составленном китайским знатоком благовоний Хун Чу (洪芻, 1066–1128), жившим при династии Сун²⁹. В сочинении Хун Чу упоминаются различные истории: в одной из них идет речь о благочестивом и трудолюбивом юноше, который уже в возрасте пяти лет занимался чтением, «всегда сидел прямо и вдыхал ароматный дым, струящийся из курильницы». Возможно, что он тем самым еще отпугивал злых духов и насекомых [Park Heejun, 1998, p. 63].

По некоторым данным, обычные люди могли использовать в качестве сырья для изготовления благовоний только можжевельное дерево (в современном корейском языке оно так и называется — «ароматное дерево» 香木 хян-мок). Некоторые буддийские монахи также принимали пищу, используя посуду и столовые приборы, изготовленные из древесины можжевельника. Такая по-

²⁷ См. подробнее разд. 3.1 главы 3 о деятельности «людей культуры» и их роли в популяризации благовоний.

²⁸ Электронная корейская энциклопедия Naver. Культура благовоний эпохи Чосон. Режим доступа: URL: <https://blog.naver.com/perfume2day/222894005016> (дата обращения 18.09.2023).

²⁹ В этом сочинении представлены основные сведения и свойства известных благовоний, методы их воскурения, указываются места произрастания душистых трав, способы и время их сбора, приводятся редкостные рецепты и проч. См. подробнее [Войтишек, 2023б, с. 172, 269–270].

суда имела приятный запах и красивую форму, поскольку сама древесина была плотной, а её текстура — ровной и блестящей [И Юнхо, 2003, с. 107].

Несмотря на то что в эпоху Чосон буддизм утратил силу официального вероисповедания, а его адепты подвергались гонениям со стороны властей, буддийская община продолжала существовать на самообеспечении, а значит продолжали существовать и соответствующие культы, сопровождаемые воскурением ароматических веществ. В соответствии с традициями созерцательного направления монахи занимались производительным трудом. Кроме того, буддизм пользовался поддержкой со стороны мирян-простолюдинов, а также влиятельных женщин, принадлежавших к высшим слоям общества³⁰.

1.4. От упадка к возрождению: Новое и Новейшее время (первая половина XX в. — настоящее время)

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался в Восточной Азии большой политической турбулентностью, не стал исключением и Корейский полуостров. Китай, Корея и Япония оказались втянуты между собой в военно-политические конфликты и интриги с участием западных стран, которые на фоне нерешительного «открытия страны», провозглашенного ваном Коджоном (1852–1919), повлекли за собой затяжной экономический и политический кризис во всем регионе. Духовные и эстетические запросы населения Корейского полуострова оказались далеки от принципов, заложенных предыдущими столетиями в развитии ароматической культуры, многие завоевания и достижения которой были забыты или уничтожены.

Пустующая ниша традиционной культуры постепенно заполнялась продукцией западного происхождения, Корея открывалась новому влиянию, а именно — европейской парфюмерии.

Первые духи на спиртовой основе были завезены в Корею в 1872 г. из Японии, однако вначале ими пользовались только особые классы — такие, как «новые» женщины и певички-*кисэн*³¹, поэтому в корейском обществе спиртовые одеколоны еще долго воспринимались как нечто негативное и вульгарное.

³⁰ Электронная корейская энциклопедия Naver. Буддизм в Корее. Режим доступа: URL: <https://bigenc.ru/c/buddizm-v-koree-378258> (дата обращения 24.09.2023).

³¹ «Новые женщины» — женское социальное движение в Корее конца XIX — начала XX в., направленное против конфуцианских запретов и социальных норм, дискриминировавших женщин. «Новые женщины» боролись за право получения западного образования, свободу в выборе партнера, устранение половой дискриминации.

После освобождения Кореи от японского протектората и с окончанием Корейской войны (1950–1953) одеколоны и духи были признаны продуктами «ненужной роскоши» и удовольствия, что привело к прекращению развития парфюмерной промышленности в стране. Политика либерализации импорта, проводимая в Южной Корее с конца 1980-х гг., и приведшая к значительному экономическому подъему, позволила вернуть на рынок страны импортную парфюмерию, что стало толчком для развития собственного рынка духов и одеколонов.

Таким образом, развитие традиционной ароматической культуры на Корейском полуострове с конца XIX в. было прервано влиянием западных парфюмерных веяний.

Примечательно, что первыми разведчиками стали французские миссионеры, которые перебирались на территорию Кореи из Китая. Первый флакон духов был также завезен в Корею из Франции в 1872 г. Собственное производство парфюма на спиртовой основе началось в Южной Корее в 1960-е гг. Так, первые корейские парфюмерные композиции — Oscar G (для мужчин) и Oscar L (для женщин) увидели свет в августе 1963 г. Таким образом, эти виды одеколона стали первыми парными ароматами в Корее³².

В 1970-е гг. корейские технологии смешивания ароматических веществ развились до такой степени, что комбинировать стало возможно почти любые ароматы. В 1971 г. южнокорейский бренд Amore Nightone выпустил первую ароматическую свечу с запахом сирени. В этот же период были выпущены духи Amore Nightone, Brewbird Silvia и Amore Tamina, в которых использовались натуральные ароматические вещества.

Тем не менее, южные корейцы и сейчас скептически относятся к духам и одеколонам в европейском понимании этого слова. Видимо, это объясняется тем, что складывающаяся веками традиция окуривания пространства сформировала в них прочное представление о «правильном» существовании ароматических субстанций — как правило, вне тела и кожи тела человека.

Стремясь подчеркнуть свой статус и привлечь к себе внимание, они носили короткие юбки, туфли на каблучке и черные зонтики, укладывали волосы по последней моде. Устремления и жизненный путь «новых женщин» запечатлены во многих литературных произведениях первой половины XX в. Портал Корё самам. URL: <https://koryo-saram.site/novye-zhenshiny-mechty-i-realnost/> (дата обращения 02.02.2024). *Кисэн* — артистки или певицы развлекательного жанра, куртизанки.

³² Корейский познавательный портал Аха. Духи в Корее. URL: <https://www.a-ha.io/questions/455d842a98ca8104be992e6649caf2eb> (дата обращения 02.02.2024).

Большинство корейцев считает, что духи в классическом исполнении призваны уничтожать неприятные запахи, которые в принципе не должны исходить от красивого и здорового человека. В этом выражается стремление современных корейцев к обладанию совершенной внешностью, которое в корейском обществе носит название *ольччан* («совершенное личико») или *вемоджисанджуи* («лукизм», букв. «озабоченность своим внешним видом»).

В начале XXI в. в ассортименте известных корейских косметических брендов (таких как *Skinfood*, *Tonymoly*, *Holika Holika*, *Missha*, *Elizavessa*, *Innisfree*, *Mizon*) стали появляться ароматизированные спреи для тела, парфюмированные шампуни, бальзамы и лосьоны, а также интерьерные духи. Речь идет не о сложных композициях, а моноароматах, в основе которых ощущаются легкие запахи трав, растений или цветов.

Заслуживает внимание линейка корейских парфюмов известного бренда *Jigott*. Одеколony представляют собой сочетание монокомпозиций со свежими нотами огурца, зеленого чая, бергамота, туалетного мыла, мускуса, жасмина, цитрусов. Среди названий ароматов — «*Blanche*», «*Clean*», «*Bal D’afrique*», «*Angel di Firenze*», «*Musc Ravageour*». Аналогичные легкие и свежие композиции представлены у бренда *Parfumism*. При этом на упаковке данных продуктов содержится надпись о том, что данные парфюмерные композиции изготовлены с применением спиртов, в отличие от традиционных древесно-масляных субстанций.

Однако ввиду популярности европейского образа жизни и американской культуры в Южной Корее доля рынка импортной парфюмерии и процент ее потребления значительно превышает собственно корейский. Несмотря на то что корейская парфюмерная отрасль еще достаточно молода и не может конкурировать с зарубежными парфюмерными концернами, производители Южной Кореи осознают тенденции рынка и постепенно развиваются, демонстрируя свой потенциал³⁵.

На фоне этой тенденции можно отметить один из устойчивых культурных трендов настоящего времени в Республике Корея. Он связан с возрождающимся интересом к традиционной ароматической культуре: для широкой публики проводятся лекции, семинары и мастер-классы с возжиганием благовоний различных типов. Площадкой для такого рода мероприятий становятся, главным образом, центры традиционной культуры, буддийские монастыри и храмы.

³⁵ Электронная корейская энциклопедия Naver. Города — законодатели аромата. Режим доступа: URL: <http://www.seehint.com/HINT.asp?no=13015> (дата обращения 25.09.2023).

Огромным просветительским потенциалом обладают государственные музеи, исследовательские центры, институты и университеты со своими фондами и возможностями привлечения новых ресурсов. Все эти меры дают надежды на подлинное возрождение корейской традиционной культуры, неотъемлемой частью которой является мир ароматов.

1.5. Источники эпох Корё (918–1392) и Чосон (1392–1910) о развитии и формировании ароматической культуры в Корее

В силу того что говорить о достижении зрелости и расцвете культуры ароматов на Корейском полуострове можно только начиная с эпохи Корё, целесообразно более подробно остановиться на анализе тех материалов и источников, которые есть в распоряжении исследователей, тем более что они представлены очень неравномерно в каждом конкретном историческом периоде.

На протяжении длительного развития ароматической культуры на Корейском полуострове наиболее авторитетными свидетельствами развития ольфакторных практик на его территории можно считать письменные исторические источники — летописи и медицинские трактаты, написанные на корейизированном китайском языке *ханмун*; эпитафические памятники, а также стелы *мэханби*³⁴; вещественные и художественные источники, представленные фресками, скульптурами, керамическими и металлическими курильницами и сосудами, специальным инвентарем для возжигания ароматических веществ и окуливания ими пространства, а также нематериальные источники — специфические ритуалы захоронения благовоний (埋香 *мэхан*), которые не сохранились в соседних странах — Китае и Японии.

Ранняя история развития ароматической культуры Корейского полуострова, главным образом, представлена вещественными источниками. Это во многом связано с более поздним по сравнению с Китаем развитием традиции летописания. Кроме того, ранние сочинения по истории Корейского полуострова — та-

³⁴ Находки на территории Кореи, сохранившиеся в виде памятных стел 埋香碑 *мэханби* на месте погребения кусков ароматической древесины. По обрывкам иероглифических надписей, выбитых или процарапанных на каменных стелах, можно в целом реконструировать отдельные ритуалы, проводившиеся в сельских буддийских общинах в течение долгого времени (в VIII–XV вв.). По прошествии многих лет созревшую древесину выкапывали и торжественно сжигали в присутствии членов буддийской общины. Судя по этим эпитафическим записям, подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи. См. подробнее разд. 2.4 главы 2.

кие как «Древние записи [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東古記 *Хэдон Когү*), «Древние записи трех Хан» (三韓古記 *Самхан Когү*), «Древние записи Силла» (新羅古記 *Силла Когү*), «Оставшиеся записи» (遺記 *Юги*) — не сохранились³⁵, поэтому самым первым конфуцианским источником, из которого можно узнать о делах корейской древности, является летопись «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*), созданная в 1145 г. придворным историографом Ким Бусиком (金富軾, 1075–1151).

Письменные источники эпохи Корё по культуре ароматов

Как было уже сказано, эпоха Корё (918–1392) вошла в историю как период наивысшего расцвета буддизма на Корейском полуострове. Развиваясь в условиях взаимодействия с аристократической верхушкой общества, буддизм становится государственной религией наряду с этико-философским учением — конфуцианством.

Активная поддержка буддизма со стороны аристократической верхушки способствовала расширению строительства монастырей и храмов, что привело к всплеску развития ароматической культуры.

Наиболее важными свидетельствами развития ольфакторных практик на территории Корейского полуострова в этот период являются письменные источники. Среди корейских письменных источников этого периода особую ценность представляют произведения, созданные примерно в одно и то же время, — две летописи «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145 г.) и «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, конец XIII в.), а также сборник биографий монахов «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Хэдон косын чон*, XIII в.).

Эти памятники содержат множество сюжетов, повествующих об особенностях применения ароматических веществ и растений в буддийских религиозных практиках и в бытовой сфере на Корейском полуострове в эпоху Трех государств и в период Средневековья.

Особое внимание уделено буддийским церемониям, поскольку ритуалы подношения благовоний играют важную роль в буддизме — они воспринимаются как символ освобождения от препятствий и духовного просветления

³⁵ О них есть только скупые упоминания в более поздних исторических сочинениях.

на пути постижения буддийской мудрости. Буддийские представления о подношении благовоний как об акте благодарности, уважения, благочестивого обращения и молитвы по отношению к Будде и бодхисаттвам воплотились во многих фрагментах указанных памятников.

При анализе этих памятников важным методологическим подходом является принятие во внимание разных принципов летописания в конфуцианской и буддийской традиции. Если для конфуцианской традиции было свойственно соблюдение четкой структуры текста, цельности и логичности сочинения, то для буддийской летописной традиции было характерно включение в ткань повествования весьма разнородной по качеству информации, в результате чего сочинение обростало различными сюжетными ходами³⁶.

В связи с этим в официальном летописном сочинении «Исторические записи трех государств» (*Самгук саги*) довольно редко встречаются упоминания о роли благовоний в ритуальной жизни королевского двора и сообщения о церемониях воскурения и подношения благовоний. В то же время в тексте официальной хроники есть описания случаев целительных практик с благовониями, что подчеркивает авторитетность старинного способа лечения многих недугов с помощью воскурения ароматических средств. Так, в хронике «Исторические записи трех государств» в разделе «Летописи Силла» есть упоминание о 19-м правителе царства Силла Нульджи-ване (訥祇麻立干), который на 15-м году своего правления (528 г.) к своей больной дочери пригласил монаха Мохочжа (墨胡子) из царства Когурё, который в итоге вылечил ее с помощью воскурения благовоний³⁷:

³⁶ В соответствии с буддийскими представлениями, разномасштабные сообщения о различных событиях в исторических сочинениях приводились неслучайно — они свидетельствовали о важности того или иного явления и могли спонтанно привести к прозрению. Как указывает А. Ф. Троцевич, «для буддиста нет событий значимых и незначимых: все сведения, которые сохранились в древних памятниках, а также в памяти народа, следует сохранить — ведь любой момент бытия может открыть путь к истине» [Троцевич, 2004, с. 63].

³⁷ Это повествование имеет легендарный характер. На самом деле государь Нульджи-ван правил в 417–458 гг., монах Мохочжа жил именно тогда, а не во времена 23-го правителя государства Силла Попхын-вана (правил в 514–540 гг.). (См. [Ким Бусик, 2001, с. 114–118]). Под 528 г. эта история в памятнике зафиксирована исключительно потому, что она относится к предыстории официального признания буддизма Попхын-ваном. Что касается более позднего периода (эпохи Чосон), то значительный пласт информации об использовании ароматического сырья в лечебных целях содержится в «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 *Седжон силлок*, XV в.). Так, известно, что ван Седжон страдал многими кожными недугами и поэтому, когда прибывшие

«...Тогда [из Китая] приезжал посол от лянского правителя и подарил [вану] одежды и душистый предмет, но окружающие не знали ни названия предмета, ни его назначения, поэтому отправили людей, чтобы повсюду расспрашивать, [что это такое]. Когда увидел его Мохочжа, он сказал, как называется предмет, и объяснил, что если сжечь его, то поднимется нежный аромат, который достигает священного духа... Если сжечь это, высказать пожелание, говорил он, то обязательно откликнутся духи и [исполнится желание]. В то время как раз внезапно заболела дочь вана, поэтому ван попросил [М]охочжа зажечь фимиам и вознести молитвы... вскоре после этого наступило облегчение в болезни дочери...» [Ким Бусик, 2001, с. 128–129].

Письменный памятник «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (*Хэдон косын чон*), составленный около 1215 г. монахом Какхуном, представляет собой собрание биографий служителей буддийского культа, часть из которых содержит самостоятельные вставные описания разного объема. Данный памятник имеет большое значение для историографии Корейского полуострова как один из самых ранних письменных источников не только по истории буддизма, но и также по истории корейской буддийской общины, международных отношений, географии, литературе, архитектуре, этнопсихологии (Подробнее см. [Какхун, 2007]).

Историческая хроника «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*) содержит огромные массивы текстов, разделенные на тематические блоки (кор. *квон*), которые, в свою очередь, делятся на параграфы. Содержание сочинения сводится к передаче исторических событий, попавших в поле зрения их автора, Ирёна (1206–1289), сюда же включены его размышления и комментарии в различных формах (Подробнее см. [Ирён, 2018]; [Ким Бусик, 1995]). Труд Ирёна содержит также большое количество народных сказаний и легенд, поэтических вставок, отрывков из конфуцианских сочинений, ванских указов и хозяйственных документов, поэтому его можно по праву считать энциклопедией культурной жизни средневековых корейцев.

Оба этих памятника созданы примерно в одно и то же время буддийскими просветителями и продолжают в широком смысле традицию неофициального исторического летописания (в противовес официальному конфуцианскому ле-

из Японии послы преподнесли ему драгоценную древесину аквилярии *чхимхян*, правитель принял ее, несмотря на опасения. См. сайт компании и арт-галереи «Нынъин хяндан» (能仁香堂) в Пусане Республики Корея. URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2023).

тописанию) и буддийской литературы, сформировавшуюся в колыбели китайской культуры и философии. Базу этих повествований составляют сведения, взятые из ранних корейских письменных источников, при этом привлекаются материалы из китайских сочинений, а также из памятника «Исторические записи Трёх государств» (*Самгук саги*), снабженные авторскими размышлениями. При этом показательно, что для Ирёна при создании его летописи одним из источников явился труд Какхуна [Какхун, 2007, с. 23].

Содержание памятников сводится к описанию исторических событий, происходивших в Корее в древний и добуддийский периоды ее истории, и процесса распространения буддизма с его ритуально-культурной атрибутикой в Средневековье.

Тщательный анализ текстов указанных памятников позволяет проследить примерный географический маршрут распространения буддизма по территории Кореи — из Китая в Когурё и далее в Силла³⁸ (при этом первыми проповедниками буддизма в Пэкче были уроженцы Индии и Центральной Азии); получить информацию о поездках служителей буддийского культа из Китая в Корею и обращении ими новых адептов в свое вероучение; о взаимоотношениях буддийской общины с ванским двором, о монашеском быте и отправлении буддийских культов и ритуалов, которые обязательно сопровождались использованием благовоний и ароматических веществ.

В тексте Какхуна в главе «Проповедники буддийского учения» содержится информация о том, что монах Адо, оказавшись при дворе силлаского По-

³⁸ В сборнике биографий Какхуна в главе о Шунь-дао сказано: «На втором году правления Хэмирю-вана (некоторые говорят — Сосурим-вана), семнадцатого правителя Когурё, в году имсин (372), летом, в шестом месяце правитель Цинь Фу Цзянь (357–384) отправил в Когурё посла и буддийского подвижника Шунь-дао. С ними он послал изображения Будды и канонические тексты... Обратившись к истине, когурёсцы преисполнились благоговения и веры, будучи благодарны и счастливы оттого, что буддизм начал распространяться в их стране» [Какхун, 2007, с. 56]. В главе о Маллананде содержится следующая информация: «На втором году правления Чхимню вана (385–386), весной, пэкчесцы построили храм в горах Хансан и определили туда десять монахов из уважения к наставнику Закона. С этого момента Пэкче, последовав за Когурё, возвысило учение Будды» [Там же, с. 80]. В тексте *Самгук юса* сказано: «Во времена девятнадцатого правителя Силла государя Нульджи-вана (417–458) монах-шрамана по прозванию Мохочжа прибыл из Когурё в округ Ильсон-кун... В то время правитель Лян прислал посланца даровать силласкому государю различные одежды и благовонные вещества. Правитель и подданные не знали названия этих благовоний и того, как их употреблять, поэтому они послали человека взять эти благовония и повсюду расспрашивать о них в стране...» [Ирён, 2018, с. 447].

пхын-вана (514–540), разъяснил ему, как совершать ритуал возжигания благовоний [Какхун, 2007, с. 51]³⁹.

В этом же разделе в сюжете о встрече посла государства У с силласким Вончжон-ваном (то есть Попхын-ваном, г. п. 514–540) упоминаются пять благовоний (五香, кит. у сян, кор. о хян). В их число входили аквилария, мелия гималайская⁴⁰, гвоздичное дерево, куркума домашняя и камфорное дерево, применение которых сопровождало отправление буддийских ритуалов [Там же, с. 89, прим. 563]. Подтверждением этого тезиса может служить следующая цитата:

«Правящий род Лян направил к правителю Силла посла, который звался Юаньбяо, послав с ним в дар курения из аквиларии и сандала... Правитель Силла не знал, как использовать эти предметы, и спрашивал людей в полях со всех четырех сторон. Тогда Адо воспользовался удобным моментом и указал на буддийский Закон» [Какхун, 2007, с. 90].

Что касается памятника *Самгук юса*, то его текст содержит многочисленные упоминания примерно о 25 видах растений, применявшихся в медицинских и ритуальных целях на Корейском полуострове в эпоху Трех государств

³⁹ В главе о монахе Адо данного источника сказано: «Вначале, во времена силлаского Нульчжи-вана (417–457), некий человек по имени Хыкхочжа прибыл из Когурё в округ Ильсонгун и проповедовал тем, кому было суждено приобщиться к буддийскому Учению. В то время правитель Лян отправил посла, [чтобы] одарить силлаского государя одеждой и курениями, но ни правитель, ни подданные не знали названия благовоний и того, как их использовать... Увидев эти благовония, Хыкхочжа сообщил их название и сказал: «Если зажечь это, то курения дадут сильный аромат. Это — то, с помощью чего передают искренние желания поклоняющегося божествам и святым... Если зажечь это и высказать желание, то непременно будет чудесный отклик» [Какхун, 2007, с. 87].

⁴⁰ Растение имеет много названий. Самые распространенные — мелия азедарах, мелия гималайская (лат. *Melia japonica*). Листопадное дерево, произрастающее в Гималаях, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, ценится за душистые цветы и коричневатую фактурную древесину, из которой делают музыкальные инструменты и изделия декоративно-прикладного искусства. Семена снабжены отверстиями, вследствие чего в странах буддийского ареала из них делают четки и бусы (народное название — «четковое дерево»). После термообработки ядовитых плодов и семян растение пригодно для нужд фармацевтической промышленности. См. сайт Забайкальского ботанического сада. Сайт забайкальского ботанического сада. URL: <http://zabsadchita.ru/segodnya-v-sadu/1042-meliya-gimalajskaya.html> (дата обращения 23.09.2023).

(I в. до н. э. — VII вв. н. э.), а также сюжеты, связанные с использованием ароматических веществ в иных целях. Среди них упоминаются полынь индийская, рододендрон остроконечный, кизил лекарственный, туна китайская, аквилария (алоинное, агаровое, или орлиное дерево) и др. [Ирён, 2018, с. 199, 325, 348, 437, 447–448].

Часть указанных растений предназначены не только для воскурения, но и для употребления внутрь. Например, в корейском мифе о Тангуне полынь упоминается как ритуальное растение, рекомендованное в пищу тигрице и медведице с целью превращения в человека. Кроме того, использование образа полыни в метафоре «полынное селение» (то есть кладбище) тоже свидетельствует о необычной роли этого растения. По-видимому, горькая полынь маркирует особые сакральные зоны взаимодействия с «другим» миром — неслучайно она наряду с чесноком издавна широко используется в народной медицине разных культурных традиций. Эфирные масла и дубильные вещества, содержащиеся в полыни и чесноке, обладают ярко выраженным противовирусным, противовоспалительным и антибактериальным действием, что с древности обеспечивало их использование в разных функциях — от бытовых практик по обеззараживанию помещений до магических ритуалов по очищению пространства храмов и святилищ⁴¹.

Сюжеты об использовании благовоний, представленные в тексте Ирёна, тематически можно разделить на следующие группы:

- упоминания о воскурении благовоний в связи с отправлением буддийских культов и ритуалов как в храмах, так и за их пределами⁴²;
- сцены возжигания благовоний корейскими правителями, высокопоставленными лицами, аристократами, членами семьи вана⁴³;

⁴¹ О свойствах полыни см. Полынь горькая. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/polyn-gor-kaia-64795d> (дата обращения 24.09.2023).

⁴² Многочисленны сюжеты о воскурении благовоний монахами перед ликом Будды. Так, воскуривая благовония перед ликом Авалокитешвары, монах Сок Сонгхэ прощается с монастырем, настоятелем которого он являлся, говоря: «Я ученик, постоянно пребывая в этом монастыре, с искренним усердием возжигал благовония, ни днем, ни ночью не ленясь. Но, поскольку у монастыря нет поля — источника прокормления для монахов, то возжигание благовоний и принесение жертв дальше продолжаться не могут, я собираюсь перебраться в другое место...» и т. д., а неграмотный монах Чомсун возжигает благовония просто так, по велению души [Ирён, 2018, с. 528].

⁴³ Многими отрывками из *Самгук юса* подтверждается проведение ритуалов с возжиганием благовоний в буддийских монастырях. В главе 28 сочинения Ирёна со-

- упоминания ароматических веществ и растений для характеристики внешности людей и свойств их характера ⁴⁴;

- сюжеты, связанные с манипуляциями с душистой древесиной.

Кроме того, автор часто использует названия ароматических и лечебных растений для описания местностей, куда отправляется тот или иной герой повествования ⁴⁵. Часто именно в местах произрастания таких растений и строились буддийские храмы.

Отдельного внимания заслуживают также рифмованные комментарии Ирёна, которые обычно приводятся в конце глав. Так, например:

Окончилась трапеза. Перед крыльцом
Монашеский посох стоит.
Курильница-утка чиста и полна —
сандал аромат свой струит [Ирён, 2018, с. 649].

держится информация о том, что государь Синдок-ван (912–917) возжигал благовония в монастыре Хыннюн-са, а в главе 55 о Кёнэ-ване (924–927) сказано, что «государь лично возжигал благовония и совершал подношения. Это было первым случаем всеохватывающего разъяснения учений Созерцательного и Доктринального направлений во время собрания Ста восседающих» [Ирён, 2018, с. 255, с. 358]. По всему тексту произведения Ирёна слово «благоуханный» наиболее часто встречается при описании событий, происходивших в жизни вана и ванского двора. Так, в главе 55 сказано, что, когда государь Ким Пу направился на встречу к вану Тхэчжо, благоухающие экипажи и прекрасные кони тянулись вереницей на тридцать с лишним ли [Там же, с. 362]. В главе 56 сочинения Ирёна сказано, что «когда государь Ким Пу во главе своих служащих отправился к государю Корё Тхэчжо, то «благоухающие экипажи... тянулись вереницей на тридцать с лишним ли» [Ирён, 2018, с. 362]. В главе 59 Тхэчжо, обращаясь к Кён Хвону (867–936) — основателю государства Позднее Пэкче, сообщает, что «получил благоуханный конверт государева послания...» [Там же, с. 396].

⁴⁴ В § 84 сочинения Ирёна сказано: «...некая юная княжна, возраст которой приблизился к двадцати годам, внешность которой была необычайно прекрасна, а манеры чудесны, благоухая ароматом орхидеи и мускуса, нежданно-негаданно пришла к воротам северного скита» [Ирён, 2018, с. 560]. Здесь же содержится информация о том, что после того как наставник Нохиль омыл тело княжны в чане, вода тотчас же сделалась благоуханно-ароматной [Там же, с. 562–563].

⁴⁵ В § 88 сочинения Ирёна сказано: «На семнадцатом году правления под девизом Чжэн-гуань наставник, прибыв в эти горы [Одэ-сан], пожелал лицезреть истинное тело [бодхисаттвы Манджушри], [но над горами] три дня [стояли] тьма и мрак, [поэтому он] не достиг [цели] и вернулся. Он снова поселился [в] монастыре Воннён-са [и] тогда увидел [бодхисаттву] Манджушри... [Затем он] прибыл [в] местность Кальбан — [Где] вьется пуэрария» [Ирён, 2018, с. 591].

Для описания поездок последователей наставника Вонгвана на запад, т. е. в Китай на учебу Ирён использовал следующие строки:

За море поплыл он и первым дошел
Сквозь тучи до ханьской земли.
Вослед в путь пустившись, как много людей
Благой аромат обрели? [Ирён, 2018, с. 639].

Описывая знакомство государя Чинчжи с неким юношей чудесного воспитания и манер Миси, Ирён отмечает:

Взыскал аромата — ступил один шаг
и образ один увидал.
Как если б, где ни был, он сеял-растил —
Такой же успех он стяжал [Ирён, 2018, с. 556].

В тексте памятника *Самгук юса* встречаются упоминания инструментария для воскурения благовоний, а также многочисленные указания на его использование в монастырях и королевских покоях. Приведем две цитаты.

«Это была шкатулка с клыком Будды. Изначально эта шкатулка была пятислойной: первый внутренний слой составляла коробочка из орлиного дерева, следующий внутренний слой — коробочка из чистого золота, следующий внешний слой — шкатулка из белого серебра» [Ирён, 2018, с. 541].

«В пятом месяце, в пятнадцатый день [23 июня 693], оба родителя юноши Пуре пришли в монастырь Пэннюльса и в течение нескольких вечеров приносили жертвы и возносили мольбы перед статуей Великосострадательного [Авалоки-тешвары]. Внезапно на столе для благовоний они обрели два сокровища — цитру [и] свирель» [Там же, с. 530].

Особый интерес в тексте Ирёна представляют пассажи о буддийских общинах (религиозных братствах), а также ритуалах, проводимых членами данных общин. До эпохи Корё (918–1392) буддийская община уже была интегрирована в государственную систему Кореи, поэтому в текстах рассматриваемых источников встречаются сюжеты, связанные с ее деятельностью⁴⁶.

⁴⁶ Так, в § 64 сказано, что «...в годы правления под девизом Юань-хэ (806–820) монах-шрамана Иллём из монастыря Намган-са составил „Слово на создание брат-

Среди письменных источников, в которых содержится информация об использовании благовонных смесей в эпоху Корё и развитии ароматической культуры, большую ценность представляет сочинение «История Корё» (кор. 高麗史 Корёса, 1454), составленное фактически позднее, в эпоху Чосон. В «Истории Корё» содержится большой пласт информации о ритуальном применении благовоний в качестве связующего звена между миром людей и небесным миром Будды, также уделяется большое внимание развитию торговли ароматическим сырьем между китайскими династиями Поздняя Цзинь (936–947) и Сун (960–1279) и корёсцами. Так, в памятнике сказано, что на 2-м году правления вана Хеджона (912–943/945) в Сун было продано 50 кынов⁴⁷ ароматических масел и 20 кувшинов для них⁴⁸.

Огромный пласт информации о представлениях древних насельников Кореи содержат и фольклорные произведения. В корейских мифах, изложенных в летописях *Самгук саги* и *Самгук юса*, цветы, растения и их плоды наделялись особыми свойствами, способными превратить животное в человека или даже небожителя⁴⁹. Так, в мифе о Тангуне медведице и тигрице предлагается превратиться в человека с условием в течение ста дней питаться лишь полынью и чесноком. Неслучайно в том же мифе речь идет о том, что Тангун (檀君), основатель древнего государства Чосон, родился от Хвануна и женщины-медведицы, которая молилась перед сандаловым деревом, глубоко почитаемым растением в восточной культурной традиции. Священное сандаловое дерево 神檀樹 (кит. *шэнь таньшу*, кор. *синдансу*), росшее на вершине горы Тхэбэк (太白山), куда, по легенде, спустился сын небесного правителя Хванун (桓雄), служило местом поклонения божествам (медведица и тигрица каждый день

ства воскуривающих благовония при кургане и поклоняющихся Будде в память Ёмчхока“ [Ирён, 2018, с. 461]. В том же параграфе сказано, что «наставник созерцания Ёнсу-сонса из монастыря Хыннюн-са совместно с другими создал общество воскуривающих благовония при поклонении Будде». В «Местных повествованиях» сообщается, что старцы каждый год в утро дня воздержания, составляя братство, собирались в монастыре Хыннюн-са» [Там же, с. 470]. В § 80 текста Ирёна содержится информация о том, что «наставник Ансан-са стал великим единителем [буддийской общины]» [Там же, с. 532].

⁴⁷ Мера веса, равная 600 г.

⁴⁸ База данных периода Корё. Корёса. Второй год правления вана Хеджона, 944 г. URL: http://kyudb.snu.ac.kr/pf01/rendererImg.do?item_cd=STH&book_cd=GK03539_00&vol_no=0002 (дата обращения 02.02.2024).

⁴⁹ Ли Кёндок упоминает о том, что в мифе о богине чадородия и ее борьбе с духом оспы сказано о цветочных состязаниях, которые способствовали отделению неба от земли (см. [Ли Кёндок, 2022, с. 97]).

приходили из пещеры к сандаловому дереву и молили Хвануна обратить их в человека)⁵⁰.

Корейская мифология, передаваемая в устной традиции, в целом характеризуется обилием цветочно-растительных сюжетов, тесно переплетающихся с буддийскими легендами. По одной из версий истории о брошенной родителями на произвол судьбы принцессе Пари, Будда Шакьямуни дарует ей чудесный цветок *удумбара*⁵¹. В корейских мифах цветы проявляют магические свойства по оживлению тела и духа, могут побеждать злые чары — именно поэтому цветами отважная Чачхонби⁵² воскресила убитого ею слугу Чон Сунама. Цветами же она подавила мятеж на небесах, а в благодарность получила семена пяти злаков⁵³ (См. [Ли Кёндок, 2022, с. 162, 170]).

По наблюдениям корейских исследователей, использование растений различных видов и свойств сопровождало обряды жизненного цикла во все времена. Так, в комнату с умершим обязательно приносили связку стеблей дягиля, а среди атрибутов на корейской свадьбе обязательно присутствовали сосновые шишки и бамбуковые стебли как олицетворение верности супругов

⁵⁰ Иероглиф 檀 *тань* в китайском языке действительно означает сандаловое дерево (лат. *Santalum sp.*), но традиционное корейское толкование этого иероглифа — *пакталь наму* 박달나무 ‘берёза Шмидта (лат. *Betula schmidtii*)’. В *Самгук юса* в этом сюжете фигурирует некое чудесное «алтарное дерево» (壇樹 *тан су*) [Ирён, 2018, с. 199]. См. также материалы северокорейской и южнокорейской научной традиции, посвященные рассмотрению корейских мифов в тесной связи с фольклором и мифологией Северного Китая. Электронная китайская энциклопедия Байкэ Чжиши 百科知识. URL: <https://www.jendow.com.tw/wiki/韓國神話> (дата обращения 24.09.2023). Ряд китайских исследователей склонны также увязывать культ священного дерева древних корейцев с обожествлением космического дерева («древа жизни») в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов. См. Электронная база данных Naoyi.com. URL: <https://m.163.com/dy/article/FPN29TJS0541LBHV.html> (дата обращения 24.09.2023).

⁵¹ В буддизме термином *удумбара* (пали, санскрит; букв. «благоприятный цветок с небес») обозначали дерево, цветок и плод фикуса кистевидного (лат. *Ficus racemosa Roxb.*, фикус клубочковый). Согласно легенде, цветок *удумбара* распускается только один раз в 3000 лет, что символизирует такие редкие события, как появление Прометеевского.

⁵² «Песенный сказ о богине злаков» (*Сегён-пюпхури*) об удивительной девушке Чачхонби, которая боролась за свою любовь и не боялась ни гнева небожителей, ни смерти (см. [Ли Кёндок, 2022, с. 8]).

⁵³ Традиционно в корейской культуре к пяти злакам *огок* относились рис, просо, пшеница, бобы и ячмень.

на всю жизнь⁵⁴. Цветы и растения с их ароматами — это сложносоставная и всеобъемлющая метафора корейской культуры, в которой заключено стремление корейцев к процветанию, гармонии в любви и дружбе, забота о ближнем и вся жизнь. Цветочная поляна — это наполненный добром и светом благой мир, о котором мечтают все люди на земле [Ли Кёндок, 2022, с. 253–254].

Помимо письменных источников о развитии ароматической культуры в период Корё свидетельствуют и другие артефакты, среди которых наибольший интерес представляют новые типы курильниц и инструментарий для возжигания благовоний. Поскольку культура ароматов на территории Корейского полуострова во многом формировалась под влиянием буддизма, буддийские мировоззренческие принципы в большой степени способствовали оформлению ее ритуальной атрибутики.

Развитие гончарного дела и обжига керамики в различных регионах Кореи, а также развитие дипломатических отношений с династией Сун (960–1279) способствовали усовершенствованию технологии производства корейских селадонов, которые в эпоху Силла еще сильно уступали по цвету и форме лучшим китайским образцам. Селадоновые курильницы в основном предназначались для знатных аристократов, поэтому они украшали дворцы ванов и использовались при проведении церемоний⁵⁵.

Сюй Цзин, посланник китайского императора в Корею, прибывший в 1123 г. в столицу Корё (современный Кэсон на территории КНДР), много писал о разных аспектах корейской жизни и о корейском искусстве. В своих путевых записках (*宣奉使高麗圖經* кит. *Сюаньфэнши Гаоли туцзин*) он писал: «У них есть курильница цвета морской волны, крышку которой украшает фигура льва. Это один из самых искусно выполненных керамических сосудов». Он также отмечает, что курильницы, декорированные фигурками животных, использовались, главным образом, на официальных мероприятиях. Учитывая символику льва, защитника Дхармы и благочестивой веры, курильница использовалась при проведении буддийских ритуалов (Цит. по: [Kim Yongwon, 2009, p. 106]).

Первоначально сходство между керамическими изделиями Китая эпохи Юань и Кореи эпохи Корё было очевидным — корейские сосуды напоминали керамику Юэчжоу и Динчжоу. В дальнейшем корейским мастерам удалось

⁵⁴ Хан Гёнгу. Традиционная свадьба: прошлое и настоящее. Портал Корё сарам. URL: <https://koryo-saram.site/traditsionnaya-svadba-proshloe-i-nastoyashhee/> (дата обращения 19.09.2023).

⁵⁵ Более подробно см. разд. 2.1 данного учебного пособия.

добиться изобретения уникального способа изготовления данных изделий, по своей красоте превосходящих китайские. В XII в. были разработаны новые методы инкрустации, позволившие создавать более изысканные украшения в разных цветах. Американский культуролог Эвелин МакКьюн отмечает, что в XII в. в Корею в условиях расцвета керамического производства всего за четверть века появилось несколько эпохальных новшеств, одно из которых — инкрустирование — может считаться полностью корейским изобретением [McCune, 2009].

Использование дорогих и редких благовоний, привезенных, главным образом, из Китая, было прерогативой аристократии и ванского двора. Тексты памятников содержат многочисленные сюжеты о посещении китайскими послами и монахами корейских государств и дарении буддийских книг и сутр, а также о воскурении фимиама корейскими ванами и их сподвижниками при отправлении буддийских культов в монастырях. При этом в «неофициальных» буддийских сочинениях Какхуна и Ирёна таких свидетельств значительно больше, чем в официальном сочинении придворного историографа Ким Бусика. Это обстоятельство позволяет разработать и применить ситуативную классификацию сюжетов с благовониями, где основным критерием отнесения их к той или иной группе выступает контекст упоминания факта использования того или иного вида ароматического сырья.

Вместе с буддизмом на Корейский полуостров проник и ароматический инвентарь, знания о правилах применения растений и лекарств в медицинских, ритуальных и гигиенических целях, а также китайские трактаты, описывающие правила использования целебных снадобий, пропорции их смешивания, процедуры лечения болезней.

Знакомство с китайскими сочинениями по культуре ароматов и буддийскими сутрами, с одной стороны, стимулировало трансформацию корейского общества по китайскому образцу, а с другой стороны, способствовало формированию на основе китайского компонента уникальной ароматической культуры, ритуальных практик *мэхан* и инвентаря особого типа, которые не обнаруживаются в других странах синоероглифического региона.

Распространение буддизма на Корейском полуострове оказало большое влияние на традиционную корейскую культуру и во многом скорректировало векторы эмоционального восприятия буддийскими адептами различных запахов. В дальнейшем это способствовало выработке классификации видов аромасырья, широко использовавшегося не только в религиозных и культовых практиках, но и в бытовых, санитарно-гигиенических и лечебных целях.

Письменные источники эпохи Чосон по культуре ароматов

В эпоху Чосон развитие ароматических практик в Корее приобрело необычайный размах, что соответствовало общему расцвету культуры и культы учености, возникшего в этот период.

Усвоение и трансформация китайских культурных моделей, глубокое знакомство с китайскими трактатами, затрагивающими вопросы использования ароматических веществ в бытовых и медицинских целях и усложнение структуры общества способствовали проникновению ароматической культуры все глубже в социальные отношения, а также формированию целого ряда уникальных корейских ритуалов, связанных с воскурением ароматических веществ.

Начавшееся еще в период Корё расширение сферы применения благовоний и усложнения композиций, вызванное углубленным изучением корейскими специалистами в области медицины и интеллектуалами основных принципов и правил сочетания ароматических веществ, продолжается и в эпоху Чосон. Кроме того, несмотря на утрату буддизмом лидирующих позиций среди представителей корейской аристократии, продолжается активное использование благовоний в монастырях и храмах Корейского полуострова.

Наиболее авторитетными свидетельствами развития ольфакторных практик в этот период являются письменные источники разного плана — летописи, сочинения этнографического, научно-популярного и медицинского характера, поэтические сборники, и вещественные источники — инвентарь для воскурения благовоний — курильницы, горелки, подставки, держатели и ароматическое сырье.

В летописи «Подлинные летописи династии Ли» (朝鮮王朝實錄 кор. Чосон ванджо силлок) в изложении придворных историографов за период с 1392 по 1865 гг. зафиксировано большое количество информации, связанной с воскурением благовоний в покоех вана и использовании душистых смесей при проведении обрядов.

Так, первое упоминание о многосоставных благовониях «аромат гибискуса» (芙蓉片香 *пун пхёнхян*, букв. кусочки «аромата гибискуса») содержится в главе 24 памятника, где сказано, что на 7-м году правления вана Седжо (1417–1468) наместнику в японской провинции Цусима (對馬州) в качестве поддержки в связи со смертью матери было отправлено «наряду с отрезками белой ткани-рами... сто данями коричневого риса и соевых бобов, чаем

и фруктами... 20 связок свечей из благовоний *пүёнпхёнхян*... и 20 корней женьшеня»⁵⁶.

致賻白苧布一十匹...糙米一百石...、芙蓉片香大楹具燭二十枚，...果子二櫃、
茶食二櫃...、...人蔘二十觔...

В этом же источнике есть информация о том, что благовонные свечи *芙蓉香 пүёнхян* «аромат гибискуса» в большом количестве были воскурены на 12-м году правления Ёнсангуна (1506 г.).

炷芙蓉香數百束，列蠟炬千柄，夜明如晝。

Были сожжены сотни благовонных свечей, тысячи ароматных палочек, ночью было так же светло, как днем (Цит. по: [Ха Сумин, 2023, с. 15]).

Эта информация свидетельствует о том, что к началу XVI в. в Корее объем производства и способы использования сложных оригинальных ароматических композиций, в том числе и в виде свечей, уже достигли внушительных размеров.

Благовония *пүёнхян* «аромат гибискуса» имели достаточно широкую сферу применения — от королевских свадебных обрядов, религиозных церемоний и приема посольств, до консервации лечебных снадобий и окуривания, в силу чего их заготавливали большими объемами дважды в год — весной и осенью. Кроме того, одним из самых популярных дипломатических подарков в эпоху Чосон были порошки из смеси разных благовоний.

Не менее информативным источником по истории использования ароматических веществ при дворе корейских ванов являются официальные правительственные записи (*日省錄* кор. *Ильсоннок*)⁵⁷. В этом сочинении есть множество примеров, подтверждающих использование благовоний для окуривания комнат и постельных принадлежностей. Так, на 10-м году правления вана Чонджо было приказано окурить некоторые вещи в комнате посла:

⁵⁶ Сайт Национального института корейской истории. Оригинальный текст *Чосон ванджо* Силлок. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kg_a_10704022_002 (дата обращения 24.01.2024).

⁵⁷ Дневниковые записи корейских ванов, посвященные государственным делам. Фиксация событий для данного источника велась в течение 150 лет, с января 1760 г. (36-й год правления короля Ёнджо) по август 1910 г. (4-й год правления Юнхи). Всего было составлено 2 329 книг.

勅使入接房闥之內。燒芙蓉香。衾枕褥席之間。實草香。依前例量宜齋去。 Прикажете человеку войти в помещение, зажечь благовония из гибискуса и окутать одежду, подушки, постельное белье и коврики у кровати. Сила «аромата гибискуса» зависит от количества зажженных благовоний (Цит. по [Ха Сумин, 2023, с. 22]).

Очевидно, во влажном климате курительные смеси широко использовались в период сезона дождей для маскировки запаха сырости и дезинфекции тканей.

В позднем периоде эпохи Чосон появляются энциклопедии о сельской жизни, в которых большое внимание уделяется применению ароматических веществ в различных сферах быта. Так, в 1827 г. ученым-сирхаковцем⁵⁸, литератором Со Югу (1764–1845) были изданы «Записки об управлении лесами и садами» (林園經濟志 кор. *Имвон кёнджседжи*, 1827) — солидный труд на книжном языке *ханмун*, посвященный вопросам правильного управления сельскохозяйственными угодьями в сельской местности.

Это чрезвычайно масштабное сочинение (54 книги, 113 тетрадей-квонов) содержит необходимые для жизни рекомендации и знания в следующих сферах: земледелие, медицина, боевые искусства, прядение, кулинария, игра на музыкальных инструментах, выполнение родовых обрядов, ловля рыбы и др.

Вторая книга этого памятника полностью посвящена специфике проведения ритуалов с благовониями, в ней дана классификация их типов и видов, описаны правила составления и размещения ароматических композиций в жилом пространстве, подробно представлен необходимый для воскурения благовоний инвентарь.

В таблице ниже представлена классификация моноароматов и комбинированных благовонных композиций.

⁵⁸ Имеются в виду активные деятели корейского философского течения конца XVI — начала XIX в. *сирхакпха* (實學派, букв. «реальные науки»), которые ратовали за социально-экономические реформы путем привлечения технологий и знаний естественных и гуманитарных наук в противовес конфуцианским догмам.

**Виды одиночных и составных благовоний
в соответствии с их свойствами**⁵⁹

Вид благовония	Происхождение	Состав ароматической композиции
Моноаромат	Растительное	Камфора, агаровое дерево, сандал белый, ликвидамбар, стиракс бензойный, тюльпан, гвоздичное дерево, ладан, девясил, розовое дерево, блюмея камфорная, валериана, вербейник, белая олива, ликвидамбар формозский, кинам, сыть круглая бетель, императа цилиндрическая, корейская мята (многоколосник морщинистый), элеокарпус, рута пахучая, дудник, фенхель, зубровка душистая, аромат дорогого чая
	Животное	Мускус, амбра
Составные благовония		雍文徹郎中牙香 «рецепт приготовления пряных благовоний, принадлежащий некоему врачу Юн Вэньчэ» ⁶⁰ , 延安郡公蕊香 «рецепт благовония Жуйсян начальника уезда Яньань», 供佛濕香 — «влажный аромат поклонения Будде», 牙香 «благовония, приготовленные из специй», 印香 «ароматические печати», 梅花香 «аромат цветов сливы», 毬子香 «шаловливый аромат» ⁶¹ , 信靈香 «божественный аромат», 雪中春泛香 «аромат наступления середины весны», 春消息 «аромат весенних новостей», 篤耨香 «фисташковый аромат», 雪蘭香 «аромат китайского базилика», 蠟梅香 «аромат каликанта» ⁶² , 野花香 «аромат диких цветов» ⁶³ ,

⁵⁹ Фрагмент сочинения Со Югу «Записки об управлении лесами и садами» (1827 г.) дается по: [Но Юнджу, 2019, с. 22–23]. Перевод с книжного языка *ханмун* и с корейского языка выполнен А. С. Шмаковой.

⁶⁰ Достоверно неизвестно, кто это, имя этого врача зафиксировано только в этом рецепте благовоний. Предположительно это был китайский врач, поэтому его имя записано по-китайски.

⁶¹ *Куджахян* (毬子香) — разновидность благовоний, при возжигании которых дым поднимается прямо вверх как шар и не рассеивается с течением времени. Метод его изготовления описан в сочинении «Записки об управлении лесами и садами».

⁶² Каликантус, или чашецветник, — род цветковых растений, входящий в семейство Каликантовые (*Calycanthaceae*).

⁶³ Вероятнее всего, это метафорическое выражение, обозначающее вид благовоний, использовавшихся при любовных встречах. Сочетание иероглифов 野花 (букв.

Окончание табл. 1

Вид благовония	Происхождение	Состав ароматической композиции
Составные благовония		藏春返魂梅香 «аромат цветов весенней сливы, придающий бодрость», 杏花香 «аромат цветков абрикоса», 小龍涎香 «длинные благовония малого дракона», 玉華香 «нефритовые благовония», 聚仙香沈速香 «благовония небожителей с быстро рассеивающимся запахом», 黃香餅 «императорские круглые благовония», 萬春香 «благовония десяти тысяч весен», 撒蘭香 «благовония из камфорного базилика», 芙蓉香 «благовония с „ароматом гибискуса“», 龍樓香 «благовония дворца дракона» («благовония императорского дворца»), 賽龍涎餅子 «круглые благовония из превосходной амбры», 四棄香餅 «круглые благовония из четырех компонентов», 東國芙蓉香 «благовония «аромат гибискуса» из восточных стран»

Каждому виду досуговой деятельности соответствовал свой особый вид аромата и благовонной композиции, о чем свидетельствуют материалы из следующей таблицы.

Таблица 2

Виды благовоний для различных занятий⁶⁴

Название аромата	Когда использовать	Виды благовоний
«Аромат спокойствия (отсутствия спешки)»	Во время разговоров о морали	妙高香 «Высокие благовония горы Сумеру» ⁶⁵ , 生香 благовония из мускуса, 檀香 благовония из сандалового дерева, 降真香 благовония из алойного дерева, 京線香 «столичные благовония»

«дикий цветок», «полевой цветок») в значении «любовница» противопоставляется понятию «законная жена» 家花 (букв. «домашний цветок»).

⁶⁴ Фрагмент сочинения Со Югу «Записки об управлении лесами и садами» (1827 г.) дается по: [Но Юнджу, 2019, с. 24]. Перевод с книжного языка *ханмун* и с корейского языка выполнен О. П. Чамян и А. С. Шмаковой.

⁶⁵ Сумеру — священная гора в буддизме и индуизме, представлялась центром Вселенной.

Название аромата	Когда использовать	Виды благовоний
«Нежный аромат»	Когда грустно и одиноко	蘭香 Благовония из орхидеи, 速香 благовония с быстро рассеивающимся ароматом, 沉香 «тонуший аромат» агарового дерева
«Мягкий аромат»	При переписывании строк, при сочинении стихов, при чтении	越隣香 Благовония из бензойной смолы ⁶⁶ , 甜香 «сладкий аромат», 萬春香 «благовония десяти тысяч весен», 黑龍挂香 «висячие благовония черного дракона»
«Элегантный аромат»	При задушевном разговоре	黃香餅 «Круглые императорские благовония», 龍延餅 «длинные благовония дракона», 內香餅 «круглые императорские благовония», 芙蓉香 благовония «аромат гибискуса»
«Теплый аромат»	При чтении, за чаем и вином	玉華香 Благовония нефритового цветка, 龍樓香 «благовония императорского дворца» (букв. «благовония дворца дракона»), 撒蘭香 благовония из камфорного базилика
«Благородный аромат»	При игре на цитре	棋楠香 Кинам ⁶⁷ , 唵叭香 древесный аромат элеокарпуса, 波律香 борнейская камфора ⁶⁸

Еще один сборник подобного рода — «Книга для женского чтения» (閨閣叢書 кор. *Кюхан чхонсо*) — был составлен одной из последовательниц

⁶⁶ Благовония из бензоина, бензойной смолы, или стиракса бензойного 安息香, с сильным терпким запахом, широко использовались для хорошего и крепкого сна. При китайской династии Мин было три популярных вида таких благовоний — «благовония из бензоина, приготовленные по рецепту Лю Хэ» (刘鹤所制越隣香 кит. *Лю Хэ со чжи юэлинсян*), «благовония небожителей» (聚仙香 кит. *цзюйсяньсян*) и «благовония из аквиларии с быстро рассеивающимся запахом» (沉速香 кит. *чэньсусян*). В произведении «Записки об управлении лесами и садами» название благовония 越隣香 ошибочно употреблено с иероглифом 隣 *лин* вместо правильного 鄰 *лин*.

⁶⁷ Кинам — самый лучший сорт аквиларии.

⁶⁸ Это благовоние изготавливалось из смолы борнейского лавра, аналог борнейской камфоры, или борнеола (龍腦香 кит. *луннаосян*). Его название ассоциировалось с мягкими и сильными музыкальными звуками, изменчивым тоном мелодии (波律香 букв. «аромат, повинующийся правилам движения волны»).

учения *сирхак* Пинхогак Ли-сси (憑虛閣李氏, 1759–1824) в 1809 г. Это сочинение, как и предыдущее, содержит инструкции и рекомендации по ведению сельского хозяйства, приготовлению пищи и алкогольных напитков, крашению, ткачеству, вышиванию, выращиванию тутового шелкопряда, наполнению посуды, воспитанию детей и подготовке к родоразрешению. Отдельная глава в произведении посвящена благовониям и инвентарю для возжигания курительных смесей как предметам досугового времяпрепровождения⁶⁹.

Немалое значение для изучения вопросов об использовании ароматических веществ аристократами во время их интеллектуального досуга имеют поэтические сборники и полотна художников направления *мунинхва*⁷⁰. Во эпоху Чосон такие произведения по образцу китайских создавались в огромном количестве, отражая всеобщую увлеченность использованием ароматических курений для концентрации ума, размышления, переживания чувств.

Кроме того, в эпоху Чосон активно происходило обобщение и классификация знаний об использовании ароматических трав и курений в медицинских целях, накопленных в предыдущие эпохи. На основе китайских классических сочинений создавались корейские сборники и справочники о лечении заболеваний благовонными композициями.

Среди таких сборников особую известность приобрел трактат «Драгоценное зеркало восточной (корейской) медицины» (東醫寶鑑 *Тон-ый погам*), основная редакция которого принадлежит чиновнику медицинского министерства и известному врачу Хо Джуну (1539–1615). Работа над составлением сборника, в который были включены корейские и китайские средневековые медицинские сочинения, началась в 1596 г. по указу вана Сонджо (1567–1608) и завершилась в 1610 г., в результате чего было создано 25 книг по 25 тетрадей-квонов в каждой. В этом сочинении даются подробные разъяснения о действии трав и их сочетаний на организм человека, излагаются рецепты лекарственных композиций, которые надлежало использовать при том или ином заболевании. Так, в трактате «Тон-ый Погам» сказано, что при вздутии живота и давлении в груди, отравлении, прыщах, укусах змеи, тошноте, кожном зуде, образовании тромбов и свищей хорошо применять благовония из стеблей ари-

⁶⁹ Электронная корейская энциклопедия Naver. Кюхяпчхонсо. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=550493&cid=46672&categoryId=46672> (дата обращения 25.01.2024).

⁷⁰ Под понятием 文人畫 *мунинхва*, или 士夫畫 *сабухва*, или 利家畫/隸家畫 *игахва/егахва* (букв. «живопись 'человека культуры'», «живопись аристократов») подразумевается живопись людей знатного происхождения.

столохии⁷¹ (цит. по: [Но Юнджу, 2019, с. 62]). Среди рецептов, приведенных в этом сборнике, наибольший интерес представляют сложные композиции типа благовоний «аромат гибискуса», которые изготавливались путем смешивания аквиларии с белым сандалом и еще десятью другими благовониями (имели форму длинной тонкой палочки).

沈東香・白檀各二兩，零陵香・甘松香・茅香各一兩，丁香・三乃子・八角各七錢，小腦五錢，白芨四兩或五兩。右研爲末，水和，撚作條如筋子大，陰乾燒之，此芙蓉小炷法也。

Аквиларии, белого сандала по два лян 72, кумаруны душистой, нардостахиса, зубровки душистой — каждого по одному лян, сирени, плодов нарда 73, аниса звездчатого, пять цзяней борнейской камфоры, четыре или пять лян орхидеи полосатой измельчите в порошок, смочите водой, сформируйте палочки, подобные палочкам для еды, скрутите, а затем высушите и зажгите. Это и есть рецепт приготовления благовоний из гибискуса (цит. по: [Ха Сумин, 2023, с. 10]).

Среди медицинских сочинений эпохи Чосон также большой известностью пользовалось сочинение «Краткие сведения по медицине» (醫林撮要 кор. *Ыйрим Чхвальё*), составленный Ян Есу (?~1597). Сочинение содержит 13 квонов, в которых, основываясь на своем многолетнем опыте лечения и результатах развития корейской медицины к тому времени, автор классифицировал заболевания и перечислил причины их возникновения, симптомы, методы лечения и простые рецепты для лечения каждого заболевания. В последней главе сочинения он рассказывает о своих клинических случаях и применении разных ароматов и трав для излечения пациентов. В седьмой книге трактата сказано, что вдыхание благовоний способствует излечению заложенного носа (цит. по: [Но Юнджу, 2019, с. 11]).

Среди других медицинских сочинений эпохи Чосон необходимо также упомянуть медицинский словарь «Собрание рецептов» (醫方類聚 кор. *Ыйбан ючхви*, 1445), «Собрание готовых рецептов нашей страны» (鄉藥集成方⁷⁴ кор. *Хяньяк чинсонбан*, 1443), «Рецепты первой помощи» (救急方 кор. *Кугыптан*, 1466),

⁷¹ Это род многолетних трав и деревянистых лиан семейства Кирказоновые (лат. *Aristolochiaceae*).

⁷² Китайская мера веса 兩 лян в тот период составляла около 37 г.

⁷³ Нард — высокогорное многолетнее травянистое растение подсемейства валериановых (лат. *Valerianoideae*), а также ароматное эфирное масло, получаемое из него.

⁷⁴ Термин 鄉藥 (кор. хяньяк) выработан в эпоху Чосон для обозначения исконно корейских лекарств в противопоставление китайским, в частности, танским.

«Простые способы борьбы с эпидемией» (簡易辟瘟方 кор. Кани пхионбан, 1525). В них описаны заболевания и приведены способы их лечения, в том числе и при помощи благовоний.

Таким образом, в период Чосон развитие ароматической культуры на Корейском полуострове значительно ускоряется, происходит обобщение уже накопленных знаний, их трансформация и создание на их основе собственно корейских медицинских, поэтических сочинений, энциклопедий, справочников, инвентаря.

В отличие от предыдущих эпох с относительно малой источниковой базой, в Чосон было создано огромное количество письменных и вещественных памятников, позволяющих в полной мере представить роль благовоний и ароматов в жизни социума. Несмотря на полный отказ мужчин из высшего сословия от буддизма в качестве государственной религии ⁷⁵, продолжалось использование ароматических смесей при отправлении ритуалов и обрядов, что свидетельствовало о формировании новых критериев чистоты и уюта, нового ольфакторного стандарта, связанного с особой заботой об окружающем пространстве и собственном теле.

Новый вектор восприятия запахов способствовал усложнению социальной стратификации корейского общества, в котором появлялись особые должности, связанные с изготовлением ароматических веществ и составлением ароматических композиций. Поскольку при этом благовония использовались как лекарственные средства, вместе со скрупулезным изучением китайских медицинских сочинений это готовило базу для развития оригинального корейского лечебного дела.

1.6. Буддийские ольфакторные практики на Корейском полуострове

Как известно, в ритуальных практиках многих религий Востока и Запада с глубокой древности уделяется большое внимание благовониям. Различные виды благовоний широко используются по крайней мере в пяти основных мировых религиях — буддизме, даосизме, христианстве, католицизме и исламе, что говорит о важной роли ароматов и ольфакторных практик в духовной деятельности людей.

В странах Восточной Азии за сотни лет накоплен колоссальный опыт использования ароматического сырья растительного, минерального и животного происхождения: написаны тысячи трактатов и справочников, изучены свойства отдель-

⁷⁵ Знатные женщины при этом по-прежнему оставались в числе приверженцев буддизма.

ных благовоний и их сочетаний, составлены подробные классификации душистых снадобий для их применения в бытовой, медицинской и религиозной сферах. При всем обилии аспектов существования аромакультуры в Азии одной из самых сложных, затрагивающих глубинные, архетипические слои дальневосточной традиции, являются как раз буддийские ольфакторные церемонии и культы.

В буддийской традиции скрупулезно изучены свойства и особенности ароматического сырья растительного, животного и минерального происхождения; разработаны рецепты составления на их основе душистых смесей, порошков, мазей, настоев; выработаны сложные ритуалы и церемонии с использованием благовоний. Различные ритуальные практики и концепции, связанные с перерождением мирян в благоухающей Чистой Земле 淨土 (кит. *цзинту*, кор. *чонтхо*, яп. *дзэ:до*), до сих пор составляют важную часть буддийских традиций махаяны в культуре Восточной Азии — Китае, Корее, Японии, Тибете.

Действительно, в теории и практике буддизма Восточной Азии благовония обладают чрезвычайно высоким статусом, прочно связанным с понятием перерождения в Чистой Земле, «на поле влияния Будды», а также со стремлением практикующих к совершенствованию и распространению «аромата добродетели». Адепты буддизма полагают, что, подобно тому как тело проповедавшего Будды источало благоухание, достигавшее «десяти направлений» и «трех миров», добродетель всегда обладает «ароматом наставлений», — то есть благовония способствуют состраданию и обретению мудрости, выходу сознания на новый уровень, приближающий исповедующего «истинное учение» к «совершенному учителю».

В буддизме роль ароматов и благовоний поистине огромна — как в практическом использовании, так и в философском, метафизическом осмыслении. Благовония в курительницах непременно помещают в храмах на алтарь наряду с душистой водой в сосудах, цветами, едой и питьем, светильниками, в связи с чем все эти дары называются «шестью видами подношений» Будде. Не только во всех известных сутрах, но и текстах светского характера часто встречается символика, связанная с метафорами буддийского характера — «ароматные заповеди», «устранение мирских заблуждений», «очищение души и тела», «улучить минутку для воскурения благовоний среди повседневной суеты» (букв. «мирской пыли») и проч.

Действительно, буддисты полагают, что аромат благовоний связан с понятием целостной мудрости (чистого видения)⁷⁶, а само подношение благовоний

⁷⁶ Например, в «Шурангама-сутре» это называется «достижением совершенного видения через чувство запаха», «достижением архатства через посредство чистого

считают особенным и священным способом связи с божествами. Добродетельный буддист, обладающий «истинным ароматом» (то есть нравственными и интеллектуальными достоинствами), стремится через подношение благовоний божествам следовать «аромату истины» на пути к нирване.

Буддийская доктрина подразумевает четко определенный набор рекомендаций⁷⁷ по использованию различных видов благовоний в тех или иных случаях: во время церемоний, при медитациях или на каждый день, включая воскурение таких компонентов, как аквилярия, сандал, борнеол, аир, мускус, стиракс бензойный, камфора, лотос, шафран, гибискус и др. Есть особая система правил, регулирующая время и порядок подношений благовоний тому или иному божеству буддийского пантеона. Большое внимание уделяется распределению курильниц в медитационном зале и выбору благовоний, чей аромат должен формировать то или иное состояние сознания.

Помимо запаха культура благовоний Восточной Азии традиционно уделяет особое внимание также и дыму, образуемому при сжигании ароматического сырья. Наблюдения за поведением дыма давали людям пищу для размышлений, визуализации различных образов, в том числе религиозных, в ритуалах гадания и медитации. В религиозных верованиях дым от сжигания сырья часто является признаком законности ритуала. Являясь побочным продуктом сжигания благовоний, он также обладает культурной символикой, играя роль посредника между Небом и человеком.

В корейском буддизме как части дальневосточной традиции в целом особое внимание уделяется методам использования благовоний при медитации и совершенствовании навыков самосозерцания.

Как и в дальневосточных буддийских практиках, там издавна существует специфическая «медитация через кончик носа» (鼻端參禪 кит. *бидуань цаньчань*), когда «пустота вкушения аромата» (參香的空性 кит. *цань сян дэ кунсин*) проходит повороты и изгибы — букв. «три излома на одной волне» (кит. 一波三折 и *бо сань чжэ*). Способ вкушения благовоний у буддистов предполагает сосредоточение на процессе. Это значит, что, во-первых, надо избавиться от разных посторонних запахов; во-вторых, надо научиться «созерцать нос»

го видения, направленного на прекрасные запахи» (перевод Д. Зильбермана). См. сайт буддийского общества «Дхарма». URL: <http://dharma.org.ru/board/topic1396.html>, а также сводное 100-томное издание китайских буддийских канонов «Тайсё: Трипитака» (大正新脩大藏經 кит. *Дачжэн синсю дацзанцин*, яп. *Тайсё: синсю: дайдо:кё:*). URL: <https://tripitaka.cbeta.org/T>. (дата обращения 14.02.2024)

⁷⁷ Эти рекомендации часто зависят от тех или иных медитационных техник и ритуалов, принятых в конкретной школе буддизма, храме или общине.

(鼻观 кит. *би гуань*), визуализировать вкус и аромат (观想趣味 кит. *гуаньсян цюйвэй*), а затем ощутить послевкусие и сосредоточиться на мысли (然后回味, 肯定意念 кит. *жаньхоу хуэйвэй, кэньдин инянь*) [Сунь Лян, 2018, с. 12]. В буддийской созерцательной практике есть понятие «белый кончик носа» (鼻端白 кит. *би дуан бай*), связанное с методом концентрации внимания на кончике носа, который через некоторое время практикующему кажется белым.

В 5-м свитке «Шурангама-сутры», чрезвычайно популярной во всех странах буддийского региона, сказано:

《楞嚴經》捲五：“世尊教我及拘絺儼觀鼻端白，我初諦觀，經三七日，見鼻中氣出入如煙，身心內明，圓動世界，徧成虛淨，猶如琉璃，煙相漸銷，鼻息成白，心開漏儘，諸出入息化為光明，照十方界，得阿羅漢。”

«Почитаемый миром (Будда) научил тогда меня и Каушти-лу фиксировать ум на кончике носа. Я начал медитацию и через три-семь дней увидел дыхание, которое входило в мои ноздри и выходило из них и было подобно дыму; внутренне и тело, и ум были ясными, и я смотрел сквозь внешний мир, который стал чистой пустотой, подобно хрусталу. Дым постепенно исчез, и мое дыхание стало белым. Ум открылся, и я теперь достиг состояния позади потока перевоплощений. Мои вдохи и выдохи, теперь «блестящие», осветили десять направлений так, что я достиг состояния Архатства. Всемирный Достопочтенный предсказал, что я достигну Просветления»⁷⁸.

Такие медитативные практики, как и поклонение Буддам и бодхисаттвам, по выражению Ю. В. Болтач, рассматривались верующими не только как «средства накопления благих заслуг», но и как путь получения от них помощи в решении бытовых проблем и духовных запросов. Со времени проникновения буддизма на Корейский полуостров в первых веках нашей эры⁷⁹ в обязанности монахов и адептов входили молитвы во имя процветания укрепляющейся государственной власти — будь то в ранних государствах Когурё, Пэкче и Силла (I в. до н. э. — VII в.), или позже, при династии Корё (918–1392), в период

⁷⁸ См. текст фрагмента сутры на кит. яз. URL: <https://baike.baidu.com/item/鼻端白/10039396> (дата обращения 08.07.2023), а также издание китайских буддийских канон «Тайсё: Трипитака» (大正新脩大藏經 кит. *Дачжэн синьсю дацзанцзин*, яп. *Тайсё: синсю: дайдо:кё:*). Т. 19, № 945. URL: https://tripitaka.cbeta.org/T19n0945_005 (дата обращения 14.02.2024). Перевод на рус. язык см. Секреты китайской медитации. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ю/уuj-lyu-guanj/sekreti-kitajskoj-meditacii/3> (дата обращения 08.07.2023).

⁷⁹ Об особенностях распространения буддизма в Корею см. [Болтач, 2023, с. 56–66].

расцвета буддийского вероучения. Образованные монахи выступали в роли советников и помощников правителей, занимались целительной деятельностью, строили культовые сооружения, призванные защитить государство от нападения извне, — словом, всемерно обеспечивали своей религиозной практикой благополучие в государстве [Болтач, 2023, с. 42–63].

На фоне быстрого распространения буддизма на Корейском полуострове и его сращения с местными верованиями было построено множество культовых сооружений раннего буддийского искусства, по которым можно судить о степени распространения ритуалов и культовых практик с благоговениями.

Среди выдающихся памятников архитектуры Объединенного Силла (668–935) можно назвать пещерный храм Соккурам с огромной статуей Будды и настенными каменными рельефами⁸⁰. Особо примечательны рельефные изображения двух архатов на панелях № 1 и № 10, держащих курительницы с длинными ручками. Архаты изображены в полуоборот, в полный рост, их худые фигуры облачены в монашеское одеяние, один из них, похоже, придерживает курительницу двумя руками, а другой держит левой рукой, лица их суровы и торжественны (См. [Хянно чарё чипсон, 2022, с. 176–177]). Лим Ёнъэ в своей статье «Являются ли десять архатов из грота Соккурам учениками Будды?» указывает на особую роль курительниц с ручкой как на важное средство «передачи Дхармы»: автор отмечает, что монахи с курительницами стоят слева и справа от статуи, символизируя церемонию «обхода вокруг Будды» с целью поклонения и почитания его. В этом случае изображения всех десяти архатов могут символизировать собой странствующих монахов в соответствии с совершенным числом «десять» в буддийской школе Хваом [Лим Ёнъэ, 2019].

Курительницы с длинной ручкой в странах Восточной Азии хорошо известны — они широко представлены в Китае с эпохи Тан (618–907), их изображения на рельефах и фресках встречаются в пещерных храмах Лунмэнь в г. Лоян и Могао близ г. Дуньхуан, а также в Японии с периода Асука (VI–VII вв.), когда буддийское вероучение достигло Японских островов⁸¹. Специфика таких курительниц состояла в том, что, в отличие от курительниц на ножках и подставках,

⁸⁰ Скальный грот высечен в граните в 774 г. на горе Тхохамсан как часть буддийского монастыря Пульгукса в окрестностях Кёнджу, бывшей столицы государства Силла. Грот Соккурам с 1995 г. вместе с монастырем Пульгукса (佛國寺), что значит Храм земли Будды, входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

⁸¹ Такие курительницы в Японии можно увидеть в коллекциях Токийского национального музея (東京国立博物館) и в сокровищнице Сё:со:ин (正倉院) в Нара. Их используют при богослужениях в крупнейших буддийских храмах Японии и в настоящее время.

которые ставились на стол или алтарь, сосуды с рукояткой длиной 20–30 см во время богослужений и поминальных ритуалов держали в руке. Обычно их изготавливали из позолоченной бронзы, мельхиора, бронзы и латуни, украшали золотым или серебряным литьем, перламутровой инкрустацией.

Есть весьма художественные экземпляры, где конец рукоятки изготовлен в виде сорочьего хвоста или украшен рельефной фигуркой льва. По наблюдению японской исследовательницы Оно Каё (小野佳代) из университета Токай-Гакуэн в Нагоя, которая проанализировала все известные в Китае курильницы с ручкой от периода Южных и Северных династий (до конца VI в.) до династии Сун (со второй половины X в.), ранние экземпляры использовались в основном при ритуалах клятв, прошений и молитв, тогда как со времени Суй и Тан (конец VI в. — начало X в.) их стали использовать также еще при декламации сутр, чтении мантр и в целом ряде других ситуаций, включая молитвы и обеты с коленопреклонением. Судя по текстам сутр и японским сборникам

Настенные каменные рельефы двух архатов с курильницами (панели 1 и 10) вокруг статуи Будды из пещерного грота Соккурам. Кёнджу, древнее государство Объединенное Силла, около 751 г. Дается по: [Лим Ёнъэ, 2019, с. 161].

Здесь и далее коллажи И. А. Аксёнова

буддийских рассказов, курильницы с ручкой часто держали в руке перед смертью в момент обращения к Будде с молитвой о перерождении в Чистой Земле высшего блаженства. Таким образом, можно говорить о том, что ручные курильницы в Китае применялись широко по крайней мере до конца эпохи Сун (X–XIII вв.), а в Японии — до конца эпохи Хэйан (794–1185) (см. [Пэкче кымдон тэханно..., 2023, с. 97–113])⁸².

Каменные статуи и рельефы с изображением архатов, монахов и мирян, держащих в руках курильницу с длинной ручкой, встречаются и среди других памятников буддийской храмовой архитектуры. Так, в музее г. Чхонджу в провинции Чхунчхон-Пукто Республики Корея выставлена стела Бодхисаттвы Майтреи, изготовленная предположительно в 673 г. В нижней части каменной стелы высечена сцена подношения благовоний: монах в длинном одеянии, стоящий на одном колене, в почтительно-благоговейной позе преподносит Бодхисаттве благовония в курильнице на длинной ручке (см. [Хянно чарё чипсон, 2022, с. 172–173]).

Обращает на себя внимание также ряд религиозных сцен поклонений Будде с изображениями фигур в высоких шапках, с курильницами на длинной ручке, выгравированных на скале в горах Тансоксан в Кёнджу. Поскольку реальных курильниц, сделанных в период существования государства Силла, не сохранилось, эти свидетельства древнего буддийского искусства обладают чрезвычайной ценностью [Там же, с. 168–169].

По мере развития буддизма курильницы и инструментарий претерпевали множество изменений — для их изготовления требовались различные материалы и специфические формы, соответствующие определенным свойствам душистого сырья.

На территории Корейского полуострова сохранилось несколько десятков памятников каменного буддийского зодчества, свидетельствующих об этих изменениях. В каталоге «Коллекция материалов по курильницам в древних государствах Когурё, Пэкче и Силла», подготовленном коллективом авторов из Национального музея Пуё, можно найти сведения о таких памятниках. Среди них — каменные изваяния Будды на троне, буддийские триады с изображением различных курильниц в нишах, а также буддийские пагоды и ступы (см. [Хянно чарё чипсон, 2022, с. 138–199]).

О древних обрядах и ритуалах с благовониями, связанных с распространением буддизма на территории Корейского полуострова, можно судить и по со-

⁸² В настоящее время традиция использования таких курильниц в Восточной Азии постепенно возрождается.

хранившимся фрескам государства Когурё. На одной из самых известных фресок из гробницы Анак-3 (安岳三號墳), предположительно относящейся к 357 г., изображена сцена преподнесения курильницы с благовониями супруге хозяина гробницы, которая сидит на возвышении в богатом и пышном одеянии. Вокруг нее стоят служанки, и одна из них почтительно, двумя руками, подает ей курильницу на подносе. Сама курильница внешне напоминает яйцо правильной формы, стоит на трех изогнутых изящных ножках. Крышка ку-

Каменная стела Бодхисаттвы Майтреи со сценой подношения благовоний в курильнице на длинной ручке. Музей г. Чхонджу провинции Чхунчхон-Пукто Республики Корея, около 673 г. Дается по: Электронная корейская энциклопедия.

URL: <https://m.terms.naver.com/entry.naver?docId=554996&cid=46659&categoryId=46659>, дата обращения 17.02.2024

рильницы покрыта ромбовидным узором, а ее верх венчают три парящие птицы. В отличие от этого чудом сохранившегося изображения две другие фрески конца V в. из гробниц Чанчхон-1 (長川一號墳) и Ссанёнчхон (雙楹塚) читаются не так ясно. На первой из них изображена группа людей вокруг Будды на пьедестале, в нижней части которого можно распознать курильницу. На второй из них можно увидеть процессию, которую возглавляет знатный человек в богатых одеяниях. Перед ним шествует служанка, которая несет на голове дымящуюся курильницу на высокой подставке (по другой версии, высокий светильник) [Там же, с. 130–135].

Наряду с этими памятниками можно вспомнить и другой вид изделий, где запечатлены курильницы. Одним из самых древних таких художественных свидетельств можно считать «священный колокол вана Сондока» (聖徳大王神鍾 кор. Сондок Тэван синджон), отлитый в 771 г. в Кёнджу, бывшей столице государства Силла. Огромный колокол весом почти 19 тонн и высотой в 3,77 м считается шедевром искусства позднего Силла: он испещрен множеством иероглифических знаков и рельефных узоров в виде цветов лотоса. Колокол особенно интересен виртуозно исполненными изображениями небесных дев

Фрески из гробниц древнего государства Когурё.

В центре: сцена преподнесения курильницы с благовониями супруге хозяина гробницы (гробница Анак-3 安岳三號墳, около 357 г., южная стена западной камеры); *по горизонтали:* сцена торжественного шествия, впереди которого идет служанка с дымящейся курильницей на высокой подставке (гробница Ссанёнчхон 雙楹塚, конец V в., восточная стена главной камеры). Дается по: [Чхонсан-ый мунъян есуль: Когурё пёкхва, 2020, с. 256–257, 268–269, 334]

апсар, которые стоят на коленях на лotosовом троне, держа перед собой на вытянутых руках курильницы в форме цветов лотоса — словно подносят драгоценный фимиам божествам [Кёнджу, 2012, с. 246–249].

С наступлением эпохи Чосон в XIV в. вплоть до Нового времени, когда буддизм начал сдавать свои позиции, уступая место неоконфуцианским, а затем и прозападным воззрениям в обществе, количество вещественных и письменных памятников буддийского характера существенно снизилось. Вместе

«Священный колокол вана Сондока» (聖德大王神鍾 кор. Сондок Тэван синджон) с изображением небесных дев, которые, сидя на лotosовом троне, держат на вытянутых руках курильницы в форме цветов лотоса. Кёнджу, древнее государство Объединенное Силла, 771 г. Фото Е. Э. Войтишек

с этим уходили из повседневной жизни многие ритуалы, культы и представления, свойственные буддийскому церемониалу, уделявшему много внимания культуре использования благовоний.

Тем не менее анализ и интерпретация археологических и эпиграфических памятников, письменных источников, культурных артефактов, игровых традиций, изделий декоративно-прикладного искусства, особенностей духовно-целительных практик эпохи Чосон дают основания утверждать, что буддийская тема пульсировала в корейском общественном сознании всегда, время от времени обозначая себя более явно в тех или иных сферах культуры. Свою особую миссию духовного совершенствования (в том числе с помощью ароматов и благовоний) осознает и современное корейское буддийское духовенство, призывая активнее изучать не только богатое культурное наследие Корейского полуострова, но и ольфакторные практики соседних стран — Китая и Японии (см., например, [Хянтогу тхыкпёльджон, 2022]).

Все это задает особую актуальность изучения тех буддийских практик, которые связаны с использованием благовоний в странах дальневосточной традиции. Их изучение подразумевает не только знакомство с особенностями ритуалов и инструментария, но и скрупулезные изыскания в области письменных источников, касающихся самых разных аспектов бытования ольфакторных манипуляций (поиск и методы использования различных видов ароматического сырья, виды подношений, специальные мудры и мантры, использующиеся при этом, гадательные техники и др.). Актуальность такого исследования вытекает также из насущной необходимости широкого обобщения имеющихся данных по отдельным регионам Восточной Азии.

Некоторые направления и результаты этих исследований обозначены в последующих главах настоящей работы.

ГЛАВА 2

ТЕХНИКА И РИТУАЛ В АРОМАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Практика применения благовоний на Корейском полуострове была широко распространена с глубокой древности — об этом однозначно свидетельствуют сохранившиеся письменные и вещественные источники. И хотя до нашего времени дошла лишь малая их часть (особенно по сравнению с китайскими материалами), тем не менее по ним можно судить о том, что использование благовоний в Корее широко практиковалось уже начиная с первых веков нашей эры. Прежде всего, это касалось религиозно-церемониальной, бытовой, санитарно-гигиенической и медицинской сфер, что не исключало осмысления их роли и в художественно-эстетическом аспекте⁸³.

Можно предположить, что корейские авторы, опираясь на устойчивую традицию придворного церемониала в Китае, а также на многочисленные труды китайских ученых, врачей, даосов и алхимиков, к X в. тоже обладали солидным запасом энциклопедий и справочников, трактатов и сборников рецептов многокомпонентных благовоний⁸⁴. Во всяком случае в корейских исторических трудах

⁸³ Яркий пример тому — изготовление знаменитой курильницы Пэкче (сер. VII в.). См. разд. 2.3 «Курильница Пэкче как национальный культурный символ». Многие корейские авторы склонны связывать расцвет культуры благовоний в древности именно с этим изделием. Так, Пак Хиджун полагает, что культура благовоний стала к настоящему времени неотъемлемой частью корейской традиционной культуры во многом через курильницу государства Пэкче [Park Heejun, 1998, p. 63].

⁸⁴ К тому времени были уже известны многие выдающиеся сочинения китайских авторов, составленные в эпоху Тан (618–907), — например, сборник «Классифицированное собрание произведений искусства и литературы» (藝文類聚 *Ивэнь лэйцзюй*), составленный в 624 г., где немало разделов было посвящено благовониям и душистым лекарственным травам, курильницам, разным видам ароматической

более позднего времени неоднократно упоминаются буддийские и светские ритуалы воскурения ароматов, случаи опытов врачевания и различных практик с благовониями, описываются сцены преподнесения ценных пород душистой древесины и ароматических изделий высокопоставленным лицам или храмам, приводятся стихотворения, эссе и комментарии литераторов по поводу тех или иных церемоний или инструментария для воскурения благовоний.

Кроме того, яркой спецификой отличаются корейские ритуальные, магические и гадательные практики с использованием благовоний. Тому примеры — уникальный средневековый обычай захоронения фрагментов ароматической древесины с последующими ритуалами освящения этого места, а также некоторые сакральные игры и развлечения.

Все это говорит о достаточно разработанной и устоявшейся традиции применения ароматического сырья в древности и раннем Средневековье на Корейском полуострове.

2.1. Виды благовоний и ароматического сырья

Что касается исходного материала для благовоний, то в Корее сырьем являлись природные ароматические субстанции животного и растительного происхождения из южного Китая, разных регионов Индии, Арабского Востока и Юго-Восточной Азии, поступавшие на территорию Корейского полуострова сухопутным и морским путем.

Предположительно набор этих ароматических веществ мало отличался от того, что использовался в средневековом Китае. Учитывая разные климатические особенности северных и южных регионов территории полуострова, там могло быть в ходу и местное душистое сырье. На севере Кореи, скорее всего, предпочитали растительные благовония — их травянистые, листовые, цветочные и древесные разновидности (жасмин, ирис, гардения, цветы сливы, османтус, магнолия, лилия и др.). По мере продвижения на юг и вглубь Корейского полуострова предпочтением пользовались более терпкие и сильные ароматические вещества растительного происхождения (разные виды древесины, смолы, эфирные

древесины и ароматных напитков. В числе знаменитых трудов можно еще упомянуть справочники по травам «Вновь составленное описание корней и трав» (新修本草 *Синьсю бэньцао*, 656–661) и «Дополнения к травнику» (本草拾遺 *Бэньцао шицзи*, 741), а также труды известного танского врача Сунь Сымяо (孙思邈, 581–682) «Рецепты ценою в тысячу золотых» (千金要方 *Цяньцзинь яофан*), «Дополнение к рецептам ценою в тысячу золотых» (千金翼方 *Цяньцзинь ифан*) и др. [Войтишек, 2023б, с. 45].

масла, мази), часто применявшиеся при окурировании помещения с целью борьбы с инфекциями, сыростью и плесенью, назойливыми насекомыми и проч.

Среди древесных веществ особенной популярностью в странах Восточной Азии, включая Корею, пользовались смолистые виды: аквилярия, или агаровое / алойное дерево (лат. *Aquilaria sinensis*), сандал (лат. *Santalum Album*), мастиковое / фисташковое дерево (лат. *Pistacia lentiscus*), сосна (лат. *Pinus*), а также смолы — ладан (лат. *Olibanum*), мирра (лат. *Commiphora myrrha*), бензоин и др. Все они отличались стойким смолистым ароматом, гармоничным взаимодействием с другими душистыми компонентами. Кроме того, успешно применялись в разных сферах плоды, бутоны, цветы, корневища, кора растений, кустарников и деревьев (корица, гвоздика, шафран, лаванда, лемонграсс, анис, нард, камелия, куркума, мелия сычуаньская, корейская мята, кумаруна душистая, лимон, имбирь, апельсин, кипарис, можжевельник, палисандр и многие другие). Среди ароматических веществ животного происхождения с резким и стойким запахом на Корейском полуострове так же, как в Китае, широко использовались серая амбра (лат. *Ambra ambergis*), мускус (лат. *Muscus*), оперкулум морских брюхоногих (лат. *Operculum*), чешуя ящера панголина (лат. *Pholidota*), цибетин (лат. *Zibethum*) (пахучий секрет, вырабатываемый железами виверры или циветты — хищников, близких куньим или кошачьим), бобровая струя (лат. *Castoreum*) и др. (подробнее см. [Войтишек, 2021, с. 26–37]).

Пожалуй, среди всех благовоний несомненное первенство принадлежит древесине аквилярии (沉香 кор. чхимхян) и сандала (檀香 кор. танхян), а также веществам животного происхождения мускусу (麝香 кор. сахян) и серой амбре (龍涎香 кор. ёнёнхян). Их достоинства столь безмерны, что они, по мнению китайских исследователей, входят в список «четырёх великих знаменитых ароматов» (四大名香 кит. Сы да мин сянь) [Му чжун цзуаньши, 2014, с. 125–126].

Однако так же, как в других странах Восточной Азии, Индии и Ближнего Востока, наибольшим авторитетом в Корее всегда пользовались выдающиеся качества древесины аквилярии (агарового, или алойного дерева), благодаря которой она заслужила эпитет «царственного аромата» и заняла по праву самое почетное место в иерархии благовоний (см. подробный обзор видов и классификаций аквилярии, свойств и качеств древесины [Войтишек, 2021, с. 37–49]). Дерево аквилярии (наряду с сандалом) упоминается чаще всего в основных исторических хрониках и документах средневековой Кореи, а благовония из ее древесины «тонуший аромат» (沉香 чхимхян)⁸⁵ до сих пор наиболее высоко

⁸⁵ Древесина аквилярии заслужила название «тонущее дерево» или «тонуший аромат» из-за насыщенности душистой смолой, вырабатываемой деревом в качестве

ценятся на современном рынке ароматической продукции по всему Корейскому полуострову.

С давних пор в Корее существует множество видов благовоний и способов их изготовления, что обусловлено широким спектром их применения. Так же как в традиционном Китае, там благовония изготавливались в виде брикетов (평향 кор. пхёнхян), палочек (차루향 кор. чхарухян), конусов (뽕향 кор. ппурхян), порошка (가루향 кор. карухян), таблеток (아향 кор. ахян), спиралей (권향 кор. квонхян) и др.⁸⁶ Предпочтения того или иного вида зависели от разных факторов культуры, традиций и обычаев, сферы использования.

Во времена Трех государств (I в. до н. э. — VII в. н. э.) и Объединенного Силла (668–935), а также в эпоху Корё (918–1392) в Корее был распространен обычай захоронения каких-либо священных предметов, реликвий и особо ценных текстов в каменных пагодах при буддийских храмах⁸⁷. Наряду с этим часто встречались фрагменты древесины аквиллярии, можжевельника, палисандра⁸⁸, сандала и другого аромасырья, наличие которого свидетельствовало о древнем ритуале почитания священных реликвий драгоценными благовониями.

самозащиты вследствие получения им каких-либо повреждений. Тяжелая, пропитанная смолой древесина тонет в воде — отсюда и название.

⁸⁶ Корейский исследователь Пак Хиджун выделяет еще специфический вид порошковых благовоний сонхян (선향), которым набивали трубки тростника или колена молодого бамбука [Park Heejun, 1998, с. 63]. Видимо, такие благовония воскуривали, поджигая трубочки с одного конца и наблюдая, как ароматный порошок медленно тлел внутри. Вероятно, такой вид благовоний использовали при окуривании помещений.

⁸⁷ Этот обычай, вероятно, имеет китайские корни. В крупнейших буддийских храмах и монастырях Китая сохранились древние каменные пагоды, где в реликвариях захоронены останки Будды и фрагменты благовоний (например, каменные пагоды Лэйфэн 雷峰塔 в г. Ханчжоу и Даянь 大雁塔 в г. Сиань). В настоящее время пагоды со священными реликвариями возводят из дерева.

⁸⁸ Палисандр (англ. *Rosewood*), или «розовое дерево», на самом деле представляет собой древесину нескольких видов тропических деревьев, произрастающих в Южной Америке, Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Внутренняя часть древесины имеет розовато-фиолетовый цвет. Эта древесина с древности повсеместно служит материалом для изготовления мебели, ширм, утвари и музыкальных инструментов. Некоторые источники свидетельствуют о том, что большие деревья палисандра (высотой 1,5–2 м) используются для изготовления различных изделий, а деревья и кустарники высотой всего 30–40 см служат материалом для приготовления благовоний. См. [Пэчке кымдон хянно, 2023, с. 123].

Виды благовоний, использующихся
на Корейском полуострове с древности.

Сверху вниз

Душистая древесина: аквилария, сандал, палисандр, туя, можжевельник.

Смолы: ладан, бензоин, борнеол.

Растения: нард, корейская мята, куркума, лаванда.

Почки и плоды: гвоздика, кумаруна душистая, плоды мелии сычуаньской.

Аромасырье: трава кирказон слабый, животный мускус, кристаллы камфоры.

Материалы выставки «Бронзовая позолоченная курильница Пэкче 3.0»
в Национальном музее Пуё Республики Корея, октябрь 2023 г. Фото Е. Э. Войтишек

Так, в каменной пагоде Соккатхап в храме Пульгукса⁸⁹ в Кёнджу, древней столице государства Силла (57 г. до н. э. — 935), внутри реликвария обнаружены фрагменты древесины аквилярии и можжевельника⁹⁰. В каменной пагоде храма Мирыкса в г. Иксан, крупнейшем буддийском храме государства Пэкче (18 г. до н. э. — 660 г. н. э.), наряду с золотыми пластинами, керамическими сосудами и шестью контейнерами была найдена бронзовая чашка с застывшей ароматической смолой босвеллии зеленого цвета⁹¹ [Пэкче кымдон хянно, 2023, с. 122].

Корейские мастера еще в древности овладели технологией смешивания различных ароматических субстанций с последующими этапами сушки и формовки. В Национальном музее Кореи в Сеуле хранится инкрустированная перламутром шкатулка эпохи Корё с тринадцатью прессованными благовониями в виде печаток диаметром примерно 10–12 мм в форме цветков с отчетливо выраженными пятью или шестью лепестками. В центре таких печаток выгравированы неровные кружочки (по типу картофелин) или иероглиф «сердце» (心). Как установили корейские исследователи, эти благовония изготовлены путем смешивания порошка из древесины сандала и аквилярии (агарового, или алойного дерева) с медом и последующей штамповки в деревянной форме. По мере «созревания» цвет таких штампованных печаток приобретает все более коричневый оттенок, а их аромат становится густым и насыщенным. Чем ближе к внешней стороне печаток, тем цвет благовоний светлее, а аромат менее интенсивный (см. [Пэкче кымдон хянно, 2023, с. 123])⁹². Некоторые сохранившиеся печатки имеют полностью белесый цвет, и, следовательно, наверняка почти не пахнут.

⁸⁹ Огромный буддийский монастырский комплекс Пульгукса 佛國寺 (Храм Земли Будды) был построен в 528 г., затем неоднократно восстанавливался после пожаров и войн. При реставрации в средней части пагоды Соккатхап были обнаружены ценные реликвии, которые в настоящее время выставлены в музее храма Пульгукса (佛國寺博物館).

⁹⁰ Материалы поездки Е. Э. Войтишек в Кёнджу и осмотра музея храма Пульгукса (ноябрь 2022 г.).

⁹¹ Из вечнозеленых деревьев рода Босвеллия, произрастающих в Сомали, Северо-Восточной Африке и на юге Аравийского полуострова, добывали ладан — смолу, которая известна как одно из самых древних благовоний, ценившихся на вес золота в Египте, Иране, Индии, Юго-Восточной Аравии и Азии [Войтишек, 2021, с. 28].

⁹² Материалы специальной выставки «Большая бронзовая позолоченная курильница Пэкче. Воскурение благовоний» в Национальном музее Пуё в рамках празднования 30-летия обнаружения в 1993 г. знаменитой курильницы Пэкче (полевые исследования Е. Э. Войтишек, октябрь 2023 г.).

Прессованные благовония-печати (диаметром 10–12 мм) из порошка древесины аквиларии и сандала в форме цветков. В центре печаток выгравированы неровные кружочки или иероглиф «сердце» (心). Материалы выставки «Бронзовая позолоченная курильница Пэкче 3.0» в Национальном музее Пуё Республики Корея, октябрь 2023 г. Фото Е. Э. Войтишек

Что касается изображения иероглифа «сердце», украшающего середину части этих благовонных печаток, то некоторые южнокорейские специалисты склонны усматривать в них средневековую традицию, поддерживаемую китайскими и корейскими интеллектуалами — «людьми культуры» (文人 кит. *вэньжэнь*, кор. *мунин*), которые изготавливали благовонные печати в виде иероглифа «сердце» (кит. 心字香 *синь цзы сянь*), экспериментируя с порошком, составленным из нескольких видов ароматических субстанций⁹³.

Несмотря на то что материальных свидетельств изготовления таких печатей очень мало, упоминания о них иногда встречаются в средневековой корейской и китайской литературе. Тому пример — эссеистические и поэтические произведения известных корейских литераторов эпохи Чосон (1392–1910). Так, можно указать цикл стихотворений знаменитого писателя Ким Сисыпа (金時習, 1435–1493)⁹⁴ из «Сборника строф горных отшельников» (山居集句 кит. *Шаньцзюй цзицзюй*, кор. *Санго чип-*

⁹³ См. следующий раздел «Ароматические печати».

⁹⁴ Ким Сисып по праву считается в Корее одним из наиболее выдающихся литераторов раннего Чосона. Он прославился созданием многих поэтических сборников, сюжетных повествований буддийского толка и развлекательных новелл. Большой известностью пользуется его сборник новелл на китайском языке «Новые истории, написанные на горе Кымо» (金鰲新話 кор. *Кымо синхва*), созданный по мотивам произведения китайского писателя Цюй Юй (瞿佑, 1341–1427) «Новые рассказы у горящего светильника» (剪燈新話 кит. *Цзяньдэн синьхуа*). См., напр., [Гольгина, 1980, с. 236–250; Троцевич, 2004, с. 116–123].

ку) и сочинение Син Ви (申緯, 1769–1847?) «Оплакиваю государственного цензора Цзян Цюиня» (哭蔣秋吟御史 кор. Кок Чхан Чхугы мо са)⁹⁵, где фигурирует печать в виде знака «сердце».

Для примера приведем фрагмент под номером 10 (其10) из вышеуказанного сборника Ким Сисыпа.

古鼎燒殘心字香。 蒲團紙帳任更長。
重門深鎖無尋處。 脩竹半窓雲一床。

В древнем треножнике тлеют остатки курений иероглифа «сердце».

На тростниковой циновке сижу, безмятежно откинув бумажный полог.

Все двери заперты крепко, нет никого, звука не слышно.

Высокий бамбук закрыл половину окна, облака — что пуховое ложе⁹⁶.

На самом деле вышеприведенный текст — пример литературных изысков Ким Сисыпа, своеобразная вольная интерпретация поэтических образов из произведений известных китайских литераторов, творивших в жанре «поэзии отшельников». Все четыре строки в строфе представляют собой цитаты и аллюзии на творения китайских поэтов прошлых веков. Так, первая строка — аллюзия на строфу «В древнем треножнике тлеют остатки курительной свечи» (古鼎燒殘一炷香) китайского поэта Ли Чунжэня, жившего в начале эпохи Юань (李崇仁, 《倅一笑 其一》); вторая строфа — точная цитата из стихотворения литератора Чэнь Юя (陳郁, 《閉戶》), жившего на стыке династий Сун и Юань; третья строфа полностью повторяет строку из стихотворения танского поэта Лан Шиюаня (郎士元, 《聽鄰傢吹笙》); четвертая строфа — снова прямая цитата из сочинения писателя Фан Юэ династии Южная Сун (方嶽, 《次韻徐宰集珠溪》). В свою очередь, китайские литераторы более позднего времени тоже любили эксплуатировать образ древней курильницы с тлеющим узором печати. Например, цинский поэт Чжао Вупэй (趙我珮) в сочинении «Полноводная река краснеет» (《滿江紅》) использовал его во фразе «В драгоценном треножнике догорает печать с иероглифом „сердце“» (寶鼎燒殘心字篆 кит. Бао дин шао цан син цзы чжуань).

⁹⁵ Известный общественный деятель, выдающийся поэт, каллиграф, живописец позднего Чосона, прославился в корейской живописи изображением бамбука. О жизни и творчестве Син Ви см. корейский электронный информационный ресурс: URL: www.ncukorea.aks.ac.kr (дата обращения 06.12.2023).

⁹⁶ Поэтический фрагмент сочинения Ким Сисыпа приведен по электронной базе данных древних корейских источников. URL: <https://db.itkc.or.kr/> (дата обращения 06.12.2023). Пер. с кит. Е. Э. Войтишек и Яо Суна.

Эти примеры свидетельствуют о некоторой известности данного приема возжигания благовоний в восточноазиатском регионе в Средневековье и Новое время, однако нельзя сказать, что воскурение благовоний в виде изящных печатей с иероглифом «сердце» было очень распространено — за исключением китайских и корейских «людей культуры», воспевающих их в своем поэтическом и художественном творчестве, о них почти не знали. Самые древние формы аромапечатей, вероятно, сложились в идеологии эзотерического буддизма (VI–VIII вв.) и имели сакральный смысл, тогда как форма печати со знаком «сердце» появилась только в эпоху Сун (X–XIII вв.), во время расцвета ароматической культуры в Китае, когда они и были, по всей видимости, заимствованы корейскими ремесленниками.

При всем многообразии орнаментов, используемых в китайском и корейском традиционном и декоративно-прикладном искусстве, иероглиф «сердце» не входит в число распространенных узоров: символика знака «сердце» напрямую не связана ни с даосизмом, ни с буддизмом, а тем более с конфуцианством, где запрещалось открыто говорить о чувствах и эмоциях. Популярность понятия «сердце» как синонима чувствительности и сентиментальности в настоящее время в странах Азии отчасти связана с проникновением западных культурных и парфюмерных стандартов, с эксплуатацией символов в виде сердечек-*heart*, «смайликов», пиктограмм *эмодзи* в масс-культуре. Отражением этой тенденции можно считать появление в Китае и Южной Корее всевозможных курильниц в форме сердца, в том числе ароматических печатей, где используются и силуэты в виде сердечка, и штамп-трафарет с изображением иероглифа 心 *синь*⁹⁷.

На современном южнокорейском рынке душистые вещества широко представлены и в жидком виде (эфирные масла, духи, одеколаны, лосьоны, эссенции, парфюм для дома⁹⁸ и другая косметическая продукция).

⁹⁷ В настоящее время большое количество подобных креативных курильниц предлагают глобальные виртуальные торговые площадки и интернет-магазины (AliExpress, Taobao, Gmarket, Amazon и др.), где любители благовоний могут выбрать любой товар на свой вкус. Знатоки благовоний из России тоже могут приобщиться к современным тенденциям ольфакторного искусства — к их услугам такие известные торговые интернет-компании, как Ozon и Wildberries, где также представлен широкий выбор различного инструментария.

⁹⁸ Например, популярные в Южной Корее освежители воздуха Oud Water, Fig Woody, Love Santal, которые используются как ароматизаторы текстиля и помещений (англ. *life perfume*).

При этом характер использования тех или иных благовоний зачастую определяется их функциями. Так, благовония в виде палочек и конусов (прессованных и спиралевидных) используются в бытовых, повседневных целях, а также в религиозных поминальных службах; курительные свечи в виде спирали часто служат средством отпугивания насекомых и moskitов. Специфические курильницы в виде печатей с душистым порошком (印香 кор. *инхьян*), представляющие своеобразные пресс-формы иероглифов с благожелательным смыслом, используются для ароматизации помещения и развлечения, для измерения временных промежутков, а также в буддийских церемониях. Почти все виды и формы благовоний могут применяться в лечебных и профилактических целях, что с успехом используется во всех восточных медицинских практиках.

2.2. Виды курильниц

Ароматический инвентарь Восточной Азии представлен прежде всего курильницами различных типов. Формы курильниц, также как и материалы, из которых они изготавливались, были заимствованы из Китая. В ранние периоды корейской истории материалом для изготовления курильниц была бронза, позднее — селадон, а затем белый фарфор. В настоящее время курильницы делают из дерева, металла (латуни и бронзы), фарфора и стекла.

В истории культуры Корейского полуострова из всего многообразия курильниц, которые, без сомнения, были известны по китайским образцам, можно отметить несколько наиболее популярных типов, которые различались по форме тулова, конфигурации крышки и подставки (ножек). Все эти сосуды использовались в ритуальных и бытовых целях.

Типология курильниц

Курильницы с крышкой в форме горы Бошань 博山爐 (кит. *бошаньлу*, кор. *паксанно*)

Самые ранние образцы таких курильниц были обнаружены в погребениях китайской знати, датируемых эпохой Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Курильницы *бошаньлу* находили широкое применение в разнообразных культурных практиках и дворцовых церемониях, использовались в бытовых, санитарных и лечебных целях. В силу своей внешней привлекательности и широкой функциональности они служили для аристократии показателем высо-

кого социального статуса. Во времена правления китайского правителя У-ди (140–84 гг. до н. э.) курильницы данного типа были стандартным видом прикладных изделий, составлявших погребальный инвентарь знати и правителей. Захоронения, в которых были найдены курильницы *бошаньлу*, располагаются на территории современных провинций Аньхой, Шэньси, Шаньси, Хэбэй, Хунань, Сычуань, Цзянсу и Ляонин в Китае. В настоящий момент известно более ста курильниц *бошаньлу*. Как правило, они изготавливались из бронзы способом литья по выплавляемым моделям. Зачастую на бронзовое изделие наносилась позолота (см. подробнее [Войтишек, 2023б, с. 103–112]).

Что касается Корейского полуострова, то первая бронзовая курильница в форме горы хронологически относится к 1 в. до н. э., она обнаружена в Согамни (гробница № 9), в окрестностях современного Пхеньяна в КНДР. В дальнейшем курильниц такого типа из разных материалов было найдено довольно много [И Хэён, 2020, с. 4].

Среди них особого внимания заслуживает большая бронзовая позолоченная курильница Пэкче⁹⁹, датируемая концом VI в. — серединой VII в. Курильница Пэкче в виде горы Бошань 博山爐 (кор. *паксанно*), наследуя традиции ханьских изделий, демонстрирует яркий самостоятельный характер творческих поисков мастеров эпохи Пэкче.

Особого внимания заслуживает курильница *бошаньлу* из белого фарфора, изготовленная в эпоху Корё (XII в.). Эта курильница была выкуплена у японцев известным корейским меценатом колониального периода Кансоном Чон Хёнпхилем (1906–1962) и помещена в коллекцию основанного им же в 1938 г. музея Похвагак (ныне Художественный музей Кансона) в Сеуле¹⁰⁰.

Курильницы в виде «чаши на ножке» 香碗

(кит. *сянвань*, кор. *хянвар*)

Данный тип курильниц выполнен в виде бронзовой чаши на широкой ножке, переходящей в высокое тулово с плоским и широким венчиком, без крышки. Эти сосуды появились в Корее в период Трех государств. Считается, что они повторяют типичную форму силаских ритуальных сосудов.

Общий внешний вид курильниц в последующие эпохи — Корё и Чосон — остался без изменений, трансформируется лишь форма подставки и ее пропор-

⁹⁹ См. раздел «Курильница Пэкче как национальный культурный символ».

¹⁰⁰ Высота курильницы составляет всего 8,5 см, диаметр — 8,1 см. Сосуд был найден в гробнице династии Корё недалеко от Кэсона. Официальный сайт Художественного музея Кансона. URL: <http://kansong.org/> (дата обращения 06.12.2023).

ции относительно тулова [Ли Хэин, 2020, с. 9]. Среди сосудов данного типа можно выделить большую бронзовую курильницу из храма Понопса (奉業寺) в провинции Кёнги-до в г. Ансон и бронзовую курильницу с серебряной инкрустацией из уезда Хампхён (咸平宮主房 кор. *Хампхён гунджубан*)¹⁰¹, изготовленную в XIII в. в эпоху Корё.

Курильницы с фигурными крышками 像形香爐

(кит. *сянсин сяню*, кор. *санхён хянно*)

Курильницы такого типа чаще всего представляют собой селадоновые трехножки с низкой чашей и изображением растения, чудесного или магического животного на крышке — льва, утки, жирафа или феникса¹⁰².

Одно из таких изделий — знаменитая селадоновая курильница XII в. с ажурной крышкой «Семь чудес света» (青磁透刻七寶文香爐 кор. *Чхонджа тхугак чильбомун-ый хянно*). Ее высота 15,3 см, ширина — 11,2 см. Курильница с туловом в форме цветка лотоса помещена на плоскую подставку с тремя ножками в виде зайцев и увенчана круглой ажурной крышкой. Это изделие было изготовлено с использованием всех известных в эпоху Корё техник, включая насечку, рельефную и ажурную резьбу, инкрустацию, лепку и крепление.

Затейливо сплетенный узор на крышке символизирует семь буддийских сокровищ¹⁰³: «богатство» (錢寶 кор. *чонбо*); «драгоценный рог носорога» (犀角寶 кор. *согакбо*) в значении множества удач; «всемерное благоденствие» (方勝寶 кор. *бансынбо*); «предвещение богатства» (畫寶 кор. *хвабо*) в значении удачи с рождения и покровительства власти; «листья полыни» (艾葉寶 кор. *эёнпо*) в значении пожелания долголетия; «зеркало» (鏡寶 кор. *кёнбо*), в значении благословения; нефритовые пластины (特磬寶 кор. *тхыккёнбо*)¹⁰⁴. Сосуд

¹⁰¹ Бронзовый сосуд малого размера, типичный для эпохи Корё. Доподлинно известно, что первоначально он был передан в храм эпохи Трех государств Судоам (построен в 859 г.), а затем был выкуплен для Императорского музея. Тулово и подставка курильницы отлиты отдельно и соединены трехъярусной подставкой. На внешней части тулова по центру выгравирован четвертый знак мантры «Ом мани падме хум».

¹⁰² Большинство курильниц этого типа изготавливались из металла, однако по мере развития технологии производства керамики во времена династии Корё стали также изготавливать и селадоновые изделия.

¹⁰³ Перечень «сокровищ» дается по Корейской большой этнографической энциклопедии (*Хангук минджок мунхва тэбэкквэ*). См. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=563796&cid=46657&categoryId=46657> (дата обращения 05.01.2024).

¹⁰⁴ По-видимому, имеется в виду ударный музыкальный инструмент по типу литофона (в древнем Китае — 编磬 *бяньцин*) с изогнутыми прямоугольными камен-

внесен в список Культурного наследия Кореи под № 95 и хранится в Национальном музее Кореи [National museum of Korea, 2012, с. 144]. В настоящее время он пользуется большой популярностью в качестве сувенирной продукции — в Республике Корея его тиражируют в разных видах и размерах (иногда в виде сосуда для вина).

Курильницы в виде треножника 鼎爐 (кит. динлу, кор. чонно)

Данный тип курильниц представляет собой большой интерес ввиду причудливой формы ножек в форме животных, на которых стоит тулово сосуда, при этом отверстие для выхода дыма расположено, как правило, сверху по центру.

В сочинении «Иллюстрированные записки [о путешествии] императорского посланца [в] Корё [в годы] Сюань-хэ» (宣和奉使高麗圖經 кит. Сюаньхэ фэнгао гаоли ту цзин, 40 цз.), написанном китайским чиновником Сюй Цзином (徐兢, 1091–1153) о своем путешествии в государство Корё периода правления вана Инджона (1122–1146), содержится информация о том, что такой тип курильниц использовался главным образом во время проведения ритуалов в конфуцианских учреждениях, храмах и святилищах [Пак Чиён, 2023, с. 68].

Интересным образцом данного типа является курильница с крышкой в форме льва (青磁獅子裝飾香爐 кор. Чонджа саджа чансик хянно)¹⁰⁵. Лев в буддийской иконографии почитается как защитник буддизма, его изображения часто встречаются на ритуальных инструментах, каменных пагодах, фонарях и изваяниях, на статуях будд. Лев, изображенный на курильнице, лапами опирается на державу, символ власти и могущества буддийской веры. Его грудь украшена колокольчиками, круглые глаза свирепо вытаращены, пасть приоткрыта, уши опущены и тесно прижаты к голове, хвост задран вверх и касается туловища.

Курильницы в форме ритуального жертвенного сосуда (簋香爐 кит. гуйсянлу, кор. квехянно)

Данный тип курильниц представляет собой широкий, низкий и плоский сосуд в виде круглой чаши с ручками, часто на трех ножках. Подобные сосуды

ными пластинами, подвешенными к раме по определенной системе, что символизировало мировую гармонию и порядок. Инструмент использовался в придворных ритуалах. Инструмент «особый цинь» (特磬 тэцинь) со звенящими каменными пластинами был известен в Китае во времена маньчжурской династии Цин (1644–1911).

¹⁰⁵ Высота курильницы 24,4 см.

Основные виды корейских курильниц:

- 1 — селадоновая курильница в виде треножника с ажурной крышкой «Семь чудес света» (青磁透刻七寶文香爐 кор. Чхонджа тхугак чильбомун-ый хянно), эпоха Корё, XII в. Национальный музей Кореи, Сеул. Дается по: Электронная корейская энциклопедия Naver. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=2000508&cid=46717&categoryId=46763>, дата обращения 23.02.2024;
- 2 — курильница с длинной рукоятью для подношений благовоний буддийским святым. Типична для ранних форм буддизма в Восточной Азии. Дается по: [Хянтogu тхыкпёльджон, 2022, с. 209];
- 3 — Бронзовая курильница с серебряной инкрустацией из уезда Хампхён (咸平宮主房 кор. Хампхён гунджубан), эпоха Корё, XIII в. Дается по: Сайт Национального музея Кореи, Сеул. URL: <https://www.museum.go.kr/site/main/relic/search/view?relicId=5191>, дата обращения 23.02.2024;
- 4 — курильница в виде горы Бошань (博山爐 кор. паксанно) из белого фарфора, эпоха Корё, XII в. Дается по: Сайт Художественного музея Кансона в Сеуле (<http://kansong.org/>). URL: <http://kansong.org/collection/baekjabaksan/>, дата обращения 06.12.2023;
- 5 — китайская курильница в форме ритуального жертвенного сосуда (簋香爐 кор. квехянно). Эпоха Сун, XII в. Национальный музей Кореи, Сеул. Находка с китайского судна Синансон (新安船), затонувшего у берегов Южной Кореи, в уезде Синан-гун. Дается по: Сайт Национального музея Кореи. URL: <https://www.museum.go.kr/site/main/relic/search/view?relicId=1600>, дата обращения 25.02.2024;
- 6 — курильница с крышкой в форме льва (青磁獅子裝飾香爐 кор. Чонджа саджа чансик хянно), эпоха Корё, XII в. Национальный музей Кореи, Сеул. Дается по: Электронная корейская энциклопедия Naver. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=2000507&cid=46717&categoryId=46763>, дата обращения 23.02.2024

использовались в Корею во время церемоний жертвоприношения, в них помещали жертвенное просо или другие злаки. Эти курильницы обычно изготавливали из бронзы и селадона, их тулово могло быть украшено изящной гравировкой, изображением бессмертных святых и мифологических сцен. Большинство таких сосудов было привезено из Китая.

В настоящее время курильницы всех вышеупомянутых типов периодически выставляются в ведущих музеях Республики Корея, информация о них широко освещается в прессе и медийном пространстве, на их основе изготавливаются новейшие реплики и вариации.

В осмысление характера историко-культурных связей Корейского полуострова и Китая в далеком прошлом большой вклад вносят археологи и искусствоведы Республики Корея. К примеру, керамический сосуд в форме высокого горшка с круглым отверстием, найденный недавно на руинах храма в деревне Тоннамни (東南里 Dongnamni) в уезде Пуё, обратил на себя внимание наличием групп из пяти характерных вертикальных прорезей, идущих по средней части тулова. Сопоставив эту находку с китайскими плоскодонными сосудами из гробниц аристократических родов династий Восточная Цзинь (316–420), Суй (581–618) и Тан (618–907) с аналогичной перфорацией на тулове, ученые выявили очевидные типологические соответствия¹⁰⁶. В связи с тем, что китайские сосуды точно использовались как курильницы¹⁰⁷, профессор Со Хёнджу из Корейского Национального университета культурного наследия в Пуё, специалист по археологии древнего государства Пэкче (百濟), предположила, что аналогичные предметы из буддийского храма в деревне Тоннамни тоже

¹⁰⁶ За время раскопок 1993–1994 гг. на месте руин храма в деревне Тоннамни вместе с обломками китайской селадоновой утвари и плитки были обнаружены черепки керамической курильницы, по которым составили целый сосуд [Хянно чарё чипсон, 2022, с. 40–41].

¹⁰⁷ Особенно показателен китайский высокий селадоновый горшок с вертикальными прорезями, покрытый зеленой глазурью (綠釉熏爐 *люю сюньлу*), из гробницы принцессы Фэннин (豐寧公主) и ее мужа Вэй Юаньчжао (韋圓照), живших при династии Суй в нынешнем г. Сиань провинции Шэньси (陝西). Внутри сосуда был найден слой пепла толщиной в 10 см, в связи с чем его определили как курильницу (находится в коллекции Археологического музея Шэньси). Дополнительным доказательством функционального назначения таких сосудов послужили также находки из знаменитой гробницы Чжан Шэна (張盛墓) династии Суй (595 г.) в г. Аньян, где были найдены глиняные фигурки слуг с аналогичными сосудами в руках. Видимо, такие курильницы в Китае устанавливали на алтарях или держали в руках во время проведения ритуалов при Суй и Тан. См. [Хянно чарё чипсон, 2022, с. 40; Со Хёнджу, 2021, с. 100; Пэкче кымдон хянно, 2023, с. 118–119].

служили для возжигания благовоний в ритуальных и бытовых целях. Изучив десятки керамических сосудов, найденных на территории Пэкче, она пришла к выводу, что культура благовоний периода Саби (538–660) существовала не только в пределах королевского дворца, проявляя себя в буддийских и дворцовых церемониях, но и была частью повседневной жизни высшего класса в районе столицы (ныне уезд Пуё) [Со Хёнджу, 2021].

Богатство и разнообразие всего инвентаря ароматической культуры Кореи не исчерпывались представленными видами. Корейские мастера, приняв за образец китайские курильницы и инструментарий, создавали яркие и самобытные изделия, черпали вдохновение в национальной культуре. Тому доказательство — и «большая курильница Пэкче», и бронзовые курильницы с серебряной инкрустацией эпохи Корё, и великолепные образцы селадонов периодов Корё и Чосон. При этом часть курильниц была изобретена с появлением новых способов воскурения ароматов — в рамках буддийской эзотерической традиции,

Керамические курильницы с вертикальными прорезями из Кореи и Китая.

Впереди: Китайский сосуд для благовоний с зеленой глазурью и вертикальной перфорацией, эпоха Суй (581–618). Коллекция Археологического музея провинции Шэньси, КНР. Дается по [Пэкче кымдон хянно 3.0, 2023, с. 119].

Сзади: Корейский сосуд для благовоний с вертикальной перфорацией из храма Тоннамни на территории Пэкче (период Саби, 538–660, ныне уезд Пуё). Материалы выставки «Бронзовая позолоченная курильница Пэкче 3.0» в Национальном музее Пуё, октябрь 2023 г. Фото Е. Э. Войтишек

в результате лечебно-оздоровительных практик и как акт художественного творчества. Обо всем этом речь пойдет далее.

Что касается современных корейских курильниц, то они так же как и подставки для благовоний отличаются ярким своеобразием. Помимо изделий, выполненных в традиционной эстетике, есть и нарочито эпатазирующие своей «антиэстетикой», где комбинируются несочетающиеся материалы, яркие цвета, неожиданные формы (например, подставки для ароматических палочек в виде малярной кисти; яблока или томата черри, наколотых на вилку; застывшего комка гипса с отверстием для палочки и проч.). Популярны также подставки под благовония в минималистском стиле (на подносах из черного и желтого металла либо в причудливых комбинациях с хорошо обработанным деревом), которые могут быть уместны и в строгом офисе, и в гламурном пространстве эстета.

Одним из модных трендов, реализуемых крупнейшими выставочными центрами в мегаполисах Южной Кореи (например, Музей современного ис-

Современные корейские подставки под благовонные палочки.
Выставочный центр DDP-Plaza (Dongdaemun Design Plaza),
Сеул, ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

кусства, Craft Museum, DDP Plaza в Сеуле), можно считать активное включение ольфакторных экспериментов в современное арт-пространство.

Ароматические печати и штампы

В странах Восточной Азии (особенно в Китае и Южной Корее) в настоящее время набирает все большую популярность такой изысканный вид времяпрепровождения и элегантного досуга, как воскурение благовоний с помощью ароматических печатей (香印 кит. *сянъинь*, кор. *хянъин*, 香篆 кит. *сянчжуань*, кор. *хянчжон*).

Способ возжигания душистого горючего порошка подразумевает несколько этапов: подготовку хорошо утрамбованного пепла в плоской курильнице в форме чаши с широким горлом; выкладывание определенного узора с помощью специальных лопаточек и металлического штампа с прорезями, которые заполняются мелко истолченным душистым порошком, приготовленным по специальной рецептуре. Штампы (印香模 кор. *инхянмо*, 篆香模 кор. *чонхянмо*) обычно представляют собой иероглифические знаки либо узоры с особой семантикой. После снятия штампа на пепле остается тот или иной узор, который осторожно поджигают с одного края и наслаждаются изысканным ароматом. Такой вид узоров, как и сам способ воскурения благовоний, называют ароматической печатью. Более того, традиционно этим понятием обозначали и специфический тип курильниц, предназначенный для данного способа возжигания ароматов¹⁰⁸.

Период расцвета таких печатей пришелся в Китае на эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1280) — с их помощью измеряли суточное время и определяли длительность «ночных страж»¹⁰⁹, их широко использовали в ритуальных даосских и буддийских практиках, дворцовых церемониях, они служили предметом восхищения и почитания у многих поколений чиновников, ученого сословия и «людей культуры» 文人 *вэньжэнь*. Важным художественным принципом таких печатей было соблюдение непрерывности линии узора, отчего его очертания напоминали искусный рисунок или каллиграфически выполненный ие-

¹⁰⁸ Более подробно о происхождении, типах и функциях таких изделий см. [Войтишек, 2023б, с. 166–191].

¹⁰⁹ «Ночная стража» 更 2эн — единица измерения ночного времени (с 7 часов вечера до 5 часов утра), равная двум астрономическим часам (120 минутам). Продолжительность и начало всех пяти страж могли слегка варьироваться в зависимости от сезона.

Способ воскурения ароматических печатей: заполнение прорезей штампа душистым горючим порошком; снятие штампа и поджигание ароматической печати [Войтишек, 2023б, рис. 38]

роглиф. При этом эстетическое наслаждение усиливалось благодаря цветовому контрасту между пеплом и изгибами узора, медленно тлевшего на нем. Однако в инженерно-технических устройствах (при измерении времени) важнейшими условиями изготовления узора становились еще такие критерии, как высота и ширина «ароматической дорожки», ее целостность, высокое качество исходного сырья, обеспечивающее его равномерное горение, а также соблюдение определенного уровня герметичности (важным было отсутствие ветра).

Пережив пик своей популярности, ароматические печати на несколько веков были практически преданы забвению. Лишь к середине XVII в. в китайских каталогах и справочниках по культуре благовоний начинают появляться упоминания об их использовании, разрабатывается типология сосудов и инструментов для их воскурения, описываются рецепты для создания различных ароматических смесей. К настоящему времени использование печатей в китайской аромакультуре переживает своеобразный бум.

Что касается Корейского полуострова, то эта традиция там существовала, будучи заимствованной из Китая, скорее всего, в период Корё (918–1392) и ранний Чосон (XV–XVI вв.), во время расцвета буддизма и буддийских культур, связанных с благовониями. Как и в Китае, впоследствии с приходом новых технологий и появлением социальных запросов эти трудоемкие практики оказались невостребованы и в конечном счете забыты. Однако сейчас мы можем наблюдать обратный процесс — эти методы воскурения благовоний возвращаются на историческую арену. Длительная религиозная, художественная и бытовая традиция Востока располагает новыми широкими возможностями использования ароматических печатей и в настоящее время. На наших глазах происходит нарастание увлечения различными аромапрактиками, включая использование печатей и штампов, в современной культуре Южной Кореи. Изучение типологии печатей и резных штампов позволяет уточнить функции и специфику применения этого способа воскурения благовоний в материковой синоероглифической культуре с учетом современных реалий¹¹⁰.

¹¹⁰ В Японии печати и штампы пока не пользуются популярностью, хотя компания Fushan kodo (富山香堂), штаб-квартира которой находится на Тайване, регулярно поставляет эти изделия на Японский архипелаг. Этот тайваньский бренд импортирует за рубеж также агаровую древесину премиум-класса, курильницы и разнообразный инструментарий, разрабатывает специальные формулы и рецепты для высококачественных благовоний. Компания, основанная на Тайване в 1992 г., имеет свои представительства в материковом Китае, ее технологии, опыт и дизайн получили широкое признание в Корее и Японии. См. сайт компании. URL: <https://www.53fs.com/> (дата обращения 11.01.2023).

Действительно, с течением времени можно констатировать изменение функций ароматических печатей. Так, в Китае с окончанием эпохи Сун (XIII в.) и в Корее с середины эпохи Чосон (XVI–XVII вв.) постепенно утратилась необходимость их использования в качестве приспособления для измерения времени — это обусловлено появлением других технологических решений в создании часов, а также очевидной трудозатратностью изготовления сложных печатей (прежде всего, суточных печатей и печатей «пяти ночных страж»).

В любом случае в Корее достоверных источников по данной теме крайне мало, что объясняется и плохой сохранностью исторического материала, и трудностями его интерпретации. Лишь в письменных памятниках XVIII–XIX вв. зафиксирована информация о том, что население Корейского полуострова издавна пользовалось ароматическими часами, аналогичными китайским. При этом трудно сказать, были ли они местного производства или когда-то привезены из Китая. Возможно, часть из них изготавливалась местными мастерами. Так, в «Трактате об устройствах для измерения [времени]» (儀器輯說 кор. *Ыйги чипсоль*) чиновника Нам Бёнчхоля (南秉哲), опубликованном в двух тетрадах-квонах в 1859 г., содержится запись о том, что жители государства Силла использовали ароматические вещества для измерения времени с VI в. Автор трактата также указывает, что в периоды Корё и Чосон в домах аристократов ароматические часы пользовались большой популярностью¹¹¹.

Эта краткая информация может считаться вполне достоверной — именно в период Трёх государств (Когурё, Пэкче и Силла) в начале нашей эры начинаются активные взаимодействия в регионе Восточной Азии, повлиявшие в дальнейшем на развитие корейской культуры и философской мысли¹¹². Госу-

¹¹¹ В данном источнике речь идет о структуре и принципах работы различных часовых механизмов, которые изготавливались и использовались на Корейском полуострове в период правления государей Чонджо и Чхольджона (1776–1863). Трактат разделен на десять глав со следующим содержанием: часы в виде армиллярной сферы, часы со спусковым механизмом, планетарные часы, астролябии, экваторные часы, часы с маятником, планисферные часы, часы с весовым механизмом, солнечные часы, астрономические часы (句陣天樞令儀 *куджин чхончхуран-ый*, букв. «устройство Духа Сторон Света и созвездия Большой Медведицы»). См. Трактат об устройствах для измерения [времени]. Ыйги чипсоль. Электронная энциклопедия по этнографии и культуре Кореи. URL: <https://terms.naver.com/entry.nhn?docId=540851&cid=46637&categoryId=46637> (дата обращения 13.12.2023).

¹¹² Этот факт также подтверждается данными эпиграфики, а именно — надписью на стеле когурёского вана Квангэтхо (374–413, г. п. 391/392–413) (подробнее см. [Джарылгасинова, 1979]). Текст стелы, установленной в 414 г. сыном вана в память об отце, находится на территории современной провинции Цзилинь в КНР и явля-

дарства Когурё и Пэкче имели дипломатические отношения с Китаем в период Южных и Северных династий, а правители Силла активно взаимодействовали с ним в эпоху Тан [Хан Ёнью, 2010, с. 104]. Согласно материалам корейских хроник «Исторические записи Трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145) и «Оставшиеся сведения о Трех государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, XIII в.), с самого начала существования государства Когурё (37 г. до н. э. — 668 г. н. э.) корейцы вместе с заимствованием китайской письменности и буддизма¹¹³ начали постепенно осваивать применение ароматических средств в религиозных и повседневных целях.

Этому способствовал и собственный богатый опыт населения Кореи в изучении свойств ароматических растений и субстанций, в изготовлении сосудов для их воскурения.

Однако недостаточная источниковая база не позволяет точно проследить, как развивалась и совершенствовалась традиция использования благовоний при измерении времени на Корейском полуострове. Тем не менее, часть крупных музеев Кореи располагает редкими экспонатами таких изделий. Так, в Музее времени г. Чондонджин представлена поздняя точная копия китайских ароматических часов в виде драконьей лодки (см. [Войтишек, 2023б, рис. 34]). В настоящее время и в Китае, и на Корейском полуострове давний обычай использования ароматических средств для измерения времени ограничивается в основном буддийскими практиками в монастырях¹¹⁴.

Запросы обитателей современных мегаполисов формируют потребность в использовании ароматических печатей в функции изысканного развлечения. Ряд корейских магазинов и частных компаний предлагают продукцию, изготовленную в Китае, Японии и на Тайване, весьма известную среди знатоков и ценителей искусства благовоний. Наряду со всевозможными видами керамических, селадоновых и бронзовых курильниц большой популярностью в последнее время стали пользоваться сосуды для возжигания ароматических

ется ценным источником по истории Кореи, Китая, Маньчжурии и Японии. Текст стелы в 1802 иероглифа воспекает деяния и военные походы Квангэтхо-вана против сяньбийцев и союзных войск пэкчесцев с населением Японского архипелага.

¹¹³ Принято считать, что буддизм проник на Корейский полуостров в конце IV в. через Когурё, куда монах Сундо впервые привез буддийские сутры. В Пэкче развитие буддизма связано с именем монаха Малананды из государства Восточное Цзинь (317–420) [Хан Ёнью, 2010, с. 106].

¹¹⁴ В буддийских храмах с помощью благовонных палочек отмеряют время медитации, а в поминальных церемониях используют специальные подвесные конусы в виде спирали, горящие от недели до месяца.

печатей и сами металлические штампы, с помощью которых можно выкладывать на пепле разнообразные узоры. Абсолютное большинство таких изделий изготовлено в разных районах Китая, откуда их везут в крупные мегаполисы Южной Кореи.

Как правило, типология штампов, популярных в современной Южной Корее, не выходит за рамки известных видов — это прежде всего цветочный орнамент благожелательные иероглифы, узоры в форме «облаков счастья» (祥雲 кит. *сянтань*, кор. *сандам*), изображения курильниц и др. В особую группу входят изображения таких широко известных буддийских символов, как «цветы лотоса» и их различные модификации (蓮花 кит. *ляньхуа*, кор. *ёнхва*, 荷花 кит. *хэхуа*, кор. *хахва*), жезл (如意 кит. *жуи*, кор. *ёи*) как символ власти и авторитета, иероглиф «Будда» (佛 кит. *фо*, кор. *путь*), знак «ваджра» как символ веры, силы и твердости духа (十字金剛 букв. «ваджра в виде креста», лотосовые семена (蓮心 кит. *ляньсинь*, кор. *ёнсим*)¹¹⁵ и проч. Их предпочитают использовать в буддийских храмах — и в повседневных службах, и по особым случаям.

Буддийские центры и различные храмы Южной Кореи также активно пропагандируют ароматическое сырье и инструментарий, поскольку их использование вместе с другой утварью входит в ежедневные практики буддийских монахов. В храме Тхондоса (通度寺)¹¹⁶, одном из крупнейших буддийских храмов в окрестностях Пусана, с недавнего времени возродили традиционный способ воскурения благовоний с помощью ароматических печатей и металлических штампов. Во время ритуалов воскурения благовоний в храме Тхондоса предпочитают чаши и курильницы с широким горлом, а для изготовления ароматических узоров на пепле используют штампы с растительным узором и буддийскими символами¹¹⁷.

Частные компании и арт-галереи Республики Корея тоже предлагают посетителям большой ассортимент изделий и видов аромасырья, включая душистую древесину аквиларии и сандала, разнообразные курильницы, подставки для благовоний, ароматические печати и металлические штампы, четки, амулеты и браслеты. В столичных и региональных центрах традиционной куль-

¹¹⁵ Лотосовые семена или лотосовые тычинки (букв. «сердце лотоса») в центре цветка выступают как символ просветления. Более полное выражение — «прозрение и мудрость в руках Будды» (佛手蓮心 кит. *фо шоу лянсинь*).

¹¹⁶ Храм Тхондоса (Tondosa Temple) находится в горах Ёнджусан в г. Янсан в 30 км от Пусана в провинции Кёнсан-Намдо.

¹¹⁷ См. разд. 3.4 о современных центрах популяризации культуры благовоний в Республике Корея.

туры преобладают изделия, изготовленные в современном Китае, с набором типичных орнаментов, включающих цветочные мотивы, буддийские символы, узоры в форме «облаков счастья». При этом некоторые компании сотрудничают и со своими мастерами. Так, частная арт-галерея «Обитель аромата Будды Шакьямуни» (能仁香堂 кор. *Нынзин хяндан*) в Пусане привлекает к сотрудничеству тех уникальных мастеров, в творчестве которых ведущими оказываются

Китайские штампы с благожелательными иероглифами и знаками, использующиеся в Южной Корее:

- 1 — «облака счастья»; 2 — растительный узор «жимолость японская», постоянно встречающийся в культуре Восточной Азии;
3 — ваджра — символ могущества и власти; 4 — цветок лотоса.
Коллекция и фото Е. Э. Войтишек

Корейские штампы для ароматических печатей
(в виде курильницы и растительного узора,
распространенного в художественных изделиях
эпохи Силла). Частная арт-галерея «Обитель аромата
Будды Шакьямуни» (能仁香堂 *Нынъин хяндан*)
в Пусане, ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

мотивы и образы, связанные с традиционным корейским растительным кодом. Излюбленным орнаментом этих умельцев является изображение жимолости японской¹¹⁸ (忍冬文 кор. *индонмун*), пионов, лотосов, выщелся виноградной

¹¹⁸ Название орнамента восходит к соответствующему растению (лат. *Lonicera japonica*), наблюдение за которым дало толчок к появлению различных видов растительных узоров в азиатском искусстве. К примеру, в Азии узор жимолости японской

лозы. В арсенале их художественных средств встречается и пальметта — известный мотив в мировом декоративно-прикладном искусстве¹¹⁹, напоминающий веерообразные листья пальмы или раскрытую ладонь с широко разведенными пальцами.

Что касается деталей оформления таких штампов, то в отличие от китайских изделий, как правило, снабженных металлической или деревянной ручкой, привинчивающейся сверху, корейские штампы зачастую снабжены специальными выступами, за которые удобно взяться двумя пальцами и установить на утрамбованном пепле. Тем не менее технологические решения при проведении церемонии воскурения ароматических печатей в корейском варианте предполагают использование и штампов, аналогичных китайским.

Все эти виды традиционного орнамента, используемого китайскими и корейскими мастерами, не только оказываются прочно интегрированными в повседневную жизнь общества (через текстиль, посуду, утварь, мебель и др.), но и широко представлены в религиозных буддийских обрядах — через изделия художественно-прикладного искусства, в том числе различные сосуды, курильницы, подставки под ароматические палочки и конусы, разнообразный инструментарий, задействуемый при воскурении благовоний. Символическая образность такого растительного орнамента в традиционном искусстве и народном сознании народов Восточной Азии отмечена устойчивым благожелательным смыслом, поскольку прочно увязывается с жизненной силой и бесконечным развитием.

Курильницы «обратного потока»

В последнее время в Южной Корее получили распространение развлечения с воскурением благовоний в курильницах «обратного потока» (倒流香爐 кит. *даолю сяню*, кор. *торю хянно*), известных в Китае с X–XIII вв. Пережив века

часто встречается как деталь оформления дворцовых и храмовых архитектурных ансамблей, как декоративный элемент парадной одежды, королевских корон и поясных украшений знати. Современные дизайнеры также широко используют этот растительный узор, предлагая его как декоративный элемент в оформлении бытовой техники, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, текстиля, упаковочных материалов и проч.

¹¹⁹ Этот мотив широко представлен в древнем искусстве Египта, Греции, Индии, Месопотамии, арабского Востока, часто встречается в резьбе по камню, в скульптуре, архитектурных ансамблях и росписи.

забвения, в настоящее время они снова обрели популярность в Восточной Азии (пожалуй, за исключением Японии).

Для этих курильниц используют особые прессованные благовония в виде конусов, пирамидок и пулек с отверстием внутри. При зажигании верхней части конуса появляется тонкая струйка дыма, а спустя 1–2 минуты дым начинает выходить и из нижней части благовония. Постепенно дым густеет, превращаясь в плотный матовый поток белого цвета. Физическая сущность такого эффекта связана с тем, что плотность дыма, образующегося во время сжигания благовония, превышает плотность воздуха, что создает эффект течения дыма в обратном направлении, подобный водопаду. Отсюда и название — курильницы «обратного потока». Их изготавливают из ценных пород дерева, камня, металла (латуни и бронзы), гипса и керамики. Учитывая характер движения дыма, мастера придумывают различные конфигурации курильниц, подчеркивающие красоту плавных линий нисходящего или стелющегося потока, обыгрывая множество символических образов традиционной культуры. Это могут быть скульптуры в виде горного водопада, бамбукового колодца, чайника для церемониального чаепития, фонтана в виде благопожелательного иероглифа, дракона, из пасти которого вырывается дым, и др. (см. подробнее [Войтишек, 2021, с. 169–172]).

Такие изделия, изготавливаемые в Китае, довольно популярны в странах Азии, включая Южную Корею. Однако это не значит, что корейские умельцы только умеют подражать китайским образцам. Современные мастера из Кореи сполна используют символику образов, характерных для традиционного национального искусства. Главным образом это касается изготовления курильниц и инструментария из керамики и металла — тех видов ремесла, где корейские мастера были всегда особенно изобретательны и сильны. Обращают на себя внимание изящные белые круглые фарфоровые вазы, использующиеся и как курильницы¹²⁰; низкие плоские чаши с широким краем, где проделывается от-

¹²⁰ Сферическое тулово таких сосудов вызывает прямые ассоциации с полной луной, с давних пор обожествляемой в странах Восточной Азии. В корейском декоративно-прикладном искусстве они прочно связаны с эпохой Чосон, олицетворяя собой наивысшие достижения в изготовлении белого фарфора. «Лунные вазы» (англ. *Moon Jar*) изготавливались главным образом в гончарных мастерских XVII в., привлекающая своей безупречной красотой многие поколения любителей керамики (соотношение высоты вазы с диаметром в самой широкой ее части составляет 1 : 1). Одной из особенностей производства этих ваз в эпоху Чосон было раздельное изготовление верхней и нижней половинок сосуда. У многих изделий эпохи Чосон в средней части тулова можно заметить горизонтальную линию стыковки обеих половинок

«Лунные вазы» и курильницы из белого фарфора как арт-объект:

1 — «лунная ваза» как объект почитания и любования.

Национальный музей Кореи в Сеуле, ноябрь 2022 г.;

2 — «лунные вазы» в магазине для бытового использования. Сеул, октябрь 2023 г.;

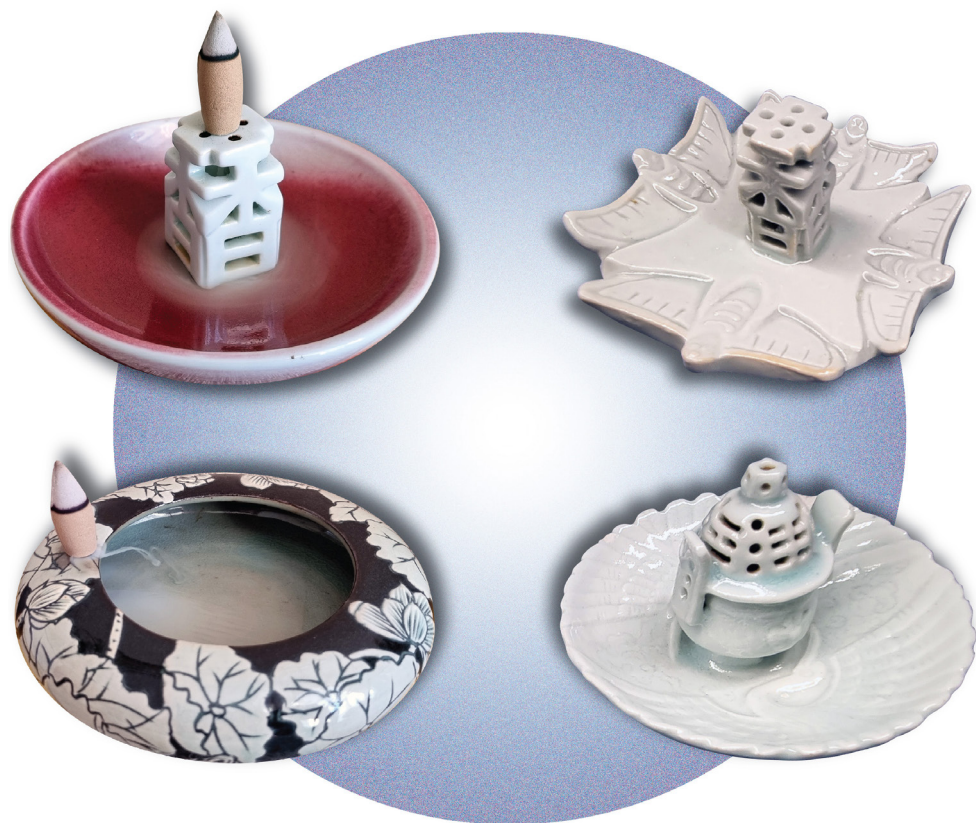
3 — курильница в виде «лунной вазы», ноябрь 2022 г.

Фото и коллекция Е. Э. Войтишек

[Handbook. National Museum of Korea, 2012, p. 156]. Любовь корейцев к этому типу сосудов поистине беспримерна: во многих современных музеях и библиотеках Южной Кореи такие вазы стоят в отдельных залах и нишах, с выгодной подсветкой и оборудованным публичным пространством вокруг них. Нередко там можно видеть посетителей, способных подолгу созерцать «лунные вазы» и любоваться изящными изгибами и игрой света на тонком белом фарфоре. В последнее время эти вазы в больших количествах тиражируются для массового покупателя, их стали использовать также и в качестве курильниц, тем самым придав им новую жизнь.

верстие для конуса «обратного потока», — белый дым изящно застилает дно сосуда и наполняет благоуханием окружающее пространство.

При этом современные мастера обнаруживают явное знакомство с изделиями эпохи Чосон: в ряде случаев они копируют идеи ремесленников прошлых веков, чтобы творчески обыграть их. К примеру, они изготавливают изящные блюда-подставки с миниатюрными селадоновыми курильницами, снабженными отверстиями для ароматических палочек, белые фарфоровые подставки

Корейские курильницы «обратного потока» (倒流香爐 кор. торю хянно).

Слева: современные курильницы «обратного потока» из частной арт-галереи «Обитель аромата Будды Шакьямуни» (能仁香堂 Нынъин хяндан) в Пусане, ноябрь 2022 г. Фото и коллекция Е. Э. Войтишек.

Справа: селадоновые курильницы эпохи Чосон. Материалы выставки «Бронзовая позолоченная курильница Пэкче 3.0» в Национальном музее Пусэ, октябрь 2023 г. Фото Е. Э. Войтишек

в виде объемного иероглифа «аромат» (香 *хян*) и др.¹²¹ Примечательно, что такие курильницы подходят не только для воскурения ароматических палочек, но и для благовоний «обратного потока». Многие из таких изделий отличаются яркой художественностью и эстетикой — внешний вид керамических курильниц изящно дополняется фантазийными струйками дыма, вырывающегося из отверстий сосудов.

Помимо эстетического эффекта использование курильниц «обратного потока» оправдано санитарно-гигиеническими и медицинскими нуждами — в период распространения вирусных инфекций и эпидемий такие изделия пользуются у населения особой популярностью.

2.3. Курильница Пэкче как национальный культурный символ

Вершиной развития ароматической культуры древней Кореи можно считать «большую бронзовую позолоченную курильницу государства Пэкче» — уникальное изделие корейских мастеров, созданное на рубеже VI–VII вв. и символически отражающее целый комплекс религиозно-философских представлений населения Корейского полуострова.

Отнюдь не преуменьшая роль и значение этого изделия в национальной культуре древней Кореи, нельзя не отметить очевидного влияния длительной традиции существования подобных ритуальных сосудов в Китае. Курильницы в виде горы Бошань (博山爐 *кит. бошаньлу*), впервые появившись в погребениях знати во времена династии Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.), пережив свой расцвет при Восточной Хань (25–220 гг. н. э.), просуществовали вплоть до конца эпохи Северных и Южных династий (V–VI вв.). Эти сосуды на протяжении нескольких столетий использовались в разнообразных культовых практиках и дворцовых церемониалах, применялись в бытовых, санитарно-гигиенических, лечебных целях. В силу своей внешней привлекательности и широкой функциональности они служили для аристократии показателем высокого социального статуса¹²². В символике курильниц ярко воплотились даосские представления о святых отшельниках (山 *сянь*) и поисках бессмертия. Прослужив в арсенале да-

¹²¹ Оригиналы указанных изделий являются собственностью Национального музея Кореи в Сеуле. По всей вероятности, они были изготовлены во второй половине эпохи Чосон и предназначались для воскурения ароматических палочек.

¹²² Подробнее о происхождении и эволюции курильниц в виде горы в культуре Китая см. [Войтишек, 2023б, с. 103–123].

осов более 400 лет, с приходом буддизма в первых веках новой эры курильницы *бошаньлу* стали с успехом служить и буддийским идеям.

Под влиянием буддизма дизайн этих сосудов постепенно эволюционировал. Фигуры даосских бессмертных были удалены из оформления верхней части крышки курильниц; вместо этого их изображения перенесли на лotosовые лепестки (символ буддизма) на тулове сосуда. Феникс, до того часто изображавшийся на вершине крышки курильницы, либо вообще исключался из дизайна, либо заменялся буддийской символикой — такой, как «драгоценная жемчужина» мани (宝珠 кит. *баочжу*) или ритуальная ваза кундика (宝瓶 кит. *баопин*). В буддийском воплощении новый вид курильниц *бошаньлу* утратил свойственную ему функцию содействовать даосским адептам на пути личного совершенствования [Wu Tung, 2005, p. 130].

К концу эпохи Северных и Южных династий (V–VI вв.) в истории развития китайских курильниц *бошаньлу* намечается постепенный упадок: из поля зрения практически исчезают бронзовые изделия, керамические сосуды тоже теряют свою популярность. При этом изображения курильниц *бошаньлу* начинают встречаться на каменных барельефах, в погребальной пластике, скульптурных композициях, связанных с буддийской тематикой. Тем самым, исчезнув из повседневного обихода, эти изделия постепенно превратились в важнейший атрибут буддийских культовых практик [Сунь Чжанфэн, 2015, с. 98].

Наиболее яркие свидетельства этого явления можно найти в культуре династий Южной Лян, Северной Вэй, Северной Ци и Суй (VI в.). Изображения ритуальных сосудов на каменных стелах и барельефах с погребальных сооружений, с одной стороны, отражают неизбежные изменения во внешнем виде курильниц *бошаньлу*, а с другой стороны, убедительно демонстрируют общность традиции с культурой корейского государства Пэкче.

Таким образом, курильницы в виде священной горы не потеряли свою популярность в Восточной Азии¹²⁵ и спустя несколько столетий после династии

¹²⁵ Под влиянием буддизма на юге Китая в период Северных и Южных династий династия Южная Лян активно поощряла культурные связи с государством Пэкче, которое не только играло заметную роль на Корейском полуострове наряду с Когурё и Силла, но и вплоть до своей гибели в 660 г. поддерживало добрососедские отношения с Японией, транслируя на архипелаг традиционные ценности материковой цивилизации. Тем не менее, в Японии к настоящему времени не сохранилось следов использования курильниц в форме горы (яп. *хакусанро*), несмотря на упоминания об их существовании в эпоху Нара (710–794) в справочниках (например, в [Electronic Encyclopaedia Britannica, 2009]). Косвенным свидетельством знакомства населения Японского архипелага с материковыми курильницами в виде горы является продол-

Хань: они служили в качестве важного связующего элемента в буддийских и даосских сюжетах, а также сценах, связанных с жизнью знати.

Особенности курильницы Пэкче

Наиболее убедительное воплощение даосских идей и буддийских представлений можно обнаружить в семантике «большой бронзовой позолоченной корейской курильницы Пэкче» (百濟金銅大香爐 кор. *Пэкче кымдон тэханно*), найденной во время раскопок в 1993 г. в руинах храма погребального курганного комплекса Нынсанни в г. Саби, относящегося к королевской династии, правившей Пэкче в 538–660 гг. (ныне уезд Пуё, Республика Корея). Курильница Пэкче в виде горы 博山爐 (кор. *паксанно*), датируемая концом VI в. — серединой VII в., найдена во время раскопок здания, примыкающего к северному тупику западного коридора, предположительно служившего мастерской при храме (мастерская 1). Сосуд обнаружен в остатках деревянной трубы длиной 135 см, шириной 90 см и высотой 50 см, видимо, приспособленной для охлаждения металла водой. Курильница была разделена на части (крышку и чашу на подставке), возле нее находились фрагменты стекла, керамики, лаковых изделий, обломки черепицы. Вероятно, курильница была помещена в водопроводную трубу в спешном порядке во время драматических событий, связанных с падением государства Пэкче в 660 г., где она и пролежала вплоть до обнаружения в 1993 г. В двух мастерских около остатков храма найдено множество артефактов из камня, дерева, керамики и металла, фрагменты лакированных и стеклянных изделий, привезенных из Западной Азии. Все эти находки, свидетельствующие о тесных контактах государства Пэкче с соседними странами, имеют чрезвычайно важное значение для понимания космополитического характера культуры Пэкче, особенно в период Саби (538–660) [Kim Jong-man, 2005, p. 143; *Essence of Baekje culture*, 2014, p. 16–17; Buyeo National Museum, 2015, p. 122–140]¹²⁴.

жение обычая изготовления похожих керамических сосудов современными мастерами гончарной школы Арита на о. Кюсю, наследующей традиции китайских и корейских керамистов [Войтишек, 2019, с. 30].

¹²⁴ Есть гипотеза, что курильница была доставлена в мастерскую при храме для реставрации, но оставлена там вследствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Судя по отчетам об археологических раскопках в погребениях, в буддийских храмах и разных хранилищах в Китае подобные курильницы обычно находили вместе с контейнерами для благовоний. В данном случае сомнительно, чтобы

Необычайно большие размеры (высота 61,8 см, вес 11,85 кг) и форма курильницы Пэкче говорят о том, что она была изготовлена не просто как стационарный объект. Учитывая беспрецедентные размеры курильницы и ее богато декорированный внешний вид, она была предназначена, видимо, для алтаря в буддийском храме, для использования в важнейших буддийских ритуалах и дворцовых церемониях королевской семьи, в частных или хозяйственных помещениях во дворце.

Курильница состоит из трех отдельных частей: крышки, тулова (чаши) и подставки-пьедестала. Чаша выполнена в форме раскрытого цветка лотоса, она стоит на пьедестале, в основании которого изображен извивающийся дракон. Куполообразная крышка сосуда имеет форму горы с зубчатыми пиками. Вершину горы украшает фигура феникса с распростертыми крыльями, будто готовящегося взлететь¹²⁵.

Что касается семантики изображений феникса и дракона, то в целом здесь корейские исследователи идут вслед за китайской традицией амбивалентной трактовки обоих символов, отмечая проблематичность интерпретации их иконографии. Согласно общепринятому мнению, феникс воплощает стихию *инь*. Зубчатые пики на крышке сосуда под фигурой феникса олицетворяют место обитания бессмертных небожителей, мифических существ, музыкантов, легендарных животных и людей. По принципу контраста фигура дракона в нижней части курильницы воплощает стихию *ян*: он дает импульс к рождению лотоса на чаше курильницы вместе с множеством существ водного мира. Кроме того, дракон символизирует энергию рождения и силу сотворения, поскольку, по древним представлениям, он контролирует небеса и дождь. Тем самым курильница Пэкче олицетворяет модель Вселенной вместе с космологическими символами *инь-ян*, находящимися в гармоническом балансе через ось феникс-дракон [Fragrance of Korea, 2005, p. 15].

курильница была помещена сюда для длительного хранения, поскольку при ней не было найдено никаких шкатулок для благовоний [Lee Nan-Young, 2005, p. 118–119].

¹²⁵ Встречаются противоположные трактовки, согласно которым феникс выглядит так, словно только что спустился с небес как божественное предзнаменование — см., например: [Wu Tung, 2005, p. 133]. Схожего мнения придерживается и бывший директор Национального Музея Пүё, господин Юн Хёнвон. Он полагает, что некоторая неустойчивость фигуры феникса на крышке курильницы говорит о наблюдении корейских мастеров за поведением больших птиц в природе — при приземлении те слегка переминаются с ноги на ногу, словно ища опору для равновесия (из материала личных бесед Е. Э. Войтишек с госп. Юн Хёнвоном, октябрь 2023 г.).

Обнаружение и обследование большой бронзовой позолоченной курильницы Пэкче (百濟金銅大香爐 кор. Пэкче кымдон тэханно) в декабре 1993 г.

Национальный музей Пуё Республики Корея.

Дается по: [Пэкче кымдон хянно 3.0. Хяньль сарыда, 2023, с. 16–17]

Вместе с тем в последних работах корейских ученых можно видеть иную трактовку этих символов. Например, в диссертациях сотрудников отдела азиатского искусства Национального Музея Кореи (Сеул), посвященных изучению иконографии и символики курильницы Пэкче, прямо указано, что фигура феникса, венчающая крышку курильницы, является благоприятным и божественным символом, олицетворяя собою стихию *ян*, тогда как лотос, вырастающий из подводного мира, и дракон, занимающий основное место на подставке сосуда, символизируют собой стихию *инь*. Феникс как посланник божественной силы символизирует Небеса, а дракон показывает, как обычные люди, используя энергию Земли, могут достичь священных гор. Цветы лотоса, выходящие из пасти дракона, на тулове курильницы постепенно трансформируются в изображение горных пиков на крышке сосуда, что демонстрирует идею «чистой энергии и квинтэссенции жизни» 化生 *хвасэн* (кит. *хуашэн*). При такой трактовке все объекты изображения на курильнице и сам феникс на вершине крышки могут быть интерпретированы как порождение жизненной силы из лотоса (蓮華化生山), который транслирует идею бесконечности, непрерывности и возрождения. Таким образом, фигуры феникса и дракона являются не толь-

Большая бронзовая позолоченная корейская курильница
Пэкче (百濟金銅大香爐 кор. Пэкче кымдон тэханно).

Национальный музей Пуё Республики Корея.

Национальное сокровище № 287. Фото Е. Э. Войтишек

ко декоративными элементами на сосуде, но и выражают понятия движения и витальности, постоянных изменений, порождаемых энергией 氣 *ки* (кит. *ци*) [Jo Wong Gyeo, 2016, p. 6–8; Park Kyungeun, 2018, p. 225–226].

Вероятно, данное ритуальное изделие, ориентированное на вечные идеи и ценности, так и следует понимать: верхняя часть курильницы в виде горы с фигурой феникса на самом вершине воплощает стихию *ян*, а нижняя часть с фигурой извивающегося дракона — стихию *инь*.

Некоторые исследователи называют фигуру феникса Пурпурной птицей (Red Bird, Crimson Bird), курицей, петухом, домашней птицей и даже птицей Калавинка из индо-буддийской мифологии¹²⁶. Часть специалистов вообще отказывается трактовать эту птицу как феникса, проводя типологические сопоставления с находками в китайских захоронениях эпохи Тан, где «настоящий» феникс изображен с двумя мохнатыми пучками перьев на голове и изогнутым хвостом (Цит. по: [Lee Nan-Young, 2005, p. 122–125; Fragrance of Korea, 2005, p. 15]).

Символика изображений на крышке курильницы

Мифологическая птица феникс 鳳凰 *понхван* (кит. *фэнхуан*), стоящий на самом вершине крышки на шаре, удерживает между клювом и грудью небольшую волшебную жемчужину¹²⁷. Он изображен с длинным хвостом и высоким гребнем на голове. Под ним изображены 12 фигур старцев-отшельников и пять сидящих по кругу музыкантов. Кроме того, на крышке сосуда отлиты 42 мифических существа и различных диких животных, включая тигра, слона, обезьяну, дикого кабана. Они выгравированы на поверхности 74 символических холмов и расщелин. Можно насчитать шесть различных видов растительности на 20 горных пиках. Отчетливо различимы изображения потоков, горных троп, водопадов. Фигурки людей отличаются большим разнообразием. На самом вершине изображены пять музыкантов. Каждый из них

¹²⁶ К числу исследователей, причисляющих феникса на вершине крышки курильницы к мифологическим птицам Калавинка, относится профессор Чон Сокпэ (Jung Sukbae 鄭燾培) из Национального университета культурного наследия Пуё, который в статье «Курильница из позолоченной бронзы Пэкче и человеческие лица Евразии» проанализировал множество типологических соответствий этого образа в различных буддийских традициях. См. [Пэкче кымдон..., 2023, с. 171–202].

¹²⁷ Жемчужина (магический камень *чинтамани*) является устойчивым символом буддизма, связанным с легендой о волшебном камне, излучающем необыкновенное сияние, обладающем сильнейшей энергетикой и исполняющем желания.

играет на своем инструменте, у каждого волосы собраны в пучок с правой стороны головы, одежды плавно облегают плечи. Если смотреть на курильницу со стороны головы феникса, то центральное место занимает лютнист, фигуры расположены по часовой стрелке: слева от музыканта с лютней 阮鹹 ванхам (кит. жуаньсянь) показан музыкант с продольной флейтой 縱笛 чансо (кит. цзунди), следом идут исполнители, играющие на многоствольной флейте 排笛 пэсо (кит. пайди), цитре 玄琴 комунго (кит. сюань цинь) и на барабане 鼓 пук (кит. гу)¹²⁸.

Еще 12 фигур людей располагаются сверху и снизу на крышке на разных слоях и рядах горных пиков. Они облачены в длинные одеяния, закрывающие их ноги, некоторые подпоясаны на уровне груди. Помимо человека, моющего волосы у подножия водопада, все остальные с бритыми головами. В основном фигуры изображены стоящими, но некоторые показаны сидящими на скалах, часть из них в позе медитации, другие удят рыбу. Несколько людей сидят верхом на слоне или лошади. Есть фигуры в одеяниях с перьями, что указывает на мир бессмертных [Fragrance of Korea, 2005, p. 22–31]. Кроме этого, на крышке курильницы можно увидеть всадников на лошадях, детали снаряжения и костюма которых (например, лук и стрелы) представляют ценный источник по реконструкции военной экипировки периода Трех царств; мифических существ с лицом человека и телом птицы и др.¹²⁹.

¹²⁸ Как предполагают корейские специалисты, из этих пяти инструментов лютня, продольная флейта и многоствольная флейта, по-видимому, пришли из Центральной Азии. Цитра *комунго*, вероятно, уже была на Корейском полуострове в период Когурё. Истоки барабана не ясны, но, возможно, его происхождение увязывается с южным влиянием. Лютня представляет собой модификацию известной в Центральной Азии лютни *pipa*, прославленной знаменитым исполнителем Жуань Сянем, жившим при династии Цзинь. Он входил в число «семи мудрецов из Бамбуковой рощи» (竹林七子), сообщество китайских философов, писателей, музыкантов III в. Этот вид лютни со времен династии Тан стал называться по имени этого знаменитого исполнителя — *жуань*. Круглое тулово лютни *жуань* изображено также на росписях в погребальных камерах периода Когурё (на территории современной пров. Цзилинь в Китае), в самой Корее и на стенах пещер в Центральной Азии [Fragrance of Korea, 2005, p. 16–21]. Соотнесение этих музыкальных инструментов с китайскими прототипами является дискуссионной проблемой в научном сообществе: часть корейских исследователей настаивает на аутентичном происхождении инструментов, не связанном с культурой Китая.

¹²⁹ Многие из них были описаны в памятнике «Каталог гор и морей» (山海經 *Шаньхай цзин*), ценном источнике по мифологии и истории Древнего Китая. Некоторые персонажи на курильнице изображены с копной волос, часть из них — с волни-

Изображения пяти музыкантов на крышке курильницы.
Дается по: [Fragrance of Korea, 2005, p. 16–21]

Помимо людей, на крышке курильницы присутствует множество разнообразных реальных и вымышленных животных, птиц. Из реальных животных можно идентифицировать трех тигров, льва, диких кабанов, двух обезьян¹⁵⁰, ло-

стыми волосами. У них спокойные лица с благожелательными улыбками [Fragrance of Korea, 2005, p. 34–39].

¹⁵⁰ По внешнему виду она похожа на некую длиннохвостую обезьяну 狻狻 *шэн-шэн*, которая упоминается в древнекитайском «Каталоге гор и морей» [Fragrance of Korea, 2005, p. 46–47].

шадей, оленей и змей¹⁵¹. Водных животных, таких как крокодил, ящерица, выдра, а также многочисленных рыб вместе с драконом можно считать архетипическими символами воспроизводства и перерождения [Park Kyungeun, 2018, p. 227].

Вымышленные животные часто изображены в свирепом и устрашающем виде, у части из них из пасти выгибаются змеи¹⁵². Есть мифические существа, похожие на пресмыкающихся, с удлинённым телом, они показаны прячущимися за скалами от охотников с луками; есть те, кто гуляет по горным тропам с поднятыми передними лапами, с мордами, обращёнными назад. Есть существа с длинными хвостами, готовые к прыжку, словно охотящиеся за добычей [Fragrance of Korea, 2005, p. 54–59].

К вымышленным животным примыкает маска 鋪首 *посу* (кит. *пушоу*) с кольцом во рту. Глаза животного обращены к низу, в верхней части головы между рогами видны три горных пика, на обеих лапах — когти, сзади торчит хвост¹⁵³. На курильнице маска *посу* отлита в нижнем ряду крышки, прямо под кончиком хвоста феникса. Поскольку подобные изображения традиционно использовались в качестве оберега от зла, исходящего с севера, можно предположить, что фигура феникса должна была быть обращённой к югу. Следовательно, музыкант, играющий на лютне прямо под фениксом, две птицы, смотрящие на феникса, а также человек прямо под лютнистом, — вся эта композиция должна была представлять собой фронтальный вид курильницы [Fragrance of Korea, 2005, p. 11]. Корейские специалисты обращают внимание на то, что фигуры животных и людей располагаются по часовой стрелке

¹⁵¹ Корейские ученые подмечают, что лев и тигр, возглавляющие пищевую цепочку, занимают нижнюю половину крышки. Те животные, которые находятся внизу пищевой цепочки (олень или кабан), расположены на крутых склонах или в горных расщелинах в средней и верхней частях крышки [Fragrance of Korea, 2005, p. 40]. Согласно одной гипотезе, изображения хищных животных (тигра, льва) могут свидетельствовать о распространении охоты, а фигуры слона и обезьяны — о завоеваниях новых земель в дальних краях и экспансионистских устремлениях правящего класса [Park Kyungeun, 2018, p. 224].

¹⁵² Похожие монстры с мордами драконов, держащие в зубах змей, упоминаются в древнекитайском «Каталоге гор и морей» и называются 天狗 *тяньгоу*. Считается, что их присутствие ограждает от неблагоприятного внешнего воздействия [Fragrance of Korea, 2005, p. 50].

¹⁵³ По свидетельству ученых, подобные изображения встречались в Китае в эпоху Хань — не только на каменных скульптурах, но и на ручках бронзовых сосудов. При этом часто изображались головы тигра или дракона [Fragrance of Korea, 2005, p. 60]. В Китае можно видеть также изображения черепахи или змеи с кольцом во рту в качестве медной скобы на воротах домов.

справа налево (их лица обращены влево), предполагая, что это соответствует древним космологическим и натурфилософским принципам мироздания [Park Kyungeun, 2018, p. 227; Fragrance of Korea, 2005, p. 11].

Кроме реальных животных и мифических существ на крышке курильницы богато представлен мир птиц. На самом верху крышки отлиты пять горных пиков, окружающих феникса, на каждом сидят пять больших птиц в разных позах. Одни почтительно смотрят на возвышающегося над ними феникса, другие стоят с головами, повернутыми в разные стороны; крылья одних широко расправлены, словно они собираются взлететь; крылья других сложены, голова прижата к груди.

На крышке курильницы изображены как реальные, так и вымышленные птицы. Среди реальных птиц можно опознать гусей и ястребов. Ястреб как хищная птица занимает место в верхней части крышки, но под фигурами гусей, которые показаны сидящими на самых высоких горных пиках, словно замороженные игрой музыкантов. В нижней части расположены вымышленные птицы с короткими крыльями и маленьким клювом, длинными хвостами и даже с одним рогом. У двух хищных птиц в клювах торчат крылья и хвост жертв, обрывки ткани. В нижней части крышки привлекают внимание фигуры двух мифических птиц, обращенных головами друг к другу; птицы с длинным хвостом, равным по длине ее телу; птицы с длинным клювом, достигающим земли, похожим на хобот слона, а также стоящей на двух лапах птицы, из головы которой торчит большой изогнутый рог, как у мифического единорога *цилин*, возвещающего о мирном и спокойном правлении. Корейские ученые отмечают, что сюжеты, связанные с птицами, часто встречаются на керамике и металлических предметах, найденных среди погребального инвентаря на памятниках периода Трех царств, и трактуют подобные изображения как символ души, поднимающейся в небеса после смерти, или как связующий символ мира живущих с миром усопших [Fragrance of Korea, 2005, p. 62–71]¹³⁴.

Мир, населенный отшельниками, разными животными и птицами, показан на фоне причудливого пейзажа. Крышка курильницы выполнена в типичном

¹³⁴ Здесь можно провести параллели с ритуальными кувшинами 魂瓶 *хуньпин* с пятью горлышками, которые трактовались как вместилище для души, духов, всего мироздания. Зародившись еще при Западной Хань, они широко использовались как погребальная утварь, были распространены в Китае на территории современных провинций Чжэцзян и Цзяньсу в поздний период Восточной Хань и до конца Западной Цзинь (II–IV вв.). Сосуды богато декорированы фигурами реальных и вымышленных птиц, рыб, животных и людей. Иконография изображений сводится к местным фольклорным легендам, а также к нарастающему влиянию буддизма. См., например, [Кнарр, 2019].

для традиционной азиатской живописи стиле: на ней присутствуют изящные горные пики, символизирующие гору Бошань, деревья, скалы, водные потоки, водопады вместе с фигурами людей. Часто горы сгруппированы по три пика замысловатой формы. Пейзаж выглядит симметричным на правой и левой частях крышки сосуда, подан с положения наблюдателя, стоящего у подножия гор и осматривающего вершины. На крышке курильницы можно различить травы и деревья двух видов (широколиственные и хвойные), которые служат фоном для людей и животных¹³⁵.

Крышка курильницы плотно пригнана к тулову сосуда, по самому низу ее идет полоса перекрученной виноградной лозы. Некоторые специалисты считают, что это оправа из витых облаков — мотив, часто встречающийся в Китае в качестве бордюрного декора. Этот декоративный элемент можно видеть на стенах гробниц Когурё, где он отделяет верхнюю и нижнюю часть расписных стен [Lee Nan-Young, 2005, p. 122]. Этот же принцип использован в оформлении границы между нижней и верхней частью чаши — между ними идут две полосы в виде витых облаков.

Что касается такой существенной детали оформления курильницы, как отверстия для выхода дыма от сжигаемых благовоний, то их на крышке насчитывается 12: два отверстия на груди феникса, два ряда в круг по пять отверстий — непосредственно под фигурой феникса, а также между пятью музыкантами и горными пиками, на которых восседают пять птиц. Изучение расположения отверстий на крышке для выхода дыма показало, что первоначально они не все входили в оформление сосуда: только 5 из 12 отверстий присутствовали на крышке сосуда изначально, остальные были изготовлены позднее. Предположительно отверстия были проделаны в мастерской в ходе реставрации сосуда. То же и с золочением — анализ состояния найденного сосуда показал, что курильница еще находилась в процессе реставрации [Lee Nan-Young, 2005, p. 125–126].

Символика изображений на чаше курильницы

Чаша (тулово) курильницы держится на подставке, которая сделана в форме извивающегося дракона с поднятой лапой. Чаша изготовлена в виде цветка лотоса, который словно выходит из пасти дракона. Она украшена тремя рядами

¹³⁵ Некоторые растения напоминают листья дерева гингко или грибы, вызывающие ассоциации с грибами вечной жизни, которыми питались бессмертные [Fragrance of Korea, 2005, p. 73–77].

лотосовых лепестков, каждый из которых заканчивается изогнутым наконечником. По краям лепестков нанесены характерные вертикальные линии¹³⁶.

На чаше курильницы можно найти фигуры людей, животных и птиц. В основном персонажи помещены на лепестки лотоса, остальные находятся в пространстве между ними. В среднем и верхнем ряду на лепестках изображены две человеческие фигуры, головы которых украшены длинными шляпами конической формы. Один персонаж показан в напряженной позе, как будто занимается боевым искусством, другой — верхом на летящем звере. В соответствии с общей семантикой курильницы на тулове сосуда широко представлены животные водного мира: журавли, крокодил, существа с длинным хвостом, с крыльями, звери, заглатывающие рыбу. Водные существа включают и рыб, и млекопитающих. У некоторых тело так изогнуто, словно они пытаются поймать свой хвост. Одни изображены с широко открытой пастью и расставленными лапами в устрашающей позе, другие — с запрокинутой головой, будто они убегают от преследователей. Некоторые из них показаны в полете, остальные — с захваченной добычей. При этом каждое из этих животных занимает свою нишу в мире, который контролирует дракон [Fragrance of Korea, 2005, p. 88–100].

Кроме того, на чаше есть фигуры шести журавлей с вытянутыми ногами и шеями, с отчетливо выраженными острыми клювами, с широко распахнутыми крыльями. Они отлиты на лепестках лотоса и в пространстве между ними в верхней части чаши: одни — с добычей во рту, другие — на ветках деревьев, третьи — в полете. В верхнем ряду между лепестками лотоса есть изображение двух птиц, летящих рядом по небу на манер уток или других водоплавающих. Чтобы подчеркнуть перспективу, дальняя птица показана более мелкой¹³⁷. На чаше курильницы можно найти и трех рыб. Две из них похожи друг на друга — с широким телом и крупной головой, без спинных или брюшных плавников, с довольно маленьким хвостом. У третьей рыбы есть пара плавников, но они выглядят как крылья [Там же, p. 100–107].

Чаша курильницы поддерживается подставкой-пьедесталом в виде массивной фигуры дракона. Три его лапы образуют своеобразный круг, являющийся устойчивой основой для всей композиции. Хвост дракона закручен в форме цветущего растения, переплетенного с цветами лотоса между облаками. Дракон, ка-

¹³⁶ Этот узор считается уникальным орнаментом Пэкче [Fragrance of Korea, 2005, p. 81].

¹³⁷ Это обстоятельство чрезвычайно любопытно, поскольку понимание перспективы было не характерно для западной, а тем более восточной изобразительной культуры в VII в. Техника перспективных изображений в Китае появилась только в эпоху Сун (X–XIII вв.).

жется, готовится взмыть в небо — оба его длинных рога динамично запрокинуты назад, образуя дугу из цветов. В его открытой пасти отчетливо видны острые зубы. Короткий стебель, выходящий из его пасти, примыкает ко дну лотосовидной чаши. Стебель крепко зафиксирован в месте соединения изнутри чаши.

Вероятно, верхняя часть курительницы демонстрирует призрачный духовный мир, основывающийся на архаичных религиозных представлениях, на китайских и корейских мифах. В нижней части сосуда показаны летающие звери, реальные и вымышленные рыбы, животные, часто стилизованные, словно танцующие фигуры. В каком-то смысле эти фигуры дополняют вымышленный

Крышка с фениксом и лотосовая чаша с подставкой в виде дракона.
Дается по: [Fragrance of Korea, 2005, p. 5, 80]

мир, представленный в верхней части курильницы. Обе части курильницы представляют собой органичное пространство, пребывающее в полной гармонии. Более того, декорированные лотосовые лепестки внизу чаши как бы соединяют мистический даосский мир с образом энергичного дракона, выразительно извивающегося на подставке. Как замечают специалисты, подобные трехмерные изображения не так уж часто встречаются в изделиях декоративно-прикладного искусства Азии [Wu Tung, 2005, p. 132].

Курильница Пэкче изготовлена с применением передовой для того времени технологии литья по восковым моделям. Сложные участки крышки, по-видимому, были отлиты поэтапно. Примечательно, что фигуры людей и животных на лепестках лотоса на тулове курильницы чуть сдвинуты от центра лепестка. Возможно, эти детали добавлены мастерами на финальной стадии производства курильницы [Lee Nan-Young, 2005, p. 125–126].

Таким образом, курильница Пэкче наследует традиции создания китайских курильниц *бошаньлу* династии Хань и развивает тенденции в их использовании в пост-ханьский период, а именно в период Северных и Южных династий, обнаруживая близкие типологические связи с китайскими ритуальными сосудами по внешнему виду, функционалу и символическому значению. В то же время в ее оформлении широко используются оригинальные элементы культуры Пэкче. Это поистине редкостная комбинация даосских концепций, касающихся гармоничного сочетания стихий *инь-ян* через пару дракон-феникс, символа священной горы как места обитания бессмертных, радующихся вечной молодости, а также буддийских представлений об энергии цветущего лотоса, порождающего жизнь во всем ее многообразии. Курильница Пэкче демонстрирует не только идею священной горы на воображаемом острове в море, но и представляет идеал утопического мира, рая, населенного бессмертными *сянь*, животными, птицами, фантастическими существами, обитающими среди гор, водопадов и ручьев.

Курильница Пэкче является самой высокой и массивной курильницей типа *бошаньлу* в Восточной Азии. Ее можно считать квинтэссенцией верований, религиозных и культовых практик, культуры и искусства государства Пэкче. Корейская курильница воплощает собой совершенную форму, когда-то изобретенную даосами, а затем дополненную буддистами за несколько столетий традиции использования курильниц типа *бошаньлу* в Восточной Азии.

Несмотря на то что в период Саби (538–660), к которому относится курильница Пэкче, доминирующей религией был буддизм, неверно было бы символически курильницы интерпретировать только лишь в связи с ним — множество экзотических существ и редких растений, изображенных на чаше и крышке

сосуда, символически выражают целый комплекс различных религиозно-философских представлений, включая и даосско-буддийские идеи, и местные культы, и локальные варианты дворцовых церемоний, и повседневные практики населения государства Пэкче.

Курильница Пэкче со времени своего обнаружения в 1993 г. не перестает будоражить умы ученых, оставив много загадок относительно точного времени и технологии изготовления, обстоятельств захоронения в мастерской, имени мастера, его идеологических установок и др. В этом смысле продуктивным может оказаться исследование типологических связей между культурой Пэкче и китайским наследием периода Северных и Южных династий (особенно Северная Вэй, Южная Лян, Ци, Суй) — как в плане анализа самих курильниц из металла и керамики, так и их изображений в буддийской погребальной

Виртуальная реконструкция храмового комплекса в археологическом парке Нансанни (уезд Пуё Республики Корея), где была найдена курильница Пэкче, апрель 2019. Фото Е. Э. Войтишек

Статуя бронзовой позолоченной курильницы Пэкче на площади уезда Пуё Республики Корея, апрель 2019. Фото Е. Э. Войтишек

традиции, представленной во многих пещерных храмах и произведениях декоративно-прикладного искусства. Несомненный интерес представляет сравнительное изучение семантики курильницы Пэкче и символики других форм культовых сосудов (типа ритуальных кувшинов 魂瓶 *хуньпин*), популярных в южных китайских культурах II–IV вв.

Несмотря на то что даосские курильницы *бошаньлу*, дополненные стараниями корейских мастеров буддийской символикой, так и не смогли прижиться в Японии, определенной ценностью обладают и сопоставления семантики корейской курильницы с японскими культовыми изделиями — учитывая давние тесные связи Корейского полуострова с архипелагом¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Не последнюю роль здесь может сыграть анализ письменных памятников и материалов из японской сокровищницы Сё:со:ин (正倉院), расположенной на территории буддийского комплекса То:дайдзи (東大寺) в Нара. Там представлены раз-

При анализе иконографической традиции применительно к курильнице Пэкче, безусловно, заслуживают внимания археологические находки (поясные подвески, бронзовые кубки и пр.) и изображения с памятников Когурё, Силла и Пэкче, в первую очередь, включая королевские погребальные комплексы в Нынсанни (уезд Пуё, Республика Корея).

В настоящее время «большая бронзовая позолоченная курильница Пэкче» (百濟金銅大香爐), имеющая статус «национального сокровища № 287», является не только самым массивным и богато декорированным среди подобных сосудов, найденных до сих пор в странах Восточной Азии, но и единственным в своем роде доказательством существования традиции использования курильниц типа *бошаньлу* в пост-ханьское время — фактически спустя 700 лет со времени династии Западная Хань, давшей импульс к развитию этих примечательных изделий. Недаром огромная курильница в качестве своеобразного символа города Пуё украшает его главную площадь, напоминая о непреходящем значении культурного наследия далекого прошлого.

2.4. Корейские религиозные и гадательные практики с благовониями

Религиозные и гадательные практики с благовониями, распространенные на Корейском полуострове в периоды древности, Средневековья и Нового времени, в целом реконструируются по археологическим, эпиграфическим, письменным и этнографическим источникам. Однако степень доступности и возможность достоверной интерпретации этих материалов весьма неоднородна.

Если гадательные ритуалы с палочками *юннори* можно в целом реконструировать по археологическим и письменным памятникам раннего Средневековья, а также по этнографическим материалам и игровым практикам настоящего времени, то обычай, связанный с закапыванием в землю душистой древесины, известный на территории Восточной Азии с глубокой древности, реконструируется весьма гипотетически.

личные благовония и фрагменты ароматической древесины, многочисленные курильницы, завезенные с материка, а также списки благовоний и душистых трав, закупаемых в Силла и Пэкче, что дополнительно свидетельствует об интенсивных межкультурных контактах в раннем Средневековье.

Ритуал «захоронения аромата» *мэхан*

Понятие «захоронение аромата» 埋香 (кит. *майсян*, кор. *мэхан*) представляет собой настоящий феномен в культуре стран Восточной Азии, просуществовавший много столетий подряд в Китае и Корее. Там уже в древности были замечены бактерицидные и антисептические свойства ароматического сырья, что находило применение, вероятно, в разных сферах. При этом само понятие «захоронение/закапывание аромата» в Китае закрепилось лишь за погребальным церемониалом как эвфемизм ритуальных действий с телом усопшего при бальзамировании душистыми травами или обкладывании его кусками ароматической древесины.

Это предположение подтверждают интересные находки на территории Корейского полуострова, сохранившиеся в виде памятных стел 埋香碑 *мэхан-би* на месте погребения кусков ароматической древесины (предположительно аквилярии, можжевельника, коры сосны или дуба). По оставшимся обрывкам иероглифических надписей, выбитых или процарапанных на каменных стелах, можно в целом восстановить отдельные ритуалы, проводившиеся в сельских буддийских общинах в течение долгого времени (в VIII–XV вв.).

Наблюдения за местом установки стел позволяют предположить, что куски аквилярии не случайно закапывали во влажной и теплой земле (как правило, в месте пересечения двух рек или у морского побережья, где есть и пресная, и соленая вода), тем самым добивались искусственного состаривания ароматической древесины, чтобы она достигла нужных кондиций. По прошествии десятков или даже сотен лет созревшую древесину выкапывали и торжественно сжигали в присутствии членов общины. Судя по этим эпиграфическим записям, подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи и способствовали укреплению жизни общины¹³⁹.

Понятие «захоронение аромата» связано прежде всего с древесиной агарового дерева, или аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), которая уже в древности была широко известна в культуре четырех древних цивилизаций — Индии, Древнего Египта, Вавилона и Китая. Различные виды древесины аквилярии, обладая терпким ароматом, издавна использовались в сани-

¹³⁹ Предположение о том, что проведение ритуала захоронения благовонной древесины связано с деятельностью деревенских общин, поддерживается не всеми корейскими учеными. Так, против этой теории выступает авторитетный этнолог Ли Джунгон, профессор Национального приморского университета г. Мокпхо (Lee Jungon, Mokpo Maritime National University) (подробнее см. [Ли Джунгон, 2001]).

тарно-гигиенических и медицинских целях для окуривания помещений, ароматизации одежды и утвари, активно применялись в религиозных ритуалах, жертвоприношениях, дворцовых церемониях. Статус агарового дерева как «царя ароматов» всегда был чрезвычайно высок. До сих пор составляя в странах Восточной Азии ядро культуры благовоний, эта ароматическая древесина занимает важное место не только в традиционной медицине, в парфюмерной и косметической промышленности, но и активно используется в декоративно-прикладном искусстве и в буддийско-даосских культовых практиках.

Все виды аквилярии характеризуются смолистой древесиной, которая до заражения грибом не имеет запаха. Приятный аромат появляется только с образованием агарвуда (от англ. *agarwood*) — смолистой субстанции, формирующейся под воздействием бактерий и насекомых, когда дерево начинает вырабатывать смолу для подавления грибковой флоры. Сами благовония изготавливались из древесины аквилярии, долгие годы пролежавшей в земле или гнившей в воде.

Это свойство подтверждается и одним из ее названий: аквилярия китайская (лат. *Aquilaria sinensis*), произрастающая в теплом и влажном климате Юго-Восточной Азии, по-китайски звучит как 土沉香 *тучэньсян* (букв. «ароматическая древесина, [перегнившая] в земле») — при этом как раз имеется в виду густой аромат, идущий от земли. Процесс «созревания» древесины мог занимать очень длительный срок — от нескольких десятилетий до сотен лет. Видимо, в условиях субтропического климата Юго-Восточной Азии это свойство древесины аквилярии источать аромат, будучи зарытой в землю, было давно подмечено и освоено традиционной культурой региона. Неслучайно за многие сотни лет в культуре Восточной и Юго-Восточной Азии сформировалось понятие 埋香 («захоронение аромата»), которое, прежде всего, подразумевает ритуал закапывания в землю фрагментов благовонной древесины или ее воскурения с целью умилоствления духов Неба и Земли.

Описания ритуалов жертвоприношений с применением ароматических веществ встречаются во многих китайских трудах древности. Так, в классическом тексте «Церемонии [и] ритуалы» (儀禮 *И ли*), входящем в конфуцианский канон «Тринадцатикнижие», указывается: «Для жертвоприношения Небу возжигали [жертвенные предметы]¹⁴⁰. Для поклонения духам гор восходили на холмы. Для поклонения духам рек [жертвенные предметы] топили.

¹⁴⁰ В качестве таковых в древних текстах указываются фрагменты древесины, ароматических растений (злаки, полынь), вино, куски нефрита или изделия из него, куски шелка, жертвенные животные — бык, баран, кабан.

Для поклонения духам Земли — закапывали». В другом каноническом трактате «Тринадцатикнижия», где трактуются древние ритуалы, обряды и правила этикета, — «Ритуалы династии Чжоу» (周禮 Чжоу ли) — также указано, что при поклонении духам гор, лесов, рек и водоемов жертвенные предметы захоранивали в землю или погружали в воду (Цит. по: [Фу Цзинлян, с. 8–9]).

По-видимому, зародившись на территории Южного Китая в древности как погребальный церемониал, когда тело усопшего обкладывали кусками душистой древесины, в дальнейшем традиция «захоронения аромата» не получила в Китае особого развития. При этом в китайской художественной и эссеистической литературе — по крайней мере, с эпох Тан (VII–X вв.) и Сун (X–XIII вв.) и вплоть до конца эпохи Цин (рубеж XIX–XX вв.) — это понятие функционировало в значении «хоронить красавицу», «хоронить прекрасную молодую женщину» (埋葬美女 кит. майцзан мэйнью) [Войтишек, Шмакова, 2016, с. 102–107]¹⁴¹.

Что касается Японии, то там при наличии глубоко укоренившейся традиции возжигания ароматической древесины аквилярии, впервые зафиксированной в мифолого-летописном своде «Анналы Японии» (日本書紀 яп. Нихон сёки, 720 г.) в записи, датированной 595 г., а также в связи с существованием искусства благовоний 香道 ко:до: (букв. «путь аромата»), одного из символов национальной культуры, следов распространения данного явления на Японском архипелаге до сих пор не выявлено [Voytishek, Shmakova, p. 232–233].

Не закрепившись на территории Китая и не дойдя до Японских островов, традиция «захоронения аромата» тем не менее широко распространилась на Корейском полуострове, особенно в период с VIII по XV вв. На месте захоронения фрагмента ароматической древесины¹⁴² устанавливали каменную

¹⁴¹ В настоящее время термин «захоронение аромата» (埋香 кит. майсян) используется в культуре благовоний Китая в узком значении — как метод поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел. Суть этого приема заключается в том, что мастер делает углубление в специально подготовленном сосуде с пеплом, затем помещает внутрь него ароматический порошок и поджигает его, следя при этом за притоком воздуха и подсыпая пепел слой за слоем. При соблюдении всех условий из недр сосуда выходит струйка ароматного дыма, воздействие которого благотворно влияет на физическое и нравственное здоровье участников ритуала. Подробнее см. [Войтишек, 2023б, с. 191–200, 252–254].

¹⁴² Несмотря на то что в сохранившихся текстах на стелах упоминается именно древесина аквилярии (沉香 чимхян), возможно, использовались также более доступные материалы — древесина и кора можжевельника, сосны и дуба. Древесина аквилярии была слишком большой ценностью, чтобы ее возжигали в средневеко-

стелу 埋香碑 (кор. *мэханби*) с надписью, содержащей информацию о времени, цели и субъекте совершения ритуала. Надпись также могла быть вырезана на участке скалы, расположенной в горах неподалеку от места проведения ритуала.

Ввиду того, что к настоящему времени в соседних странах Восточной и Юго-Восточной Азии почти не сохранилось памятников, свидетельствующих о существовании сходных культовых практик, сам ритуал «захоронения аромата» чрезвычайно трудно реконструировать¹⁴⁵. До сих пор остается много неясностей, связанных с этим феноменом корейской культуры. Так, не представляется возможным с точностью утверждать, действительно ли на месте установки каждой стелы зарыты куски благовонного дерева (и какого именно), а если это действительно так, то на какой глубине и каким образом они расположены. Нет также данных о самой процедуре отправления ритуала, ее этапах, атрибутике, причинах активного использования в периоды Корё (918–1392) и Чосон (1392–1910). Тем не менее по памятникам и материалам, сохранившимся на территории Республики Корея, возможно определение типологии каменных стел.

вых сельских буддийских общинах. На это предположение указывает и корейское название можжевельника — 香木 *хянму*, что означает просто «душистое дерево», «ароматная древесина».

¹⁴⁵ В Китае до середины XX в. существовал чуть ли не единственный памятник такого рода. Речь идет о каменной стеле, установленной в середине XIX в. при династии Цин в парке Таожаньтин (陶然亭公园) в Пекине. Это сооружение находилось на могильном кургане императорской наложницы, где была выгравирована изящная поэтическая надпись о «захоронении чудесного аромата», о погребении молодой красавицы. На фронтальной поверхности плиты были нанесены иероглифы 香冢 *сян чжун* (букв. «ароматный курган»). Стела не сохранилась — следы ее после «культурной революции» затерялись. См. подробнее [Войтишек, 2023б, с. 198–200]. В Японии в храме Идзанаги-дзингу на острове Авадзи (преф. Хёго) есть две каменные стелы, установленные в 1995 г. в память о событии, с которого на Японском архипелаге началась история использования благовонной древесины. На одной из стел изображен стилизованный иероглиф 香 «аромат», а на другой нанесен текст с цитатой из 22-го свитка «Анналов Японии». На каменной плите вырезан фрагмент текста, где сообщается, что с тех пор как в 595 г. к берегам острова Авадзи прибило кусок агарового дерева длиной около одного метра, прошло ровно 1400 лет. Считается, что это событие положило начало расцвету культуры благовоний в Японии [Ота Киёси, 2001, с. 30–31]. И хотя эти факты непосредственно не относятся к захоронениям в земле душистой древесины, они свидетельствуют о глубокой традиции подобных ритуалов в культуре Восточной Азии.

Стелы *мэханби* находятся главным образом в юго-восточной и южной части Корейского полуострова в уездах близ небольших городов, имеющих выход к морю. Наиболее подходящим местом для установки памятника считалась территория, на которой горная река впадает в крупный водоем. Среди памятников, известных на сегодняшний день, девять расположены в провинции Чолла-Намдо, один — в Канвондо, один — в Чхунчхон-Намдо, два — в Кёнсан-Намдо, один — в Пхёнъян-Пукто [Ли Джунгон, 2005, с. 96]¹⁴⁴.

Стелы представляют собой, как правило, массивные куски горной породы (прямоугольные, квадратные, трапециевидные, круглые) с нанесенными на необработанную поверхность иероглифами. Южнокорейские исследователи выделяют два типа памятников — отдельно стоящие каменные стелы с надписями (碑石 *писок*) и скальные основания с выгравированными надписями (岩石 *амсок*). Необходимо при этом отметить, что часть знаков на памятниках не поддается расшифровке из-за сильного выветривания и эрозии горной породы.

Что касается самих текстов, вырезанных на поверхности стел, то они содержат информацию о дате установки памятника, именах и регалиях покровителей и дарителей, упоминания об участниках ритуала. Некоторые тексты содержат информацию о количестве закопанных фрагментов древесины (10 связок — *табаль*)¹⁴⁵ [Хён Гвансок, 2010, с. 29].

На сегодняшний день наиболее древним памятником типа 埋香碑 *мэханби* считается стела «Синан Пальгымдо», установленная в уезде Синан-гун на острове Пальгымдо в 1002 г. в период правления вана Мокчона (998–1009) [Там же, с. 28]. Информация о ее установке подтверждается данными из хроники «Истинные записи династии Чосон» (朝鮮王朝實錄 *Чосон ванджо силлок*, 1392–1865). Большинство памятников относится к концу эпохи Корё — началу

¹⁴⁴ Почти все исследованные к настоящему времени памятники находятся на территории Республики Корея. Материалами по результатам раскопок в КНДР авторы не располагают. Данные по количеству памятников *мэхан*, обнаруженных на Корейском полуострове, значительно разнятся. Это связано с отсутствием единой классификации с определенным набором критериев, по которым каждый конкретный артефакт можно отнести к тому или иному типу.

¹⁴⁵ Например, на стеле Чонвон Мёнсокби (貞元銘石碑, Jeongwon Stone Monument). Чонвон — это китайский девиз правления Чжэнь-юань (785–805?). В корейской историографии часто даются отсылки к китайской истории, девизам правления, именам императоров для придания авторитетности и легитимности тех или иных событий и деяний.

эпохи Чосон (X–XIV вв.), но отдельные памятники квалифицируются корейскими исследователями как более ранние (VIII в.) и более поздние (XV в.)¹⁴⁶.

К настоящему моменту южнокорейскими исследователями выявлен ряд основных факторов проведения ритуала *мэхян*. Так, часть специалистов считает одной из целей отправления ритуала *мэхян* стремление оградить страну от набегов «японских пиратов» *вако*:¹⁴⁷. Другие исследователи считают основной целью проведения ритуала *мэхян* т. н. «состаривание» ароматической древесины аквилярии 沉香 *чхимхян* и получение качественного сырья, источающего приятный аромат. Некоторые ученые рассматривают эти ритуалы как проявление деятельности сельских буддийских общин.

Анализ исследований, созданных в русле южнокорейской археологической и исторической науки за последние 20 лет, позволяет предположить, что ритуал «захоронения аромата» проводился группами адептов буддизма.

¹⁴⁶ См. далее сведения о стеле Чонвон Мёнсокби (貞元銘石碑) в уезде Ёнъям (Согурум), которая предположительно была установлена еще в 786 г.

¹⁴⁷ Отечественный исследователь Е. Б. Сахарова также отмечает, что нападения пиратов *вако*: на прибрежные районы Корейского полуострова с целью получения продовольствия с 1350 г. устойчиво фиксируются такими хрониками по истории периода Корё, как *Корё са* (高麗史) и *Корё са чорё* (高麗史節要) [Сахарова, 2019]. Морские разбойники (倭寇 / 和寇 яп. *вако*:) действовали с XIII по XVI вв. у берегов Корейского полуострова и Южного Китая, промышляя разбоем, грабежами и незаконной торговлей. В Корею и Китае они были прозваны «японскими пиратами» (кор. *вэгу/хвагу*, кит. *вокоу*), поскольку до первой половины XV в. среди них было много выходцев с Японских островов (воинов, оставшихся без хозяина, разорившихся землевладельцев, рыбаков), а их цитаделью были территории Внутреннего моря и северной части о. Кюсю. По-видимому, такие разрушительные набеги со стороны морских разбойников во многом ускорили падение государства Корё (936–1392). Со второй половины XVI в. большую часть этих разбойных формирований уже составляли китайцы (с участием португальцев, активно осваивавших южные моря). С установлением регулярной торговли в проливе Цусима с корейской династией Ли, а также с развитием торговли между Японией и китайской династией Мин эти разбойные формирования постепенно исчезли. В периоды ослабления контролируемой торговли деятельность пиратов снова возобновлялась, постепенно смещаясь на юг, в воды Южно-Китайского моря. (Примечательно, что в Минское время в Китае сформировалась поговорка 北虜南倭 *бэйлу наньво* (букв. «северные варвары, южные разбойники»), что подразумевает две основные напасти, большое зло). С усилением китайского морского флота при династии Мин, а также благодаря объединению Японии под властью Тоётоми Хидэёси деятельность пиратов была пресечена законом и постепенно сошла на нет (См. японские энциклопедии [Ко:дзиэн, 1998, с. 2869]; [Нихонго дайджитэн, 1995, с. 2136]).

Ли Джунгон указывает, что на церемонии обязательно присутствовал руководитель (даритель, жертвователь), распорядитель ритуала, буддийские монахи, чиновники низших рангов, а также представители простого населения деревни [Ли Джунгон, 2005, с. 98]. Хён Гвансок уточняет, что во время ритуала все участники становились в одну линию. Предположительно в ходе проведения церемонии между участниками устанавливались особые доверительные, родственные отношения, т. е. они условно становились «братьями» [Хён Гвансок, 2010, с. 32–34]¹⁴⁸. Возможно, речь идет о формировании общины внутри того или иного поселения, члены которой были связаны между собой религиозно-процессуальными практиками и культами. Других сведений, которые позволили бы пролить свет непосредственно на содержание ритуала, на данный момент не обнаружено.

Что касается времени проведения ритуалов *мэхан* и установки каменных стел, то южнокорейские ученые указывают на то, что в 1-й и 2-й, 5-й и 6-й, 11-й и 12-й месяцы ритуалов захоронения не проводилось, тогда как в 8-м месяце зафиксировано пять церемоний из 15 известных, в 3-м — три, в 4-м — две, в 7-м — одна, в 10-м — одна [Ли Джунгон, 2005, с. 95].

По-видимому, 1-й и 2-й месяцы — это время холодов и подготовки к сельскохозяйственному сезону; 5-й и 6-й — период полевых работ, жаркий сезон; 11-й и 12-й месяцы тоже связаны с большими холодами. Эти наблюдения заставляют предположить, что ритуалы «захоронения аромата» и воскурения ароматической древесины предпочитали проводить в 8-й месяц года (по традиционному лунному календарю — канун осени) отнюдь не случайно: этот период был связан в Корее с богатейшей календарной обрядностью праздника Чхусок («Осенний вечер»), известного с древности как праздник урожая и поминовения усопших родственников. Многие из праздников середины осени, будучи общими для этносов всего восточноазиатского региона, восходят к праздничной обрядности «кормления голодных духов»¹⁴⁹, связанной с буддийскими представлениями о «воссоединении живых и мертвых в ритуальном сообществе», с проходами душ умерших в загробный мир. Такие обряды предполагали семейную и общинную разновидность, а также разделение на несколько этапов — встречу душ умерших, их чествование и проводы. Этап чествования покойных предков

¹⁴⁸ Анализ текста с памятника Омгилли, уезд Ёнъям.

¹⁴⁹ Этот обычай мог быть связан как с неупокоенными душами «своих» родовых и «чужих» предков, так и с представлениями о демонах, носителях различных эпидемиологических заболеваний, распространенных в жаркое время года в субтропической зоне [Календарные обычаи..., 1989, с. 145].

зачастую сопровождался возжиганием благовонных курений, среди которых были стебли проса и конопли, которые рассматривались как средство коммуникации живых с умершими предками¹⁵⁰, а в дальнейшем связывались в народных представлениях с благодарностью за обильный урожай и «осенний прибыток» в виде еды и одежды [Календарные обычаи..., 1989, с. 78–146].

Ниже в таблице представлены названия пятнадцати типологизированных памятников *мэханби*, обнаруженных к настоящему моменту на Корейском полуострове. На этой территории имеются также камни, напоминающие по внешнему виду стелы *мэханби*, однако однозначно квалифицировать их как памятники данного типа достаточно трудно.

Список с указанием 15 каменных стел 埋香碑 *мэханби*, обнаруженных на юге Корейского полуострова (Цит. по: [Ли Джунгон, 2005, с. 94])

Номер	Название	Транскрипция ¹⁵¹	Год установки стелы
1	新安郡八禽島埋香碑	Sinan Palgeumdo maehyangbi, Sinan-gun Синан Пальгымдо мэханби, уезд Синан	1002
2	高城三日浦埋香碑	Goseong Samilpho maehyangbi, Goseong-gun Косон Самильпхо мэханби, уезд Косон	1309
3	平北定州埋香碑	Pyeongbuk Jeongju maehyangbi, Jeongju-si Пёнбук Чонджу мэханби, г. Чонджу	1335
4	靈巖庵吉里巖刻埋香碑	Youngnam Eumgilli amgak maehyangbi, Youngam-gun Ённам Омгилли амгак мэханби, уезд Ённам	1344

¹⁵⁰ Происхождение знака 香 сян «аромат» связывается прежде всего с ароматом, исходящим от нагретого зрелого зерна проса, одного из первых злаков, возделывавшихся в Древнем Китае. В дальнейшем постоянно происходило расширение границ значения этого знака.

¹⁵¹ Англоязычная транскрипция по правилам Новой романизации корейского языка (2000) приведена для удобства поиска соответствующих названий в научной литературе и сети Интернет. Полуужирным шрифтом выделены названия памятников, которые авторам данной работы удалось осмотреть лично.

Номер	Название	Транскрипция ¹⁵¹	Год установки стелы
5	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri maehyangbi, Ibam-ri Ёнгван Попсон Ибамни мэханби, деревня Ибамни	1371
6	泗川興士里埋香碑	Sachon Heungsa-ri maehyangbi, Sachon-si Сачхон Хынсари мэханби, г. Сачхон	1387
7	禮山孝橋里埋香碑	Yesan Hyogo-ri maehyangbi, Yesan-gun Есан Хёгёри мэханби, уезд Есан	1403
8	新安巖泰島松谷里埋香碑	Sinan Amdaedo Songgok-ri maehyangbi, Sinan-gun Синан Амдэдо Сонгонни мэханби, уезд Синан	1405
9	海南孟津里巖刻埋香碑	Haenam Maengjin-ri amgak maehyangbi, Haenam-gun Хэнам Мэнджилли амгак мэханби, уезд Хэнам	1406
10	靈光法聖笠巖里埋香碑	Yeongwang Beobseong Ibam-ri maehyangbi, Yeongwang-gun Ёнгван Попсон Ибамни мэханби, уезд Ёнгван	1410
11	三千浦埋香岩刻	Samcheonpo maehyang amgak Самчхонпо мэхан амгак, г. Сачхон	1418
12	海美埋香碑	Haemi maehyangbi, Seosan-si Хэмимэханби, г. Сосан	1427
13	靈巖採芝里埋香碑	Yeongnam Chaeji-ri maehyangbi, Yeongnam-gun Ённам Чэджири мэханби, уезд Ённам	1430
14	長興德巖里巖刻埋香銘	Jangheung Deogam-ri amgak maehyangmyeong, Jangheung-gun Чанхын Тогамни амгак мэханби, уезд Чанхын	1436
15	新安都草古蘭里埋香碑	Sinan Docho-myeon Goran-ri maehyangbi, Sinan-gun Синан Точхомён Коранни мэханби, уезд Синан	1457

Во время экспедиции в Республику Корея в ноябре 2015 г. авторам данной работы в сопровождении корейских коллег удалось посетить пять памятников, указанных в данном списке: Ёнъям Омгилли амгак мэханби (№ 4), Ёнгван Попсон Ибамни мэханби (№ 5), Сачхон Хынсари мэханби (№ 6), Есан Хёгёри Мэханби (№ 7), Ёнъям Чхэджири мэханби (№ 13). Помимо этого, была осмотрена каменная стела Чонвон Мёнсокби (Чолла-Намдо, Ёнъям (Согурим), Кунсо-мён), типология которой до сих пор окончательно не определена.

Ниже приведена краткая информация по данным пяти памятникам.

1. Памятник Ёнъям Омгилли амгак мэханби (№ 4) 靈巖奄吉里巖刻埋香¹⁵²

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнъям, окраина деревни Омгилли. Надпись выполнена на гладкой поверхности скалы в горах на высоте около 1000 м. Размеры участка скалы с высеченной надписью: высота 125 см, ширина 80 см.

Памятник был обнаружен в 1984 г. в ходе археологических раскопок с участием профессора Национального университета г. Мокпхо Ли Хэджуна. 21 декабря 1988 г. он был включен в список культурного наследия Чолла-Намдо под № 119, 11 апреля 2001 г. — в список государственного наследия под № 1309. Расположение высеченного на камне текста не очевидно — участок скалы с иероглифическими знаками зажат в узком проходе под нагромождением огромных валунов и не виден при подходе к месту «захоронения аромата». Это обстоятельство позволило данному участку скалы относительно хорошо сохраниться от разрушительного воздействия ветра и воды. Благодаря этому удалось восстановить текст, нанесенный на скальную поверхность. Он состоит из 114 знаков, восемь из которых пока расшифровать не представляется возможным. Строк по вертикали — 19, по горизонтали — 17. Размер слогов неодинаковый, текст организован слева направо. На стенде возле скалы, установленном для посетителей, сообщается краткая информация о месте, цели, составе участников ритуала, указываются имена людей, составлявших памятные надписи.

Судя по этой информации, сообщается о большом количестве людей, собравшихся при проведении ритуала (букв. 千萬 — «десять миллионов»), что говорит не только о самом факте события, привлечшего всеобщее внимание, но и о важности религиозно-культурных практик и активной деятельности сельской общины в данной местности.

¹⁵² У памятника есть еще и другие названия — Чхорам, или Свепау, или Кыльсин пау (диал. *navi* — «валун»).

Несмотря на то что на рубеже эпох Корё и Чосон отмечается снижение авторитета буддизма, в ритуалах возжигания благовоний все еще долго присутствуют культовые практики, в особенности связанные с почитанием Будды Майтреи. В соответствии с этой тенденцией текст надписи на скале содержит не только упоминание о том, что ритуал был произведен 13-го числа 8-го месяца в первый год правления вана Чунмока (1344 г.), но и указание на то, что это соответствует 2349 г. со дня смерти Будды.

2. Стела Ёнгван Попсон Ибамни мэхянби (№ 5) 靈光法聖笠巖里埋香碑

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнгван, деревня Ибамни. Размеры: высота 120 см, ширина 40 см, камень трапециевидной формы, с широким нижним основанием и узкой верхней частью.

Согласно тексту, высеченному на камне, захоронение ароматической древесины в месте установки памятника было выполнено два раза. Первый — в 1371 г. (20-й год правления Конмин-вана (годы жизни 1330–1374, годы правления 1351–1374) и в 1410 г. (10-й год правления Тхэджон-вана (годы жизни 1367–1422, годы правления 1400–1418)). Настоящее место нахождения памятника не совпадает с местом обнаружения. Камень был найден на сельскохо-

Памятник Ёнъям Омгилли амгак мэхянби 靈巖奄吉里巖刻埋香碑 (РК, дер. Омгилли, уезд Ёнъям), создан в 1344 г. Объект материального культурного наследия провинции Чолла-Намдо (№ 119) и Республики Корея (№ 1309). Надпись выполнена на гладкой поверхности скалы (под валуном, справа от авторов) в горах на высоте около 1000 м. Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015 г.

зайтственном поле той же провинции в ходе прокладки дренажной системы в 1985 г., а в 1987 г. был перевезен в то место, где он сейчас находится. По словам местных жителей, этот камень использовался долго в качестве причального столба для лодок и небольших судов.

Текст нанесен на переднюю и левую боковую поверхности каменной стелы. На одной из них указана дата установки — 4 месяц 4 года эры Хун-у (1368–1398), т. е. 1371 г., а также содержится информация о дарителе ароматической древесины, и о том, что она захоронена «в 200 шагах к востоку» от места установки стелы. На другой стороне стелы указана дата — десятый месяц

Стела Ёнгван Попсон Ибамни *мэханби* 靈光法聖笠巖里埋香碑 (РК, дер. Ибамни, уезд Ёнгван), установлена в 1371 г. Объект материального культурного наследия провинции Чолла-Намдо (№ 224). Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015 г. Фото Е. Э. Войтишек

восьмого года эры Юн-лэ (1403–1424), т. е. 1410 г., а также содержится информация о местонахождении закопанной древесины — на расстоянии «200 шагов на юг» от места установки камня. На задней поверхности выгравирована надпись «1972.2 сэмабль» (букв. «Новая деревня»), что указывает на факт переустановки стелы во время «движения за Новую деревню» (*Сэмабль ундон*)¹⁵³.

Памятник занесен в список культурного наследия провинции Чолла-Намдо 20 сентября 2004 г. под № 224. Он установлен рядом с мемориальными стелами в честь основания деревни Ибамни.

3. Стела Сачхон Хынсари мэхянби (№ 6) 泗川興士里埋香碑

Местоположение: провинция Кёнсан-Намдо, г. Сачхон, деревня Хынсари. Размеры: длина 160 см, ширина 120 см, форма стелы прямоугольная.

Стела в виде массивного камня установлена на 13-м году правления У-вана (1387 г.), в конце периода Корё. Текст, высеченный на камне, включает пятнадцать строк с 204 иероглифами. Сообщается о том, что в ритуале участвовали 4 100 человек, включая монахов¹⁵⁴. Люди молились о долголети и процветании государя, народном благоденствии и счастье.

Надпись составлена монахом Тальгоном (達空), записана неким Суаном (手安), высечена Ким Ёном (金用). Сообщается, что Тэхваджу (大化主) и Каксон (覺禪) возложили на себя ответственность за сохранность текста. К особенностям надписи можно отнести неодинаковый размер знаков, отсутствие межстрочных промежутков и стройных линий по горизонтали и вертикали, в связи с чем текст в целом выглядит неряшливо.

Несмотря на это, эпиграфический памятник Сачхон Хынсари Мэхянби является ценным источником не только по изучению жизни деревенской общины, ритуально-культурного поведения населения средневековой Кореи, но и важным свидетельством развития письменной культуры данного региона.

В июне 1977 г. возле каменного монумента был воздвигнут живописный павильон в традиционном стиле корейской архитектуры. В 1978 г. под № 614 стела занесена в реестр памятников культурного наследия Республики Корея. На информационном стенде, установленном близ павильона со стелой, упомянут еще один аналогичный памятник Чхимхян соккак (沉香石刻), якобы воз-

¹⁵³ Движение за Новую деревню *Сэмабль ундон*, начавшееся в 1970 г., было частью экономической программы президента Пак Чонхи (1917–1979), призванной покончить с бедностью в сельской местности. Движение *Сэмабль ундон* вошло в историю как начало корейского экономического рывка и модернизации.

¹⁵⁴ По другой трактовке, «тысяча человек» (千人). В любом случае, вряд ли имеется в виду точное число присутствующих — скорее всего, речь идет о большом количестве людей, участвующих в церемонии.

Стела Сачхон Хынсари *мэханби* 泗川市興士里埋香碑 (РК, дер. Хынсари. г. Сачхон, провинция Кёнсан-Намдо), установлена в 1387 г. Объект материального культурного наследия Республики Корея (№ 614). Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015 г. Фото Е. Э. Войтишек

двигнутый в г. Чонджу, в провинции Пхёнан-пукто (КНДР) в 1335 г. При этом сообщается, что в настоящее время о нем ничего не известно. Этот факт придает особую значимость сохранившейся стеле.

4. Стела Есан Хёгёри *мэханби* / Матвебави (№ 7) 禮山孝橋里埋香碑

Местоположение: провинция Чхунчхон-Намдо, г. Есан, окраина деревни Хёгёри. Размеры: по горизонтали 173 см, по вертикали 185 см, толщина 44 см.

На поверхности камня высечены иероглифы, которые трудно поддаются расшифровке вследствие длительного разрушения горной породы такими природными факторами, как вода, ветер и резкое колебание температур. Однако смысл надписи сводится к упоминанию о том, что памятный камень был установлен в год Кеми (1403?) людьми из Исана (伊山) и Токпхуна (德豊) в деревне Ёньори (龍吾里) на месте захоронения фрагмента ароматической древесины.

На поверхности памятника имеются три углубления различной формы — одно круглое и два прямоугольных. По словам местных жителей, в этих углублениях, как в ритуальных чашах, регулярно появлялась пища и вода, что, вероятно, сопровождалось жертвенным церемониалом, а в народных представлениях связывалось с благоволением высших сил.

На стенде рядом с камнем указано, что памятная стела была установлена в месте погребения ароматической древесины с целью приумножения благоденствия (участников ритуала?) в будущей жизни. При этом сообщается кон-

Стела Есан Хёгёри *мэханби*, или Матвебави 禮山孝橋里埋香碑 (РК, дер. Хёгёри, г. Есан), установлена в 1403 г. Объект материального культурного наследия провинции Чхунчхон-Намдо (№ 155). Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015 г.
Фото Е. Э. Войтишек

кретная методика: первоначально кусок древесины погружался в воду реки или моря, а затем захоранивался. Вероятно, имелся в виду такой известный природный фактор, как длительное гниение древесины аквилярии в условиях теплого и влажного климата, когда под воздействием бактерий из-под земли начинал выходить густой и терпкий аромат. Стела Матвебави занесена 30 июня 2001 г. в реестр памятников культурного наследия провинции Чхунчхон-Намдо под № 155.

5. Стела Ёнъям Чхэджири мэхянби (№ 13) 靈岩採芝里埋香碑

Местоположение: провинция Чолла-Намдо, уезд Ёнъям (окрестности г. Мокпхо), деревня Чхэджири. Размеры: высота 106 см, ширина в верхней части 64 см, толщина у основания 48 см, толщина вверху 18 см.

Мемориальный камень был обнаружен неким Чхве Гымсопом, жителем деревни Курим в уезде Ёнъям в 1992 г. В том же году 30 ноября под № 189 объект был занесен в реестр материального культурного наследия.

Согласно тексту, нанесенному на поверхность камня, ритуал захоронения ароматической древесины был совершен на 5-м году правления королевы Сондок (?–647) в 636 г., тогда как сама стела в честь этого события была установлена спустя 800 лет — лишь в 1430 г., в 19-й день 12-го месяца 1430 г., что соответствует 12-му году правления вана Седжона (1397–1450). Такой внушительный временной разрыв дает основания предполагать наличие письменных памятников, где могла быть зафиксирована эта информация.

Иероглифический текст высечен только на фасаде стелы и содержит 34 знака, расположенных в четыре строки. Там указаны год, месяц и число установки мемориального камня, имя дарителя ароматического дерева чхимхян и название места нахождения монумента. Поверхность каменной стелы вся покрыта патиной белого цвета и рыжим мхом, что существенно затрудняет реконструкцию текста. На информационном стенде рядом с каменной стелой сообщается, что монумент был установлен в месте захоронения фрагмента ароматической древесины — вместе с пожеланиями возродиться в мире Будды Грядущего (Майтреи). Здесь же поясняется, что захороненная в земле древесина, по представлениям буддистов, вместе с чудесным ароматом, выходящим из-под земли, могла возвестить миру о наступлении нового справедливого мира спокойствия и благоденствия. Вместе с пояснениями, что на рубеже двух периодов (Коре и Чосон) были чрезвычайно популярны идеи, согласно которым религиозные ритуалы с захоронением древесины агарового дерева *чхимхян* должны освободить людей от болезней и горестей мира настоящего, даются комментарии о том, что данные церемонии были призваны также умиротворить и тех, кто страдал от набегов морских разбойников — «японских пиратов» *вако*.

Стела Ёнъам Чхэджири мэянби 靈岩採芝里埋香碑 (РК, дер. Чхэджири, уезд Ёнъам), установлена в 1430 г. Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015.
Фото Е. Э. Войтишек

Помимо этого, в провинции Чолла-Намдо (уезд Ёнъам (Согурим), дер. Кунсомён) авторами была осмотрена каменная стела Чонвон Мёнсокби (貞元銘石碑), которая имеет форму параллелепипеда, достигающего в высоту 126 см и ширину 27 см. Для стелы построен красивый павильон, рядом стоит информационный щит, что свидетельствует о крайнем почтении к ней со стороны населения и администрации уезда. Стела могла бы претендовать на звание самого древнего памятника типа *мэянби*, однако ее типология до сих пор окончательно не определена.

Судя по сохранившимся фрагментам высеченного текста, она установлена в уезде Ёнъам (Согурим) еще в период Объединенного Силла на втором году царствования вана Вонсона (годы жизни ?–798, годы правления 785–798), т. е. в 786 г. Несмотря на ее очевидную древность, исследователи сомневаются, можно ли отнести этот монумент к памятникам *мэянби* — надпись не поддается полной расшифровке в силу плохой сохранности поверхности камня [Хён Гвансок, 2010, с. 28].

Большинство южнокорейских ученых связывает совершение ритуала *мэхан* с буддизмом, в частности с культом Будды Майтреи. В связи с этим основной целью закапывания древесины в землю можно считать стремление адептов буддизма ускорить приход на землю Будды Майтреи и, как следствие, приблизить наступление эпохи всеобщей любви и благоденствия. Адепты учения верили, что дым от воскурения благовоний, поднимающийся вверх, мог быть замечен Буддой Грядущего, обитающего, согласно легенде, в Небесах Тушита.

Каменная стела Чонвон Мёнсокби 貞元銘石碑 (РК, уезд Ёнъям), объект материального культурного наследия пров. Чолла-Намдо № 181 (установлена в 786 г.). Не квалифицируется однозначно как памятник «захоронения аромата» *мэханби*. Материалы работы авторов в Республике Корея, ноябрь 2015 г.

Фото Е. Э. Войтишек

Особого внимания заслуживает вопрос о времени появления и исчезновения ритуала *мэхан*. На данный момент на территории южной части Корейского полуострова пока не обнаружены каменные стелы *мэханби*, относящиеся к позднему Средневековью. Археологические находки и письменные данные подтверждают активное проведение ритуала *мэхан* в эпоху Корё (918–1392), время наивысшего расцвета буддизма, который сохранял свое положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях сотрудничества с аристократической верхушкой общества.

Укрепляясь в государственно-чиновной среде, буддизм в X–XI вв. при этом активно проникал в народные массы. Под руководством буддийских деятелей возникало большое количество сект различного толка [Толстокулаков, 2002, с. 71]. В связи с этим можно предположить, что формирование ритуала *мэхан* и связанной с ним обрядности в различных районах Корейского полуострова логично вписывалось в концепцию пропаганды буддизма и буддийских культовых практик в средневековой Корее. Укреплению этого ритуала в широких народных массах, вероятно, способствовала празднично-календарная стихия, во многом основанная на традиционных культах и представлениях.

С установлением эпохи Чосон в 1392 г. в связи с необходимостью создания сильного централизованного государства ведущей интеллектуальной силой общества становится конфуцианство чжусианского толка, а буддизм утрачивает свое влияние. Это соображение отчасти объясняет факт отсутствия стел *мэханби* на территории Корейского полуострова со второй половины XVI в.

Таким образом, ритуальная деятельность, связанная с культурой благовоний, в Восточной Азии имеет очень древние истоки, что подтверждается данными письменных и эпиграфических источников, а также археологическими находками. Возжигание ароматического сырья являлось необходимым элементом религиозно-сакральной обрядности и бытовой сферы, что привело в регионе к формированию специфических вариантов культуры благовоний.

Ритуалы «захоронения ароматов» 埋香 *мэхан* и каменные стелы 埋香碑 *мэханби* составляют яркую особенность корейской культуры благовоний. Они связаны прежде всего с церемониальной и обрядовой деятельностью сторонников буддизма (главным образом, адептов культа Будды Майтреи), расцвет которого пришелся на период Корё (918–1392). Полная реконструкция этого культурного феномена в настоящее время затруднена ввиду большого количества вопросов и сомнений, однако на основании изученных материалов можно предположить, что это явление в средневековой Корее в самом общем виде объединяло два процесса — сам ритуал захоронения ароматической древесины (возможно, сопровождавшийся ее воскурением) и последующую торжествен-

ную установку памятной стелы в честь этого события. Обе части этого явления могли отстоять друг от друга на весьма длительный промежуток времени (от нескольких месяцев до сотен лет).

Предположительно сам ритуал *мэхан* включал следующие этапы:

- определение старейшинами места захоронения древесины (как правило, вблизи рек и водоемов);
- подготовка древесины к захоронению путем ее смачивания в водах реки (видимо, с целью ускорения процессов гниения для «состаривания»);
- в присутствии большого скопления людей представление общине дарителя (жертвователя) древесины и ответственных за проведение ритуала;
- закапывание куска ароматического дерева в землю, сопровождавшееся молитвенными действиями в честь бодхисаттв и Будды Майтреи.

Что касается процесса установки стелы, то, вероятно, это тоже происходило в несколько этапов:

- выбор старейшинами места установки камня (вблизи рек и водоемов);
- представление общине составителя текста, резчика, изготовителя стелы, монахов, проводящих церемонию;
- религиозно-магические действия, направленные на обеспечение покровительства правителей и буддийских божеств.

Подобные ритуалы, связанные с культом Будды Майтреи, способствовали сплочению членов сельских буддийских общин и эффективному взаимодействию между ними¹⁵⁵. По материалам из Национального музея Кванджу (國立光州博物館 *Куннип кванджу панмульгван*), который расположен на территории, где была обнаружена стела Ёнгван Попсон Ибамни, сельские буддийские общины позднего периода Корё могли включать так называемые группы «последователей аромата» (香徒 кор. *хяндо*), членами которой, в отличие от раннего периода Корё, могли быть представители всех социальных слоев — и чиновники, и крестьяне, и монахи, и женщины. Члены группы *хяндо* занимались различной деятельностью, включая проведение буддийских ритуалов (как «захоронение аромата»), установку памятных стел на месте закапывания

¹⁵⁵ При этом остается неясным, где находили камни, откуда их привозили, каким образом доставляли — достоверные эпиграфические сведения отсутствуют. Вероятно, более эффективным может оказаться использование данных из письменных источников, включая династийные хроники, информационные записки и этнографические зарисовки в жанрах 稗說 *пхэсол* (букв. «пустяковые речения») и 隨筆 *сунхиль* (букв. «вслед за кистью»), храмовые истории, привлечение которых сможет закрыть лакуны в изучении различных аспектов такого феномена традиционной культуры Кореи, как ритуал *мэхан*.

благовонной древесины, декламацию буддийских сутр и пение гимнов. Стелы, воздвигнутые на месте проведения таких ритуалов, олицетворяли мечты обычных людей о мирной и счастливой жизни¹⁵⁶.

Профессор Ким Сонсун (金星順) из Института религиоведения Сеульского национального университета подчеркивает, что так называемые «последователи аромата»¹⁵⁷ в эпоху Корё были религиозными буддийскими объединениями монахов и верующих мирян для поддержания отношений внутри группы и управления внутренними делами общины. Они занимались чтением священных писаний, медитацией и практикой «воспевания Будды», основанной на вере в перерождение в Чистой Земле, размышляли о теле Будды, визуализировали заслуги Будды и сам мир Чистой Земли. В эпоху Корё группы «последователей аромата» были сильнее как организации для поддержки храмов или помощи в проведении конкретных буддийских ритуалов, чем как духовное объединение обычных верующих. Пользуясь поддержкой сельских чиновников, они выполняли работу по содержанию храма, жертвовали масло, рис, одежду и ткани, продавали вино и еду, чтобы собрать средства на проведение буддийских служб. В эпоху Корё такие буддийские ассоциации не столько функционировали как религиозные общины, сколько служили своеобразными организациями для поддержки храмов и проведения буддийских ритуалов¹⁵⁸.

По некоторым данным южнокорейских специалистов, в настоящее время на территории Северной и Южной Кореи сохранилось около 20 стел *мэян-би*, свидетельств деятельности буддийских общин «последователей аромата» эпохи Корё, дальнейшее изучение которых даст возможность более детально

¹⁵⁶ Материалы Е. Э. Войтишек из Национального музея Кванджу (Республика Корея, ноябрь 2022 г.).

¹⁵⁷ Ким Сонсун приводит и другие их названия — «последователи аромата десяти тысяч Будд» (萬佛香徒), «последователи аромата десяти тысяч дней» (萬日香徒), «группа учеников аромата» (香徒契), «братья по храму» (寺刹契), «братья» (契会), «братья по воспеванию Будды» (念佛契), «общество» (社会) и др.

¹⁵⁸ В дальнейшем, уже при династии Чосон, когда правительство изъяло храмовую собственность из государственной казны, многие монахи были насильно возвращены к светской жизни. Они строили буддийские храмы, поклонялись статуям божеств, декламировали сутры. Таких монахов называли «последователями аромата, воспевающими Будду» (念佛香徒). См. Китайский медиа-портал sohu.com: Ким Сонсун. Трансформация методов духовной практики в корейских буддийских объединениях. [金星顺. 韩国念佛结社中修行方法的变容]. URL: https://www.sohu.com/a/517545883_121124715 (дата обращения 08.01.2024).

реконструировать особенности ритуального и бытового поведения средневековых корейцев. Отсутствие в Китае и Японии убедительных следов ритуала «захоронения аромата» (埋香) демонстрирует специфику устойчивого развития корейской традиции в условиях полноформатного влияния китайской культуры, тогда как наличие в культуре благовоний Восточной Азии соответствующего явления в более узком значении этого термина (как метода «слушания аромата» 聞香 путем поджигания ароматического порошка или фрагмента древесины в курильнице с последующим его закапыванием в пепел) свидетельствует об общности многих культурно-исторических процессов, происходящих в этом обширном регионе.

С учетом длительной традиции использования душистой древесины в религиозных культах Корейского полуострова можно предположить наличие и других манипуляций с этим растительным сырьем. Во всяком случае об этом свидетельствуют недавние археологические находки на территории древнего государства Пэкче, обнаруженные сотрудниками Национального исследовательского университета культурного наследия Пуё. Так, на развалинах храма Ванхынса и в гробнице 25-го правителя Пэкче короля Мурёна (462–523, годы правления 501–523) были найдены небольшие круглые бруски обожженного дерева (высотой и длиной около 1 см), обернутые в золотую фольгу. Аккуратные отверстия, проделанные в брусках, тщательность обработки, золотая

Ожерелье из брусков обожженного дерева в золотой фольге (炭木金球 кор. *тханмок кимгу*). Длина 1–1,1 см, ширина 0,9–1,1 см, высота 0,6–0,7 см. Национальный исследовательский университет культурного наследия Пуё. Дается по: [Ким Мухван, 2008, с. 24–27]

фольга, — все это говорит, что бруски могли использоваться как бусины и вместе составлять ожерелье, надевавшееся во время особых ритуалов¹⁵⁹.

Гадание по палочкам корейской игры юннори (ют)

Особенности гадания по корейским палочкам *юннори* целесообразно рассматривать в контексте взаимосвязи игры, ритуальных и гадательных практик, что составляет одну из ярких особенностей традиционной культуры стран Восточной Азии. Игровое поведение зачастую определяет специфику ритуала, являясь неременной частью празднично-календарной обрядности, религиозно-магических и гадательных манипуляций, в том числе сопровождаемых воскурением благовоний. Эволюция корейских ритуальных и гадательных практик с благовониями неотделима от историко-культурных процессов всего региона.

В странах Восточной Азии история гадательных практик уходит в глубь веков. Она связана прежде всего с древней китайской традицией гадания на черепаших панцирях и лопаточных костях крупного рогатого скота, а также манипуляциями на основе «Книги перемен» (*И-цзин*) с помощью стеблей тысячелистника или монет (См. [Еремеев, 2005]). Археологические источники, естественнонаучные материалы и немногочисленные письменные памятники¹⁶⁰ свидетельствуют, что впоследствии на Корейском полуострове и Японском архипелаге также практиковалось гадание по трещинам прокаленных панцирей морских черепах¹⁶¹ (а впоследствии и по китайской «Книге перемен»). Такие гадательные практики со временем прочно интегрировались в государственную систему, способствуя монополизации власти и укреплению роли высшего

¹⁵⁹ Предположительно ствол дерева обжигали целиком и затем разрезали на одинаковые кусочки [Ким Мухван, 2008, с. 24–27].

¹⁶⁰ Среди причин, обусловивших постепенное исчезновение гадательных ритуалов 龜卜 с панцирями черепах, можно отметить устный характер передачи сакральной информации, сокращение количества людей, обладающих подобными навыками, а также сложную технологию гадания. Именно устная (сакрализованная) форма передачи информации предопределила крайнее малое количество упоминаний об этом способе гадания в письменных источниках.

¹⁶¹ Подобные гадательные практики с панцирем красной морской черепахи (赤海龜 *акаумигамэ*, лат. *Caretta caretta*) сохранились до настоящего времени на Японском архипелаге в районе префектуры Нагасаки, на острове Цусима в Цусимском проливе (подробнее см. [Войтишек, 2023a]).

духовенства. При этом очевидно, что уже в древности и раннем Средневековье гадательно-магические культы не должны были исчерпываться такими трудозатратными манипуляциями, как прокалывание панцирей черепах или лопаточных костей — для повседневной жизни требовались более упрощенные ритуалы [Войтишек, Агемян, 2022, с. 336–342].

Для такой цели вполне подходили кости, палочки, ракушки, орехи, бусины, кубики и другой мелкий инвентарь. Различные операции с этими предметами на фоне религиозно-магических представлений способствовали появлению и развитию специфических игровых, ритуальных и гадательных практик, на основе которых позднее развились многие развлекательные игры в Китае, Корее и Японии.

К категории самых загадочных игр, объединяющих многих народы обширной территории Восточной Азии, относятся азартные игры с костями, кубиками и палочками, длительная эволюция которых привела к их существенному размежеванию. Речь идет о китайской азартной игре 樗蒲 *шупу* с пятью костями¹⁶², весьма популярной во времена поздней династии Хань (I–III вв.) и восходящей к древней шашечной игре 六博 *любо* («шестерка») с шестью бамбуковыми палочками¹⁶³. Есть даже предположение, что эта игра развилась из древнеиндийского развлечения *пачиси*, в арсенал которого входило игровое поле в виде креста и 5–7 раковин каури, которые подбрасывали, чтобы определить число клеток для продвижения фишек.

В ряде китайских памятников эпох Суй (581–618) и Тан (618–907)¹⁶⁴ есть упоминания и даже описания игры 樗蒲 *шупу* и игр с пятью деревянными про-

¹⁶² Древняя китайская азартная игра, известная со времени Восточной Хань (25–220) до эпохи Тан (618–907). На плоской доске бросали пять деревянных брусков, а фишки продвигали в зависимости от выпавших значений. Происхождение игры 樗蒲 (樗蒲) *шупу* неясно, хотя она упоминается во многих китайских источниках — в энциклопедии «Классифицированное собрание произведений искусства и литературы» (艺文类聚 *Ивэнь лэйцзюй*), составленной под редакцией Оуян Сюня (557–641) в 624 г., в энциклопедии «Императорское обозрение годов Тайпин» (太平御覽 *Тайпин юйлань*), составленной в 977 г. группой ученых под руководством Ли Фана, и др. См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/樗蒲> (дата обращения 20.02.2023).

¹⁶³ О происхождении и истории китайских азартных игр 樗蒲 *шупу* и 六博 *любо*, а также их корейских и японских вариантов (雙六 *ссангюк*, 双六 *сугороку*, 盤双六 *бан-сугороку*) см. [Войтишек, 2011, с. 44–50].

¹⁶⁴ Прежде всего имеется в виду историческая хроника династии Суй (隋書 *Суй шу*, 636), где было отмечено, что в эти игры играли в «корейском государстве Пэкче (百濟)» и «японской стране людей Ва (倭)». См. URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/樗蒲> (дата обращения 20.02.2023). Кроме того, эти игры упоминались в сочинениях

долговатыми брусками-палочками (кит. 五木 у му, букв. «пять деревяшек»), которые подбрасывали на доске как кубики — с целью определения ходов для продвижения своих фигур. Стороны таких палочек окрашивали в черный и белый цвета. У двух из пяти таких палочек на белой стороне был нарисован иероглиф «фазан» (雉 *чжи*), а на черной стороне был нанесен знак «бык» (牛 *ню*) или «теленка» (犢 *ду*). Соответственно, в зависимости от цвета и символа, выпавшего на брусках, получались разные комбинации, которым соответствовало определенное количество очков. Вместе с замещением азартной, а потому часто запрещаемой игры *шуну* другими вариантами развлечений, а также ее перемещением в соседние регионы происходила и трансформация игрового инвентаря. Кроме деревянных брусков широко использовались кости и бивни животных, разные виды яшмы и нефрита, плоды и семена растений. Менялись размеры и форма брусков, их количество. Еще к концу эпохи Тан (618–907) бруски в таких играх превратились в шестигранные кубики, а их число сократилось до двух. О таких играх с брусками и кубиками («двойная шестерка», или «двенадцать», «дважды шесть», то есть 雙六 кит. *шуанлю*, 雙六 кор. *ссангюк*, 双六 яп. *сугороку*) есть масса упоминаний в специальной, эссеистической и художественной литературе Китая, Кореи и Японии (См. [Войтишек, 2011, с. 45–50]).

Исчезнув в Китае с приходом маньчжурской династии Цин (1644–1911), игры с палочками приобрели необыкновенную популярность на территории Корейского полуострова, к настоящему времени превратившись там в подлинное национальное развлечение — в игру *육놀이* *юннори* с четырьмя деревянными палочками.

Игровое поле представляет собой ровную доску, яркий кусок ткани или бумаги с особыми метками, которые символизируют небесные тела, звезды, землю, небо. Двигаясь по игровому полю, игроки проводят свои фишки через четыре времени года. Играющие поочередно бросают четыре плосковыпуклые палочки (*юм*). В зависимости от сочетаний разных сторон четырех палочек возможны пять комбинаций, соответствующих числу ходов и символически обозначаемых разными животными (свинья, собака, баран, бык, конь). Цель

видных литераторов эпохи Тан. См., например, «Правила игры в пять деревяшек» (五木經 *У му цзин*), составленные Ли Ао (李翱, 772–841) и последний свиток произведения «Дополнение к истории танского Китая» (唐國史補 *Тан го ши бу*), принадлежащее кисти Ли Чжао (李肇, ?–813). См. эл. ресурсы с текстами указанных сочинений. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=83903&page=50>; <https://zh.wikisource.org/wiki/唐國史補/卷下> (дата обращения 25.02.2023).

Инвентарь традиционной корейской игры *юннори* (*ют, чок*), используемый при гадании с воскурением благовоний. Корейские монахи за игрой в *ют*. Старинный рисунок. Фото и коллекция Е. Э. Войтишек

игры состоит в том, чтобы быстрее провести свои фишки через все поле и вернуть их на исходную позицию (См. подробнее [Войтишек, 2011, с. 61–63]).

По всей вероятности, о различных вариантах этой игры было хорошо известно и в древней Японии — неслучайны неоднократные упоминания игр в «двойную шестерку» 双六 *сугороку* и настольного ее варианта на доске 盤双六 *бан-сугороку*, а также игры 樗蒲 *тёбо* (加利字知 *кариути*, букв. «бросать палочки») в древних литературных памятниках и исторических документах¹⁶⁵.

В древнейшей японской антологии «Манъё:сю:» (万葉集), объединяющей фольклорные тексты, стихотворения придворных и провинциальных поэтов

¹⁶⁵ Японскими археологами в 80–90-гг. XX в. были найдены также вещественные свидетельства бытования этой игры на архипелаге: в нескольких префектурах Японии найдены обломки керамических чаш VIII в., на дне которых явственно обнаруживаются рисунки для игры 樗蒲 *тёбо*, напоминающие схемы игрового поля популярной игры *юннори*, в которую до сих пор играют жители Корейского полуострова.

VII–VIII вв., также были выявлены сочетания иероглифов, обозначающих комбинации игральных костей в корейской игре *юннори*. Это свидетельствует о том, что к VIII в. игра уже проникла на Японские острова и могла быть преобразована в похожую настольную игру с особенностями, характерными для местной игровой традиции. С другой стороны, возможно интерпретировать эти строки и как намек на древние гадательные манипуляции с использованием игральных костей. Уместно предположить, что чтение иероглифов¹⁶⁶ в «Манъё:сю:» связано не только с проникновением и заимствованием корейской игры, но и со знакомством японского чиновничества с особенностями материковых способов гадания.

Известный японский антрополог и специалист по истории игр Масукава Ко:ити (増川宏一, 1930–2021), описывая материковые гадательные практики, повлиявшие на становление японских, упоминает наличие в Корее следующего типа гадания. В нем использовались четыре деревянных бруска полуцилиндрической формы, которые бросали три раза подряд. Игровые комбинации, упомянутые не раз в антологии «Манъё:сю:», предполагали три варианта выпавших палочек: 三伏一向 (три стороны выпуклые, одна плоская), 一伏三向 (одна сторона выпуклая, три стороны плоские), 諸伏 (все стороны выпуклые). Всем этим комбинациям соответствовали предсказания с соответствующими названиями (徒 «последователь», 杰 «герой», 牟 «присваивать») [Масукава Ко:ити, 1992, с. 48].

Этот сложный тип гадания, при котором вероятность перечисленных раскладов была незначительной, на Корейском полуострове не сохранился, но можно предположить, что он существовал параллельно с другой системой, где учитывались все возможные гадательные комбинации.

К тому же в эпоху Чосон в Корее (XIV–XX вв.) существовали ритуалы гадания, когда в канун новогодних праздников с помощью «Книги лунного юта» почтенные старцы по расположению четырех палочек гадали неженатым юношам о судьбе в Новом году [Календарные обычаи..., 1985, с. 106]. По всей вероятности, эти ритуалы являлись отражением древних ритуальных и гадательных практик, распространенных на территории Восточной Азии.

В современной бытовой культуре Кореи (и частично Китая) до сих пор практикуют старинный способ гадания при помощи четырех деревянных пало-

¹⁶⁶ Имеются в виду названия комбинаций выпавших при броске палочек (三伏一向 яп. цуку, 一伏三向 яп. коро, 諸伏 яп. манимани), самих палочек (切木四, 折木四 яп. кари), а также обозначения того или иного предсказания. См. [Ода Юки. Нара дзидай-но бандзё: юги-ни кансуру син тикэн [小田祐樹. 奈良時代の盤上遊戯に関する新知見]. Новый взгляд на настольные игры периода Нара. 2015. URL: http://repository.nabunken.go.jp/dspace/bitstream/11177/3364/1/20150521_h_yuugi.pdf] (дата обращения 01.03.2023).

чек. Само название этого способа (杓占 кит. *сычжань*, кор. *соджом*) указывает на технику гадания, когда бросают четыре деревянных бруска и по выпавшей комбинации выпуклых и плоских сторон определяют судьбу¹⁶⁷. Возможно, этот тип гадания в древности практиковали и в Японии.

Правила гадания сводятся к следующему. Все четыре палочки (кор. *юннори*) бросают три раза и записывают выпавшие комбинации, затем по специальной таблице определяют значение, где могут быть как счастливые, так и несчастливые предсказания. В отличие от игры, где возможны пять комбинаций, соответствующих числу ходов и символически обозначаемых разными животными (свинья, собака, баран, бык, конь)¹⁶⁸, в гадании объединены достаточно редкие комбинации «бык» (*юм*) и «конь» (*мо*). В связи с этим учитываются четыре комбинации, где цифры от 1 до 4 соответствуют следующим вариантам выпавших игральных палочек:

- 1 — 도 *то* «свинья» (из четырех палочек только одна упала плоской стороной вверх);
- 2 — 개 *кэ* «собака» (из четырех палочек две упали плоской стороной вверх);

¹⁶⁷ В современных южнокорейских и китайских работах по этому вопросу упоминаются труды известного корейского чиновника эпохи Чосон — историка, писателя, поэта и этнографа Ю Дык-гона (柳德恭, 1748–1807). Будучи жителем северной части Кореи, он часто путешествовал в Китай и у себя на родине прославился как знаток и популяризатор «ханьской науки». Особенно примечательна его книга «Разные записки из столицы» (京都杂志 *Кёндэ джанчи*), где зафиксировано много обычаев и традиций эпохи Чосон, распространенных в городской среде Сеула. В двух томах этого сочинения даны подробные записи о жилище, еде, одежде, ритуалах и обычаях жителей столицы на протяжении всего календарного года. В описании новогодних обычаев и культов фигурируют как раз подробные записи ритуалов гадания с палочками *юннори*. См., например, материалы информационных порталов Республики Корея и Китая. URL: <https://m.terms.naver.com/entry.naver?docId=566433&cid=46670&categoryId=46670>; URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_3778736; URL: <https://baike.baidu.com/item/京都杂志/22904031?fr=aladdin> (дата обращения 06.05.2023).

¹⁶⁸ Числовые значения, соответствующие этим животным (от 1 до 5), имеют отношение к традиционным представлениям об их движении, о скорости, с которой они передвигались. Так, неповоротливая свинья двигается мало, соответственно, игроки передвигают свои фишки только на один ход. Конь, напротив, является самым быстроногим животным, поэтому фишки передвигают сразу на пять позиций. Относительно этих образов животных есть разные версии, но, вероятно, все они когда-то представляли собой тотемы древних родов, а ко времени формирования игры являлись уже одомашненными животными, верными спутниками хозяйственной и повседневной жизни человека.

- 3 — 걸 *коль* «баран» (из четырех палочек три упали плоской стороной вверх);
4 — 윗/모 *ют/мо* «бык» / «конь» (*ют* — все палочки упали плоской стороной вверх, *мо* — все палочки оказались плоской стороной вниз).

Например, комбинация палочек 121 («свинья» — «собака» — «свинья») означает «большая вода течет вспять» (大水逆流); комбинация 133 («свинья» — «баран» — «баран») означает «дракон погружается в большое море» (龍入大海); сочетание 232 («собака» — «баран» — «собака») означает «получить лекарство от тяжкого недуга» (重病得藥); сочетание 324 («баран» — «собака» — «бык») указывает на ситуацию, когда «кошка получает мышшь» (貓兒得鼠) и т. п. Примером счастливой комбинации является сочетание 112 («свинья» — «свинья» — «собака»), что означает «мышшь проникает в кладовую» (鼠入倉中), а примером несчастливой комбинации можно считать сочетание 141 («свинья» — «бык» — «свинья»), что означает «у дерева нет корней» (樹木無根).

Всего насчитывается 64 комбинации гаданий, где варьируются в разных сочетаниях четыре варианта выпадения палочек (от 111 до 444). Представляется, что такая схема подобрана гадателями неслучайно, учитывая 64 гексаграммы «И-цзина» (易經), которыми в традиции китайской «Книги перемен» исчерпывались представления о «превращении всех вещей». Подобные тройки комбинаций палочек можно трактовать как своеобразные триграммы из «Книги перемен», с помощью которых с древности гадают об урожае, удаче и счастье.

Ниже представлены описания всех возможных комбинаций, которые используются при гадании по четырем палочкам *юннори* (*ют*), практикуемого до настоящего времени в Восточной Азии в основном жителями Корейского полуострова и Китая (в меньшей степени)¹⁶⁹. Описание каждой комбинации включает соответствующее название, данное по-корейски и по-китайски,

¹⁶⁹ Перевод и комментарии вариантов гаданий приводятся по следующим южно-корейским источникам: Гадание по игре юннори онлайн. Make fortune. URL: http://henrysimon.dothome.co.kr/makefortune/yut_kor/yutstart.php (дата обращения 28.04.2023); Ютчом [윗점] // Свободная энциклопедия Намувикхи [나무위키]. URL: <https://namu.wiki/w/%EC%9C%B7%EC%A0%90> (дата обращения 29.04.2023); Ютчом [윗점] // Электронная энциклопедия Чисикпэкхва 지식백과. URL: <https://m.terms.naver.com/entry.naver?docId=540549&cid=46670&categoryId=46670> (дата обращения 28.04.2023); Чомгвэ. Ютчом пхури [점괘 | 윗점 풀이] // Блог Naver. Lifelog. Blog. URL: https://m.blog.naver.com/micky_2848/220937426796 (дата обращения 30.04.2023). Пер. с китайского языка — Е. Э. Войтишек, пер. с корейского языка — студенты-корейцы кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ А. М. Жигалова, С. С. Чудакова.

а также транскрипцию, значение и объяснение сути предсказания. По мере необходимости к некоторым комбинациям даются комментарии.

Для удобства восприятия описания комбинаций сгруппированы по четыре позиции (полужирным шрифтом выделена каждая пятая позиция: 111-121-131-141; 211-221-231-241; 311-321-331-341; 411-421-431-441), итого 64 комбинации.

Комбинация 111

кор. 어린아이가 인자한 어머니를 만난다 *оринаи-ка инджахан омони-рыль маннанда*

(кит. 兒見慈母 Эр цзянь цыму)

Значение: ребенок видит любящую мать.

Объяснение: тяжелая работа окончена, грядут хорошие дела

(кор. 힘들고 어려운 일은 끝나고 앞으로는 좋은 일이 생긴다 *химдыльго орёун иль-ын ккыннаго ап-ыро-нын чоын иль-и сэнгинда*).

Комбинация 112

кор. 쥐가 곳곳에 든다 *чви-ка коткан-е тында*

(кит. 鼠入倉中 Шу жу цан чжун)

Значение: мышь проникает в кладовую.

Объяснение: богатство понемногу утекает из вашего дома

(кор. 집안의 재물이 조금씩 새나간다 *чибан-ый чэмуль-и чогымссик сэнаганда*).

Комбинация 113

кор. 어두운 밤에 촛불을 얻는다 *одуун пам-е чхотпиль-ыль оннында*

(кит. 昏夜得燭 хунье дэ чжу)

Значение: темной ночью найти свечу.

Объяснение: в трудной ситуации благородный человек поможет вам достичь своей цели (кор. 어려운 상황 중에 귀인의 도움으로 일을 수월하게 이룬다 *орёун санхван чун-е квиин-ый тоум-ыро иль-ыль суворхаге ирунда*).

Комбинация 114

кор. 파리가 봄을 만난다 *пхари-ка пом-ыль маннада*

(кит. 蒼蠅遇春 цанъин юй чунь)

Значение: муха встречает весну.

Объяснение: время еще не пришло, но стоит немного подождать, и наступит прекрасная пора

(кор. 아직은 때가 이르지 않았으나 참고 기다리면 좋은 때가 온다 *ад-жик-ын ттэ-ка ирыджи анассына чхамго кидаримён чоын ттэ-ка онда*).

Комбинация 121

кор. 큰 물이 거슬러 올라간다 *кхын муль-и косылло олаганда*
(кит. 大水逆流 *дашуй нилю*)

Значение: большая вода течет вспять.

Объяснение: хотя в данную минуту трудно и тяжело, это пройдет, и вы достигнете большого успеха

(кор. 지금 당장은 힘들고 어려운 상황이지만 이것을 이겨내면 큰 성공을 이룬다 *чигым танджан-ын химдыльго орёун санхвангиджиман игот-ыль игёнэмён кхын сонгон-ыль ирунда*).

Комбинация 122

кор. 죄 중에 공을 세운다 *чве чун-е кон-ыль сеунда*
(кит. 罪中立功 *цзуй чжун лигун*)

Значение: через страдания вершить великие дела.

Объяснение: вопреки всему вас ожидает хороший результат или большая выгода

(кор. 본의 아니게 좋은 결과를 얻거나 뜻하지 않은 횡재를 한다 *пон-ый аниге чоын кельгва-рыль откона ттытхаджи анын хванджэ-рыль ханда*).

Комбинация 123

кор. 나비가 등불을 친다 *наби-ка тынбуль-ыль чхинда*
(кит. 飛蛾撲燈 *фэйе пу дэн*)

Значение: мотылек бьется о светильник.

Объяснение: выполняйте работу планомерно, не переусердствуйте, иначе вас настигнут проблемы

(кор. 무리하게 욕심을 부리면 낭패를 보게되니 지나친 욕심은 삼가라 *мури-хаге ёксим-ыль пуримён нанпхэ-рыль погедвени чиначхин ёксим-ын самгара*).

Комбинация 124

кор. 쇠가 불을 만난다 *све-ка пуль-ыль маннанда*
(кит. 金鐵遇火 *цзиньте юйхо*)

Значение: железо встречается с огнем.

Объяснение: вы сможете достичь цели, открыв в себе новые способности
(кор. 자신의 능력을 펼칠수 있는 기회가 온다 *часин-ый ныннёк-ыль пхель-чхиль су иннын кихве-ка онда*).

Комбинация 131

кор. 학이 날개를 잃는다 *хак-и нальгэ-рыль шлында*
(кит. 鶴失羽翼 *хэ ши юйи*)

Значение: журавль теряет крылья.

Объяснение: предназначенного не достигнуть, несмотря на все усилия
(кор. 뜻한 바는 있으나 이루어지지 않는다 *ттытхан па-нын иссына иру-оджиджи аннында*).

Комбинация 132

кор. 굶주린 자가 먹을 것을 얻는다 *кумджурин ча-ка могыль кот-ыль он-нында*

(кит. 飢者得食 *цзичжэ дэ ши*)

Значение: голодный получает еду.

Объяснение: сложные обстоятельства разрешатся, и дела пойдут на лад
(кор. 하는 일이 점점 풀려 어려운 형편이 좋아진다 *ханын иль-и чомджом пхуллё орёун хёнпхён-и чоаджинда*).

Комбинация 133

кор. 용이 큰바다에 들어간다 *ёнъ-и кхынбада-е тыроганда*
(кит. 龍入大海 *лун жу да хай*)

Значение: дракон погружается в большое море.

Объяснение: вы получите возможность проявить таланты и добиться желаемого
(кор. 뜻을 펼칠수 있는 기회를 만나 원하는 바를 이룬다 *ттыт-ыль пхэль-чхиль су иннын кихве-рыль манна вонханын па-рыль ирунда*).

Комбинация 134

кор. 거북이 대밭에 들어간다 *кобуги тэбат-е тыроганда*
(кит. 龜入筍中 *гуй жу сунь чжун*)

Значение: черепаха вступает в заросли молодого бамбука.

Объяснение: обстоятельства изменятся, и жизнь усложнится
(кор. 환경이 바뀌어 힘들고 어려워진다 *хваккёнъ-и пакквио химдыльго орёводжинда*).

Комбинация 141

кор. 나무에 뿌리가 없다 *наму-е тпури-ка опта*
(кит. 樹木無根 *шуму у гэнь*)

Значение: у дерева нет корней.

Объяснение: дела идут нелегко

(кор. 일이 잘 풀리지 않는다 *иль-и чаль пхуллиджи аннында*).

Комбинация 142

кор. 죽은 자가 다시 살아난다 *чугын ча-ка таси сарананда*

(кит. 死者復生 *сычжэ фушэн*)

Значение: умершие возвращаются к жизни.

Объяснение: случится что-то невероятное

(кор. 기적같은 일이 일어난다 *киджоккатхын иль-и иронанда*).

Комбинация 143

кор. 추운 자가 옷을 얻는다 *чхуун ча-ка от-ыль оннында*

(кит. 寒者得衣 *ханьчжэ дэ и*)

Значение: замерзший получает одежду.

Объяснение: в сложной ситуации можно рассчитывать на помощь извне

(кор. 귀인의 도움으로 어려움을 헤쳐나간다 *квиин-ый тоум-ыро орёум-ыль хечхёнаганда*).

Комбинация 144

кор. 가난한 자가 보배를 얻는다 *кананхан ча-ка побэ-рыль оннында*

(кит. 貧者得寶 *пиньчжэ дэ бао*)

Значение: нищий получает сокровища.

Объяснение: в бедный дом придет достаток

(кор. 가난한 살림에 많은 재물을 얻는다 *кананхан саллам-е манын чэ-мульт-ыль оннында*).

Комбинация 211

кор. 해가 구름속에 들어간다 *хэ-ка курымсок-е тыроганда*

(кит. 日入雲中 *жи жу юнь чжун*)

Значение: солнце скрывается в облаках.

Объяснение: без помощи извне не достичь успеха в делах

(кор. 남의 방해로 진행되는 일을 이루지 못한다 *нам-ый панхэ-ро чинхэн-ханын иль-ыль ируджи мотханда*).

Комбинация 212

кор. 장마철 하늘에 해를 본다 *чанмачхоль ханыль-е хэ-рыль понда*

(кит. 霖天見日 *линь тянь цзянь жи*)

Значение: в дождливую пору увидеть солнце.

Объяснение: в трудной для всех ситуации возникнет что-то хорошее для вас

(кор. 모두 어려운 처지이나 본인에게는 좋은 일이 생긴다 *моду орёун чход-жи-ина понин-еге-нын чоын иль-и сэнгинда*).

Комбинация 213

кор. 활이 화살을 잃는다 *хваль-и хвасаль-ыль иллында*

(кит. 弓失羽箭 *гун ши юйцзянь*)

Значение: стрела, выпущенная из лука, теряет перья.

Объяснение: маленькая ошибка портит крупное дело

(кор. 사소한 실수로 큰 일을 망친다 *сасохан сильсу-ро кхын иль-ыль ман-чхида*).

Комбинация 214

кор. 새에 날개가 없다 *сэ-е нальгэ-ка опта*

(кит. 鳥無羽翰 *няо у юйхань*)

Значение: у птицы нет перьев.

Объяснение: желаемого достичь не получится

(кор. 뜻한 바가 이루어지지 않는다 *ттытхан па-ка ируоджиджи аннында*).

Комбинация 221

кор. 약한 말에 짐이 무겁다 *якхан маль-е чим-и мугопта*

(кит. 弱馬馱重 *жо мато чжун*)

Значение: для слабого коня ноша тяжела.

Объяснение: если заранее не подготовиться, то будут большие неприятности

(кор. 미리 준비하지 않으면 큰 낭패를 본다 *мири чунбихаджи анымён кхын нанпхэ-рыль понда*).

Комбинация 222

кор. 학이 하늘에 오른다 *хак-и ханыль-е орында*

(кит. 鶴登于天 *хэ дэн юй тянь*)

Значение: журавль поднимается в небо.

Объяснение: вы преисполнитесь надеждой и волей

(кор. 희망과 의지가 이루어진다 *химан-ква ыйджи-ка ируоджинда*).

Комбинация 223

кор. 주린 매가 고기를 얻는다 *чурин мэ-ка коги-рыль оннында*

(кит. 飢鷹得肉 *цзиин дэ жоу*)

Значение: голодный сокол добывает мясо.

Объяснение: после тяжких трудов вы достигнете своей цели
(кор. 고생 끝에 일을 이룬다 *косэн ккыт-е иль-ыль ирунда*).

Комбинация 224

кор. 수레에 두바퀴가 없다 *суре-е тубакхви-ка опта*

(кит. 車無兩輪 *чэ улян лунь*)

Значение: повозка без двух колес.

Объяснение: достичь желаемого в полной мере не удастся

(кор. 뜻한 바는 있으나 잘 이루어지지 않는다 *ттытхан па-нын иссына чаль ируоджиджи аннында*).

Комбинация 231

кор. 갓난 아이가 젖을 얻는다 *коннан аи-ка чот-ыль оннында*

(кит. 嬰兒得乳 *инъэр дэ жу*)

Значение: младенец получает грудное молоко.

Объяснение: вас ожидает счастливая жизнь в достатке

(кор. 풍족하고 편안하게 지낸다 *пхунджокхаго пхёнанхаге чинэнда*).

Комбинация 232

кор. 중한 병에 약을 얻는다 *чунхан пён-е як-ыль оннында*

(кит. 重病得藥 *чжунбин дэ яо*)

Значение: получить лекарство от тяжелого недуга.

Объяснение: в сложной ситуации вы встретите благородного человека, который поможет добиться желаемого

(кор. 어려운 상황에서 귀인을 만나 뜻한 바를 이룬다 *орёун санхван-есо квиин-ыль маннан ттытхан па-рыль ирунда*).

Комбинация 233

кор. 나비가 꽃을 얻는다 *наби-ка ккот-ыль оннында*

(кит. 蝴蝶得花 *худе дэ хуа*)

Значение: бабочки садятся на цветы.

Объяснение: вы с легкостью достигнете желаемого, придет удача в любви и в делах

(кор. 뜻한 바가 원만하게 이루어진다. 애정운, 직업운이 길하다 *ттытхан па-ка вонманхаге ируоджинда. эджонгун, чигобуни кирхада*).

Комбинация 234

кор. 활이 살을 얻는다 *хваль-и саль-ыль оннында*

(кит. 弓得羽箭 *гун дэ юйцзянь*)

Значение: зарядить лук стрелой.

Объяснение: ваши планы сбудутся в полной мере

(кор. 계획한 일을 크게 이룬다 *кехвекхан иль-ыль кхыге ирунда*).

Комбинация 241

кор. 드문 손님을 절하여 만난다 *тымун сонним-ыль чорхаё маннанда*

(кит. 拜見疎賓 *байцзянь шу бинь*)

Значение: встречать дорогих гостей поклонами.

Объяснение: вы встретите благородного человека, который окажет вам большую помощь (кор. 귀인을 만나 큰 도움을 얻는다 *квиин-ыль манна кхын тоум-ыль оннында*).

Комбинация 242

кор. 강고기가 물을 잃는다 *кангоги-ка муть-ыль иллында*

(кит. 河魚失水 *хэюй ши шуй*)

Значение: речная рыба без воды теряет силу.

Объяснение: на вашем пути возникнут трудности

(кор. 어렵고 힘든 일이 많이 생긴다 *орёпко химдын иль-и мани сэнгинда*).

Комбинация 243

кор. 물위에 무늬가 생긴다 *мурви-е муни-ка сэнгинда*

(кит. 水上生紋 *шуйшан шэн вэнь*)

Значение: на воде появляются узоры.

Объяснение: грядут трудности в работе или проблемы из-за злобных слухов

(кор. 성가신 일이 생기거나 구설에 시달린다 *сонгасин иль-и сэнгигона кусоль-е сидаллинда*).

Комбинация 244

кор. 용이 여의주를 얻는다 *ёнъ-и ёййджу-рыль оннында*

(кит. 龍得如意 *лун дэ жу и*)

Значение: дракон получает жезл *жу-и*¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Жезл, или скипетр *жу-и* с древности в культуре Восточной Азии считается символом власти и авторитета, в массовом сознании ассоциируется с добрыми предзнаменованиями в судьбе и исполнением желаний. Данная гадательная комбинация

Объяснение: исполнение желаний принесет большой успех
(кор. 뜻한 바를 이루어 크게 성공한다 *ттытхан па-рыль ируо кхыге сон-гонханда*).

Комбинация 311

кор. 큰 고기가 물에 들어간다 *кхын коги-ка миль-е тыроганда*
(кит. 大魚入水 *даюй жу шуй*)

Значение: большая рыба погружается в воду.

Объяснение: работа принесет вам большие богатства
(кор. 일을 성취하여 큰 재물을 얻는다 *иль-ыль сончхвихаё кхын чэмиль-ыль оннында*).

Комбинация 312

кор. 여름에 부채를 선물한다 *ёмчхон-е пучхэ-рыль сонмурханда*
(кит. 炎天贈扇 *яньтянь цзэншань*)

Значение: дарить веер в жаркие летние дни.

Объяснение: благородный человек поможет вам выполнить дело
(кор. 귀인의 도움으로 모든 일을 순조롭게 이룬다 *квиин-ый тоум-ыро модын иль-ыль сунджоропке ирунда*).

Комбинация 313

кор. 매에 발톱이 없다 *мэ-е пальтхон-и опта*
(кит. 鸞鷹無爪 *чжиин у чжуа*)

Значение: сокол без когтей бессилён.

Объяснение: исполнить с легкостью задуманное не получится
(кор. 뜻한 일이 제대로 풀리지 않는다 *ттытхан иль-и чедэ-ро пхуллиджи аннында*).

Комбинация 314

кор. 강 속에 구슬을 던진다 *кан сок-е кусыль-ыль тонджинда*
(кит. 擲珠江中 *чжи чжу цзян чжун*)

Значение: бросить жемчужину в реку.

Объяснение: небольшая ошибка может дорого стоить
(кор. 사소한 실수로 힘들게 이룬 성과를 잃어버린다 *сасохан сильсу-ро химдыльге ирун сонгва-рыль ироборинда*).

символизирует двойную удачу — мощный дракон становится еще сильнее благодаря обретению магического жезла.

Комбинация 321

кор. 용머리에 뿔이 난다 ёнмори-е ппуль-и нанда

(кит. 龍頭生角 лун тоу шэн цзюэ)

Значение: из головы дракона вырастают рога.

Объяснение: все желания обязательно сбудутся

(кор. 모든 것이 제대로 이루어진다 модын кот-и чедэ-ро ируоджинда).

Комбинация 322

кор. 가난한데다 천하기까지 하다 кананхандеда чхонхагигаджи хада

(кит. 貧而且賤 пинь эрце цзянь)

Значение: терпеть лишения и унижения¹⁷¹.

Объяснение: неспособность выполнить какое-либо дело усложнит вашу жизнь и понизит в глазах общества

(кор. 하는 일마다 이루지 못하니 살림살이는 어려워지고 체면도 깎인다 ханын ильмада ируджи мотхани саллим саринын орёводжиго чхемён-то ккаккинда).

Комбинация 323

кор. 가난한 선비가 녹을 얻는다 кананхан сонби-ка нок-ыль оннында

(кит. 貧士得祿 пиньши дэ лу)

Значение: бедный ученый добивается служебного благополучия.

Объяснение: вы успешно сдадите экзамен¹⁷² или получите повышение

(кор. 시험에 합격하거나 승진을 한다 сихом-е хапкёкхагона сынджин-ыль ханда).

Комбинация 324

кор. 고양이 쥐를 얻는다 коянги-ка чви-рыль оннында

(кит. 貓兒得鼠 маэр дэ шу)

Значение: кошка ловит мышь.

Объяснение: вы добьетесь исполнения желаний, и придет богатство

(кор. 모든 일이 뜻대로 이루어지고 재물이 들어온다 модын ири ттыт-тэ-ро ируоджиго чэмуть-и тыроонда).

¹⁷¹ Буквально: «быть бедным, да к тому же еще и низкого звания».

¹⁷² Имеются в виду традиционные экзамены в Китае и Корее, чтобы по их результатам занять ту или иную должность чиновника, обеспечив тем самым себе безбедное существование.

Комбинация 331

кор. 고기가 변하여 용이 된다 *коги-ка пёнхаё ёнь-и твенда*
(кит. 魚變成龍 *юй бяньчэн лун*)

Значение: рыба превращается в дракона.

Объяснение: желания исполнятся, и вы займете высокую должность
(кор. 소원이 이루어지고 높은 관직에 오른다 *совон-и ируоджиго нопхын кванджик-е орында*).

Комбинация 332

кор. 소가 풀과 콩을 얻는다 *со-ка кколь-гва кхон-ыль оннында*
(кит. 牛得菘荳 *ню дэ чу доу*)

Значение: бык получает траву и бобы.

Объяснение: скоро придет большое богатство
(кор. 재물이 많이 들어온다 *чэмуль-и мани тыроонда*).

Комбинация 333

кор. 나무꽃에 열매가 달린다 *намуккот-е ёльмэ-ка таллинда*
(кит. 樹花成實 *шу хуа чэн ши*)

Значение: деревья и цветы, созревая, приносят плоды.

Объяснение: старания увенчаются успехом
(кор. 뜻한 바가 드디어 결실을 맺는다 *ттытхан па-ка тыдио кельсиль-ыль мэннында*).

Комбинация 334

кор. 중이 속인으로 돌아온다 *чунъ-и согин-ыро тораонда*
(кит. 沙門還俗 *шамэнь хуаньсу*)

Значение: монах возвращается в мирскую жизнь.

Объяснение: грядут перемены либо в вашей деятельности, либо в вашем окружении
(кор. 지금 하고 있는 일을 바꾸거나 주위 환경이 바뀐다 *чигым хаго иннын иль-ыль паккугона чуви хвангёнъ-и пакквинда*).

Комбинация 341

кор. 나그네가 집을 생각한다 *нагыне-ка чип-ыль сэнгакханда*
(кит. 行人思家 *синжэнь сы цзя*)

Значение: путник думает о доме.

Объяснение: во время работы вас настигнут волнения и тревоги
(кор. 일을 하는 중간 중간에 근심과 걱정이 생긴다 *иль-ыль ханын чунган чунган-е кынсим-гва кокчонъ-и сэнгинда*).

Комбинация 342

кор. 말에 채찍이 없다 *маль-е чхэччик-и опта*

(кит. 馬無鞭策 *ма у бяньцэ*)

Значение: лошадь без кнута.

Объяснение: некоторые причины не дадут вам успешно закончить дела

(кор. 주위 환경과 사정이 여의찮아 일을 이루지 못한다 *чуви хвангён-гва саджонъ-и ёййчхана иль-ыль ируджи мотханда*).

Комбинация 343

кор. 행인이 길을 얻는다 *хэнъин-и киль-ыль оннында*

(кит. 行人得路 *синжэнь дэ лу*)

Значение: путник находит дорогу.

Объяснение: вы легко достигнете своих целей

(кор. 손쉽게 뜻한 바를 이룬다 *сонсвипке ттытхан па-рыль ирунда*).

Комбинация 344

кор. 해가 풀이슬을 비춘다 *хэ-ка пхурисыль-ыль пичхунда*

(кит. 日照草露 *жи чжао цао лу*)

Значение: роса на траве блестит под солнцем.

Объяснение: Небо поможет вам в исполнении желаний

(кор. 하늘의 도움으로 뜻한 일을 이룬다 *ханыль-ый тоум-ыро ттытхан иль-ыль ирунда*).

Комбинация 411

кор. 부모가 아들을 얻는다 *пумо-ка адыль-ыль оннында*

(кит. 父母得子 *фуму дэ цзы*)

Значение: у родителей рождается сын (ребенок).

Объяснение: заветное желание исполнится

(кор. 평소에 바라고 바라던 소원을 이룬다 *пхёнсо-е параго парадон со-вон-ыль ирунда*).

Комбинация 412

кор. 공은 있으나 상이 없다 *кон-ын иссына санъ-и опта*

(кит. 有功無賞 *ю чэн у шан*)

Значение: есть заслуги, но нет награды.

Объяснение: быть беспрерывно сильно занятым

(кор. 실속없이 바쁘기만 하다 *сильсогонси паппыгиман хада*).

Комбинация 413

кор. 용이 깊은 못에 들어간다 ёнь-и кипхын мот-е тыроганда
(кит. 龍入深淵 лун жу шэньюань)

Значение: дракон погружается в пучину вод.

Объяснение: наконец достигнуть желаемого
(кор. 드디어 바라던 일을 이룬다 тыдио парадон иль-ыль ирунда).

Комбинация 414

кор. 소경이 곧바로 문에 들어간다 согёнъи котпаро муне тыроганда
(кит. 盲人直門 манжэнь чжи мэнь)

Значение: слепой проходит прямо через дверь.

Объяснение: преодолеть все невзгоды и преуспеть во всех начинаниях
(кор. 역경을 딛고 모든 일을 성공적으로 이룬다 ёккён-ыль титко модын иль-ыль сонгонджок-ыро ирунда).

Комбинация 421

кор. 어두움 속에서 불을 본다 одуум сок-есо пуль-ыль понда
(кит. 暗中見火 аньчжун цзянь хо)

Значение: в темноте увидеть огонь.

Объяснение: скоро придут хорошие вести
(кор. 좋은 소식을 듣는다 чоын сосик-ыль тыннында).

Комбинация 422

кор. 사람이 손과 팔이 없다 сарам-и сон-гва пхаль-и опта
(кит. 人無手臂 жэнь у шоуби)

Значение: у человека нет рук.

Объяснение: несмотря на затраченные усилия, результаты не будут столь хорошими
(кор. 노력에 비해 결과가 좋지 않다 норёк-е пихэ кэльгва-ка чочхи анда).

Комбинация 423

кор. 대인을 봄이 이롭다 тэин-ыль пом-и иропта
(кит. 利見大人 ли цзянь дажэнь)

Значение: наблюдение за благородным человеком приносит пользу.

Объяснение: вам предстоит общение с людьми больших устремлений
(кор. 큰 뜻을 가진 사람과 교류한다 кхын ттыт-ыль каджин сарам-гва кёрюханда).

Комбинация 424

кор. 각궁에 시위가 없다 *каккун-е сиви-га опта*

(кит. 角弓無弦 *цзяогун у сянь*)

Значение: лук без тетивы¹⁷³.

Объяснение: разрешить проблемы в полной мере не удастся

(кор. 일이 제대로 잘 풀리지 않는다 *иль-и чедэ-ро чаль пхуллиджи аннын-да*).

Комбинация 431

кор. 귓가에 바람이 인다 *квитка-е парам-и инда*

(кит. 耳邊生風 *эрбянь шэфэн*)

Значение: ветер в ушах.

Объяснение: вскоре вы услышите плохие вести

(кор. 불길하고 나쁜 소리를 듣는다 *пультгирхаго наппын сори-рыль тын-нында*).

Комбинация 432

кор. 어린아이가 보배를 얻는다 *оринаи-ка побэ-рыль оннында*

(кит. 釋兒得寶 *чжизэр дэ бао*)

Значение: ребенок находит сокровище.

Объяснение: с ранних лет получать великие богатства

(кор. 어린 나이에 많은 재물을 얻는다 *орин наи-е манын чэмуль-ыль он-нында*).

Комбинация 433

кор. 사람을 얻었다가 다시 잃는다 *сарам-ыль одоттага таси иллында*

(кит. 得人還失 *дэ жэнь хай ши*)

Значение: находишь людей и вновь теряешь.

Объяснение: надо быть осмотрительным при новых знакомствах

(кор. 대인관계를 신중히 하라 *тэингванге-рыль синджунхи хара*).

Комбинация 434

кор. 어지럽고 또한 불길하다 *оджиронко ттохан пультгирхада*

(кит. 亂而不吉 *луань эр буцзи*)

Значение: приносить хаос и несчастье.

¹⁷³ Имеется в виду традиционный лук 角弓 *цзяогун* (кор. *каккун*), инкрустированный пластинами из рога азиатского буйвола.

Объяснение: вас ожидают неприятности, вы столкнетесь с трудной ситуацией (кор. 어려운 상황에 처하여 좋지 않은 일이 생긴다 *орёун санхван-е чхохаё чочхи анын иль-и сэнгинда*).

Комбинация 441

кор. 생긴 일이 망연하다 *сэнгин иль-и манъёнхада*
(кит. 生事茫然 *шэнши манжань*)

Значение: теряться в возникших делах.

Объяснение: выполнить все дела в полной мере не удастся (кор. 모든 일이 제대로 이루어지지 않는다 *модын иль-и чедэ-ро ируод-жиджи аннында*).

Комбинация 442

кор. 고기가 낚시 바늘을 삼킨다 *коги-ка наккси паньль-ыль самкхинда*
(кит. 魚吞釣鉤 *юй тунь дяогоу*)

Значение: рыба заглатывает крючок.

Объяснение: ваши дела легко уладутся (кор. 뜻한 바가 순조롭게 이루어진다 *ттытхан пага сунджоропке ируод-жинда*).

Комбинация 443

кор. 나는 새가 사람을 만난다 *нанын сэ-ка сарам-ыль маннада*
(кит. 飛鳥遇人 *фэйняо юй жэнь*)

Значение: птица случайно встречает человека.

Объяснение: на вашем пути появится неожиданное препятствие (кор. 뜻하지 않은 훼방꾼이 나타나거나 장애물을 만난다 *ттытхаджи анын хвебанккун-и натханагона чанэмль-ыль маннанда*).

Комбинация 444

кор. 형이 아우를 얻는다 *хёнъ-и ау-рыль оннында*
(кит. 哥哥得弟 *гэгэ дэ ди*)

Значение: старший брат обретает младшего.

Объяснение: у вас появятся последователи (кор. 따르는 사람들이 생긴다 *ттарынын сарамдыль-и сэнгинда*).

Таким образом, на основании изученных материалов можно заключить, что древняя традиция проведения магических и гадательных церемоний в странах Восточной Азии никуда не исчезла — до сих пор повсеместно при буддийских,

даосских, синтоистских храмах Китая, Кореи и Японии можно наблюдать различные проявления подобных практик: от строго организованных официальных ритуалов до стихийно возникающих обрядовых действий и шаманских манипуляций. Зачастую такие ритуалы сопровождаются воскурением благовоний, что в значительной степени придает «законность» предсказаниям и маркирует сакральное пространство.

На уровне массового сознания достаточно обратиться к прорицателям, которые предсказывают судьбу на день, неделю или месяц, купить в лавке при храме специальное предсказание в конверте, подкинуть корейские палочки *ют* или бросить в три приема китайские бамбуковые плашки для обряда «истинного гадания» (簽靈經真 *цянь лин цзин чжэнь*), чтобы определить одну из 60 комбинаций, либо воскурить три благовонные палочки для вычисления одной из возможных 24 комбинаций их прогорания¹⁷⁴ и др. В большинстве случаев эти манипуляции воспринимаются как своеобразное развлечение, особенно популярное среди женщин и детей, как необязательное руководство в корректировке жизненной ситуации, как щекочущая нервы игра с судьбой.

При этом, пожалуй, только в Японии гадательные ритуалы до сих пор являются важной частью публичной деятельности¹⁷⁵, которые широко практикуются в рамках обрядово-магической роли синто-буддийского комплекса. Правительство Японии принимает беспрецедентные меры по сохранению обычаев, передающих древние сакральные практики (некоторые ритуалы гадания причисляются к нематериальному культурному наследию)¹⁷⁶.

Привлечение современных этнографических данных наряду с анализом письменных памятников, историко-археологических и литературных источников позволяет уточнить смыслы сакральных ритуалов, а также функции и особенности древних гадательных и игровых практик, неисчерпаемый потенциал для реконструкции которых задается самой спецификой традиционных культур Восточной Азии.

¹⁷⁴ Подробнее о гадательных ритуалах с благовониями в Китае см. [Войтишек, 2023б, с. 123–161].

¹⁷⁵ Например, заключительная церемония вступления на престол (大嘗祭 *яп. Дайдзё:сай*), в последний раз проходившая в мае 2019 г. для императора Нарухито в честь наступления эры Рэйва.

¹⁷⁶ О древних и современных японских гадательных практиках см. [Войтишек, Агекян, 2022; Войтишек, 2023а; Войтишек, Агекян, 2024].

ГЛАВА 3

АРОМАТ, КУЛЬТУРА И ЧЕЛОВЕК

Ароматы и запахи являются важнейшими признаками этнических и культурных ареалов, так или иначе формирующими представления их жителей об окружающем мире. Восприятие запахов, а также их классификация по принципу «приятный/неприятный» зависит, прежде всего, от этнических особенностей, традиций, системы воспитания членов того или иного этнического сообщества. Транслирование ароматов и запахов является специфическим способом невербального общения, уникальным психофизиологическим кодом каждого народа.

Значения и смыслы ароматов и запахов формируются индивидуально и социально, так как сами по себе запахи не имеют значения и только человек решает, какими они будут в данной конкретной ситуации [Вайнштейн, 2010, с. 9].

Что касается особенностей культуры ароматов на Корейском полуострове, то там ее развитие следует связывать с действием двух важных факторов.

С одной стороны, конфуцианский уклад и стиль жизни требовали от членов социума ежедневного неуклонного самосовершенствования во всех проявлениях, что впоследствии обусловило формирование и развитие в Корее концептуальной модели «человека культуры». Эта модель успешно просуществовала до конца XIX в., находя свое применение в разных сферах литературного и художественного творчества, включая знаменитый живописный жанр *чхэккори* с изображением «книжных полок с сокровищами». Предметы, выставленные на таких книжных полках, отражали стремление корейского чиновничества и интеллектуальной элиты к духовному развитию через занятия различными видами искусства, в том числе связанными с воскурением благовоний.

С другой стороны, в IV в. Корейский полуостров знакомится с буддийской религией и ее ритуально-обрядовым комплексом. Буддийские благовония в некотором смысле стали символом коллектива, и шире — всего корейского этноса, сформировав пространство особого личного типа как члена конфуцианского общества, где не было места личным интересам и эгоистическим

устремлениям. Буддизм же, уделяя внимание человеческой личности и «назначив» каждого ответственным за «достижение нирваны» и хотя бы самосовершенствование, обратил внимание корейцев на самоценность индивидуума.

Распространению ароматической культуры на Корейском полуострове в средние века во многом поспособствовали целительные практики с душистым лекарственным сырьем и разнообразные техники его применения. О масштабе увлечения населения Кореи благовониями и ольфакторными экспериментами в бытовой, медицинской, художественной и религиозной сферах можно судить также по богатейшим находкам керамических изделий и ароматического сырья с затонувших средневековых судов, которые курсировали в акватории Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей.

Знакомство со всем этим обильным материалом значительно расширяет представления о сути и характере понятия ароматической культуры в странах Восточной Азии.

3.1. Деятельность «людей культуры» *мунин* и благовония

Истоки формирования понятия «человек культуры» 文人 (кор. *мунин*) в Корее следует рассматривать прежде всего через китайскую традицию.

Несмотря на то что понятие «человек культуры» 文人 (кит. *вэньжэнь*) в Китае окончательно сложилось во времена династии Сун (960–1279), зарождение слоя интеллектуалов, «воплотивших в себе культурное начало» и обладающих обширными познаниями в области искусств, в широком понимании относится ко времени формирования конфуцианского учения в Китае (VI–V вв. до н. э.), когда возникают представления о «благородном муже», «совершенном человеке» 君子 *цзюньцзы*, «отличительным качеством которого является культура *вэнь*, отражающая высоту его человечности *жэнь*» [Малявин, 2000, с. 80; Соколов-Ремизов, 2009, с. 19–20].

В российском востоковедении утвердилось двоякое понимание этого термина: в узком и в широком смысле. В узком смысле под термином *вэньжэнь* понимается творческое окружение художника, литератора, каллиграфа, мастера чая и знатока благовоний Су Дунпо, или Су Ши (1037–1101)¹⁷⁷ эпохи Северная Сун (960–1127), а в широком смысле этим термином обозначаются

¹⁷⁷ См. о нем как о знатоке благовоний, воспевавшем их в поэзии [Войтишек, 2023б, с. 213–217; Войтишек, Зинченко, Яо Сун, 2023].

непрофессиональные литераторы и художники, занимающиеся творчеством во время, свободное от чиновничьих дел¹⁷⁸.

В странах конфуцианского региона, прежде всего в Китае и Корее, досуговое времяпрепровождение интеллектуалов (музицирование, настольные игры в шашки и шахматы, литературные опыты, занятия живописью и каллиграфией)¹⁷⁹ было тесно связано с воскурением благовоний и вообще с ароматической культурой. Осмысление этих понятий в рамках эстетики и философии культуры касалось и художественного произведения, и процесса его создания, и психологии творчества, что явилось немаловажным фактором развития социальных связей в Китае и Корее в период складывания неоконфуцианского мировоззрения.

Ориентация корейцев на китайский образ жизни и трансформация корейского общества по конфуцианскому образцу способствовали установлению системы эстетических ценностей и принципов теории «людей культуры» на Корейском полуострове в середине эпохи Корё, которая окончательно сложилась здесь лишь к XVII в.

Что касается специфики понятия 文人 *мунин* в культуре Кореи, то в одном из авторитетных словарей корейского языка значение этого понятия сводится к двум интерпретациям: 1) «человек, который служит литературе»; 2) «человек, который служит науке» [Большой толковый словарь корейского языка, 2005, с. 1332]. Аналогично китайским представлениям, корейские исследователи характеризуют представителей этого сословия как ученых мужей, в равной мере владеющих литературным ремеслом, игрой на национальном щипковом шестиструнном инструменте *комунго*, способностями к живописи/каллиграфии, а также к игре в шашки *падук*.

В этом смысле видится справедливым и по отношению к корейским «людям культуры» замечание видного отечественного китаевода М. Е. Кравцовой о китайских интеллектуалах *вэньжэнь*. По ее мнению, дидактико-прагматические принципы конфуцианства диктовали чрезвычайно уважительное отношение к непрофессиональному творчеству аристократов и служилых интеллигентов — оно пользовались столь же высоким общественным уважением, как и произведения, относящиеся к официальному искусству. Более того, развитие

¹⁷⁸ Подробнее о концептуальной модели «человека культуры» см. [Войтишек, 2023б, с. 201–203].

¹⁷⁹ Имеется в виду известное понятие «цитра-шашки-каллиграфия/литература-живопись» в эстетике стран Дальнего Востока (琴棋書畫 кит. *цин-ци-шу-хуа*, кор. *ким-ки-сэ-хва*, яп. *кин-ки-сё-га*) [Войтишек, 2011, с. 28–29].

компонентов эстетической теории «человека культуры» явилось результатом распространения художественно-эстетического канона на все виды творческой деятельности, что стимулировалось стереотипом досугового времяпрепровождения [Кравцова, 2004, с. 354].

Становление эстетической теории «человека культуры» на корейской почве происходило через скрупулезное изучение трудов китайских теоретиков искусства. Корейские интеллектуалы обращались также к творчеству самих художников и цитировали их высказывания в своих рассуждениях.

Так, они изучали позицию художника Гу Кайчжи (顧愷之, 344–406), жившего во времена государства Восточная Цзинь (317–420), который считал важным соединением в мастере природного таланта 才絕 *цайцзюэ* (кор. *чэджоль*), способностей к живописи 畫絕 *хуацзюэ* (кор. *хваджоль*) и искреннего увлечения 癡絕 *чицзюэ* (кор. *чхиджоль*). Литератор и каллиграф Сун Линвэнь (宋令文) эпохи Тан (618–907) был им интересен тем, что считал важным в художнике наличие не только выдающихся способностей к прозе и живописи, но и необыкновенной физической силы. Танский художник и литератор Чжэн Цянь (鄭虔, годы жизни неизвестны) их привлекал универсальным талантом — он был видным поэтом, каллиграфом и живописцем, дружил с выдающимися поэтами Ли Бо и Ду Фу, с которыми его связывала страсть к «поэзии вина». Однако чаще всего в записках корейских литераторов встречается близкое им китайское понятие «трехсовершенство» (三絕 кор. *самджоль*), понимаемое ими как соединение в творческой личности талантов в поэзии, живописи и каллиграфии — 詩 (시 *си*), 書 (서 *со*), 畫 (화 *хва*)¹⁸⁰.

До настоящего момента среди исследователей не выработано единого мнения относительно времени окончательного формирования категории «людей культуры» в Корее. Наиболее заметный след в истории страны оставили интеллектуалы эпох Корё и Чосон, что было обусловлено расцветом живописного, каллиграфического и литературного творчества и совпало с периодом «бума культуры», который происходил в эти эпохи и существует до сих пор в виде интеллектуальных и литературных обществ, отдельных мастеров живописи 文人畫 *мунинхва*¹⁸¹, каллиграфов, музыкантов. В связи с этим значение термина

¹⁸⁰ Самджоль // Толковый словарь корейского языка. URL: <http://enc.daum.net/dic100/contents.do?query1=b11s2059a> (дата обращения 12.10.2013).

¹⁸¹ Под понятием 文人畫 *мунинхва*, или 士夫畫 *сабухва/саинхва*, или 利家畫/隸家畫 *игахва/егахва* (букв. «живопись 'человека культуры'», «живопись аристократов») в корееведении подразумевается живопись людей знатного происхождения. Представители корейской плеяды ученых-интеллектуалов за редким исключением происходили из аристократических семей. Соответственно, *мунинхва* — это не только

мунин в корейской культуре можно определить прежде всего через понятия «интеллектуал», «литератор», «ученый».

Формирование концептуальной модели «человека культуры», способствующей поддержанию в социуме культа древности, знаний, интеллектуальной и физической красоты, а также знакомство с буддизмом обусловило проникновение ароматической культуры во все сферы жизни корейской аристократии. «Совершенствование природных качеств с помощью благовоний» (香氣養性 кит. сянци янсин, кор. хянги янсон) становится частью идеала человека Средневековья, которому следовало подражать.

Изготовление благовоний согласовывалось с нормами поведения: к выбору сырья и рецептуре подходили очень серьезно, а сам процесс изготовления благовоний имел тесную связь с традиционной китайской медициной, даосской «наукой о возвращении жизни» 養生學 (кит. яншэнсюэ, кор. янсэньхак) и изготовлением эликсира бессмертия [Войтишек, 2021, с. 121].

Тем не менее расцвет использования благовоний интеллектуалами-муни на Корейском полуострове пришелся на эпоху Корё, что было во многом обусловлено повсеместным распространением буддизма с его практиками и культурами. Существует большое количество свидетельств укрепления буддийских воззрений в поздний период государства Силла (VIII–IX вв.), которые говорят и о распространении практики почитания благовоний¹⁸².

Что касается корейских ученых-интеллектуалов эпохи Корё, то они возжигали благовония и во время проведения религиозных поминальных обрядов, и во время чтения китайских классических трактатов с целью достижения необходимой чистоты и концентрации ума, глубокого проникновения в смысл прочитанного. Упоминания о воскурении благовоний во время чтения 焚香讀書 (кор. пун-хян токсо)¹⁸³ встречается во многих литературных произведениях того времени.

Так, в «Восточном сборнике» 東國李相國全集 (кор. Тонгук Ли-сангук чонджип), составленном знаменитым корейским поэтом и чиновником Ли Гюбо (李奎報, 1168–1241), в свитке (квоне) 11 есть такие строки: «Чтобы явить миру доброту, почтенный монах Вэнь (кор. Мун), превозмогая себя, написал

стиль живописи, но и сами картины, написанные непрофессиональными художниками, литераторами и учеными из высших слоев общества. Традиция живописи мунихва начала разрабатываться в Корее с конца эпохи Корё (конец XII в. — начало XIII в.). Однако в то время она еще не была настолько популярна, чтобы говорить о появлении независимой художественной школы.

¹⁸² Подробнее см. разд. 1.6 «Буддийские ольфакторные практики на Корейском полуострове».

¹⁸³ Буквально означает «воскурение благовоний во время чтения».

стихотворение в древнем стиле под названием «Так много, как» (多至 кит. до чжи, кор. до джи) в надежде, что все прочитают его, — каждая строка в состоянии избавить от мирских иллюзий и призвать мирян к исправлению нравов» (文長老見和。多至每篇皆警策遲鈍。勉強備數奉賡耳).

Само стихотворение приведем ниже¹⁸⁴:

攪了黃梅七百僧, 榻來無語對龕燈, 榻來 無語對龕燈,
高塔摩空月倒屣, 銀葉燒香朝有火。(Цит. по: [Пак Джиён, 2023, с. 5]).

Чтоб не тревожить семьсот монахов из Хуанмэй,
не лучше ли просто в молчании смотреть на горящий фонарь перед буддийской
святыней?..
Ветер разметал на столе все раскрытые книги.
Поднявшись на башню, увидел — луна стала словно намного ближе.
Горит до утра благовонный огонь на серебряных листьях,
а капли воды, что остались в чашке, ночью замерзли.
Не жаждите писем, лианой скрепленных, и презирайте, что запечатаны глиной.
Не лучше ли те, что серебром скреплены?¹⁸⁵

В 3-м квоне сборника «Сочинения Тояна»¹⁸⁶ (陶隱集 *Тойнджип*), авторство которого принадлежит литератору Ли Сунъину (1347–1392), приводится стихотворение, озаглавленное «Покои чаньского наставника Мяо Цзюэчэна» (題妙覺琛禪師房):

十笏禪房一篆香, 窓前綠樹午陰涼, 居僧也自人情在, 手摘櫻桃勸客嘗。
(Цит. по: [Пак Джиён, 2023, с. 5–6])

¹⁸⁴ Данное стихотворение, написанное в жанре китайских семисловных уставных стихов 古律诗 *гулюйши* с определенной тональной мелодикой и ритмом, сложно по своей структуре и замыслу — каждая его строфа представляет собой аллюзию на произведение других авторов. Используя прием языковой игры, автор объединил известные цитаты в одном стихотворении: образ монаха, благовония, высокая башня, книги, чай и переписка между монахом и мирянином вызывают ассоциации с буддийской темой. Здесь и далее — художественный перевод с классического китайского языка *вэньянь* — Яо Сун и Е. Э. Войтишек.

¹⁸⁵ В древности конверты с письмами для защиты запечатывали с помощью особых печатей, где использовался разный материал — кашица из растений, глина, жидкое золото и серебро.

¹⁸⁶ Тоян — псевдоним Ли Сунъина.

В покое наставника горит печать курений.
Прохладно в тени зеленого дерева, что у окна.
Благодать великих монахов, живущих здесь, неизменно –
Собранной вишней угощают учеников.

Повсеместное распространение в обществе буддийских ритуалов и поддержание идеала конфуцианской учености в эпоху Корё стимулировало производство разнообразного инвентаря для воскурения ароматических снадобий — металлических и фарфоровых курильниц¹⁸⁷, подставок, палочек для смешивания порошков, футляров и шкатулок. При этом отличительной чертой именно эпохи Корё становится появление селадоновых курильниц.

Несмотря на запрет буддийской религии в эпоху Чосон, аристократы из плеяды ученых-интеллектуалов не только не отказывались от использования ароматических веществ в служебной и бытовой сфере, но и вносили это занятие в список обязательных дел для достижения гармонии тела и ума. Так, модным было окуривать одежду для ее антисептической обработки и придания ей приятного аромата. В связи с этим в корейском аристократическом обществе пользовались популярностью известные китайские сочинения с «рецептами благовоний при окуривании» (熏衣香方 кит. *сюнъи сяньфан*), где говорится о составах душистых композиций и способах пропитки одежды ароматами¹⁸⁸.

Этот факт также находит подтверждение в корейской литературе. В поэтическом «Сборнике четырех совершенных» (四佳集 кор. *Сагаджип*) известного литератора и ученого Со Коджона (1420–1488) часто встречается выражение «из рукава струится аромат»:

Когда поднимаюсь по дворцовой лестнице,
рукава моей одежды наполняются ароматом амбры...

Или:

По дороге домой я буду нести в рукаве благовонный дым...
(Цит. по: [Ха Сумин, 2023, с. 6]).

¹⁸⁷ Более подробно см. раздел «Виды курильниц» главы 2.

¹⁸⁸ Благовонные смеси широко использовались также для окуривания помещения, а также в лечебно-оздоровительных целях. См. разд. 3.4 «Медицинский аспект применения благовоний».

В записях о 5-м годе правления вана Седжона (世宗, 1397–1450, годы правления 1418–1450) в «Подлинных записях династии Чосон» (朝鮮王朝實錄 кор. Чосон ванджо силлок) жизнь литератора Кан Сокдока, отца двоих выдающихся государственных деятелей, описана следующим образом: «Во время исполнения служебных обязанностей он был осторожен и сосредоточен. Оставаясь дома, он сидел в окружении стопок книг и курильниц, где дымились благовония» [Park Heejun, 1998, p. 66].

Ученого-мунин эпохи Чосон Ли Кюгёна (李圭景, 1788–1856) на протяжении всей жизни сопровождали ритуалы возжигания благовоний. В сочинении «Общие рассуждения О Джу» (五洲衍文)¹⁸⁹ ученый пишет о том, что утром он воскурял благовония в нефритовой курильнице для того, чтобы наполнить комнату освежающим ароматом, вечером он возжигал курения в форме полумесяца, чтобы достичь гармонии с луной, а за чаем у него горели ароматические палочки. Таким образом, аромат благовоний сопровождал его в течение всего дня [Park Heejun, 1998, p. 65].

Многие авторы упоминают в своих сочинениях по медицине, истории, ботанике, литературе о различных лекарственных растениях. Так, в историческом документе «Управление хозяйством»¹⁹⁰ (山林經濟 кор. Саллим кёндже) содержится следующая информация: «Ароматические лекарства, предотвращающие инфекционные заболевания, вкладывали в ароматические мешочки и носили с собой» [Ли Гёнхи, 2011, с. 65].

Ароматические саше также обязательно сопровождали людей культуры в служебных поездках. В монументальном своде «История Кореи» (海東繹史 кор. Хэдон ёкса) сохранились сведения о том, что его автор, последователь упомянутой ранее школы «за реальные науки» *сирхак* Хан Чхйон (1765–1814) вкладывал благовонный мешочек в свое походное снаряжение. Даже послы, направляющиеся в долгую дорогу в окрестные земли, запасались мешочками с благовониями и лекарственными травами, для того чтобы предотвратить разные напасти, которые могли случиться с ними [Ли Гёнхи, 2011, с. 60]. В этом

¹⁸⁹ О Джу — псевдоним писателя. Исходное название текста — «Разрозненные наброски и общие рассуждения О Джу» (五洲衍文長箋散稿), где ученый собрал и прокомментировал различные сведения из области истории, астрономии, географии, буддизма, даосизма, ритуалов, необычных явлений, литературы, музыки, военного дела, сельского хозяйства, медицины, использования растительного сырья и др. См. URL: <https://folkency.nfm.go.kr/topic/%EC%98%A4%EC%A3%BC%EC%97%B0%EB%AC%B8%EC%9E%A5%EC%A0%84%EC%82%B0%EA%B3%A0> (дата обращения 11.12.2023).

¹⁹⁰ Название переводится буквально «Управление горами и лесами». Корейское сочинение о ведении сельского хозяйства, написанное Хон Ман Соном (洪萬選, 1643–1715).

же документе сказано: «Когда едешь на телеге или на повозке, очень утомительно, голова кружится и тошнит. В таких случаях полезно иметь при себе мешочек с благовониями. Привяжешь его на талию или в шапку заткнешь — и едешь спокойно» [Там же].

Образ чиновника-мунин, воскуривающего благовония во время досуга, можно было встретить не только в художественной литературе Кореи, но и в изобразительном искусстве.

Особый интерес представляют также полотна художников направления *мунинхва* эпохи Чосон, которые часто изображали аристократов во время их досуга. Картины выполнялись на шелке, бумаге, на ткани из волокна растения *моси* (рами)¹⁹¹ минеральными и растительными красками, которые не смешивались между собой. При этом очень ценилась тушь, поскольку с ее помощью можно было достичь особого богатства оттенков [Глухарева, 1982, с. 161].

Среди таких полотен особую известность приобрели произведения Син Юнбока (псевдоним Хевон, 1758–1813?)¹⁹². Так, на его полотне «Рассматривая весенние картинки»¹⁹³ изображены юная девушка и обнимающий ее пылкий кавалер, проводящие время за просмотром альбома фривольного содержания рядом с благоухающей курильницей. В «Альбоме жанровой живописи Хевона» (蕙園風俗圖帖), который также известен как «Хевон чонсинчхоп» (蕙園傳神帖),¹⁹⁴ нередко можно увидеть сцены с изображением курильниц, инвентаря для воскурения благовоний, а также курительных трубок в руках эмансипированных женщин (например, такие произведения Син Юнбока, как «Рассматривая весенние картинки» (春畫鑑賞 *чхунхва камсан*), «Павильон наслаждения лотосом и игрой на каягуме» (廳琴賞蓮 *Чонгым саннён*), «Танец двух девушек с мечами» (雙劍對舞 *Ссанком дэму*) и др.)¹⁹⁵.

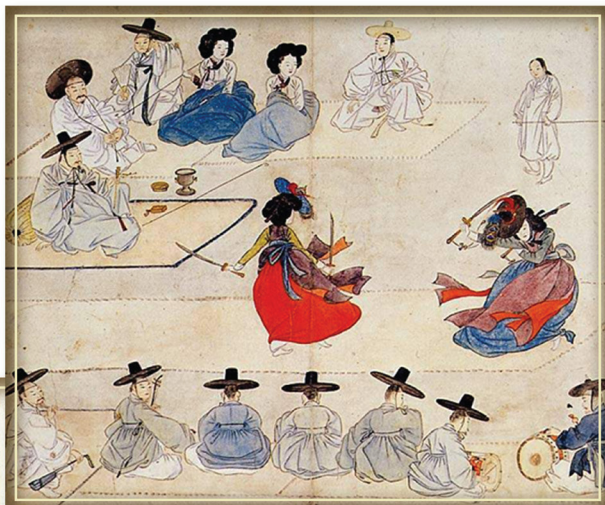
¹⁹¹ Вид растения из семейства крапивных, широко распространенного в регионе Восточной Азии.

¹⁹² Син Юнбок — корейский художник-реалист, представитель жанровой живописи. Его произведения отличались своеобразной эпатажностью вкусов публики, свободой в выборе тем и сюжетов по сравнению с произведениями предшественников, за что он был даже исключен из художественной академии Тохвасо.

¹⁹³ «Весенние картинки» 春畫 (кит. *чуньхуа*, кор. *чхунхва*, яп. *сюнга*) — изящный эвфемизм для жанровой живописи в эротических альбомах, распространенных в культуре стран Восточной Азии.

¹⁹⁴ Подробнее о Син Юнбоке см., напр., [Вострикова, 2017].

¹⁹⁵ См. Электронная корейская энциклопедия Naver. Статья о Син Юнбоке с репродукциями картин. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1119119&cid=40942&categoryId=33383>; сайт репродукций картин Син Юнбока. URL: <https://ananasposter.ru/sin-yun-bok-albom-nepriстойnykh-kartin-1> (дата обращения 12.01.2024).

Полотна корейского художника Син Юнбока / Хевона (申潤福/蕙園, 1758–1813?) из «Альбома жанровой живописи Хевона» (蕙園風俗圖帖, или «Хевон чонсинчхоп» 蕙園傳神帖) с изображением курильниц, курительных трубок и эмансипированных женщин. Конец XVIII — начало XIX в., поздний период Чосон. Художественный музей Кансон (간송미술관), Сеул. «Рассматривая весенние картинки» (春畫鑑賞 Чхунхва камсан). Дается по:

Сайт южнокорейской газеты «The Korea Herald». Открытие выставки картин Син Юнбока. URL: <https://m.koreaherald.com/view.php?ud=20130106000220> (дата обращения 29.02.2024).

«Павильон наслаждения лотосами и игрой на каягыме» (廳琴賞蓮 Чонгым саннён); «Танец двух девушек с мечами» (雙劍對舞 Ссанком дэму). Дается по: Электронная корейская энциклопедия искусств. Статья о картинах Син Юнбока. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1119119&cid=40942&categoryId=33383> (дата обращения 29.02.2024)

Весь набор необходимых знаний и навыков, взятый на вооружение образованным корейским сословием из Китая уже в раннем Средневековье, на основе которого впоследствии на Корейском полуострове сформировалась концептуальная модель «человека культуры», был успешно освоен к концу эпохи Чосон. Таким образом, ритуалы с благовониями традиционно сопровождали «людей культуры» как во время выполнения служебных обязанностей, а также и в быту во время их интеллектуального досуга.

Конфуцианство, сыграв роль катализатора в стремлении населения Корейского полуострова к духовному единению, «рассматривая человека как члена коллектива, создало идеал образцовой личности, сочетающей в себе нравственность и культуру» [Троцевич, 2010, с. 6]. Буддийская религия, в свою очередь, познакомила корейцев с культурой ароматов, что в значительной степени дополнило и обогатило их жизнь, наметив векторы эмоционального восприятия запахов.

3.2. Ароматическая культура и декоративно-прикладное искусство

Ароматическая культура в корейском традиционном искусстве представлена очень широко. Среди самых выдающихся образцов мастерства и технологических достижений корейских мастеров можно назвать селадоновые курильницы с растительными узорами или зооморфными навершиями; металлические курильницы, инкрустированные перламутром и серебром; разнообразный инструментарий для манипуляций с благовониями, представляющий высокие стандарты декоративно-прикладного искусства, характерные особенно для художественных изделий эпохи Корё (918–1392). Свой несомненный вклад в раз-

витие культуры благовоний внесли литераторы, поэты и художники эпохи Чосон (1392–1910). Яркой спецификой отличается корейская живопись второй половины эпохи Чосон, во многом развивавшейся в рамках конфуцианской традиции, но сумевшей явить в лучших своих воплощениях национальные самобытные черты через новые темы, образы и приемы. Современные мастера, испытывая неизбежное влияние западной масс-культуры, тем не менее остаются верны традиционным художественным принципам.

Рассмотрим основные тенденции развития темы ароматов и благовоний в искусстве на примере инкрустированных серебром металлических курильниц эпохи Корё, живописного жанра *чхэккори* позднего периода Чосон, а также некоторых художественных экспериментов современных мастеров.

Металлические курильницы эпохи Корё

В эпоху Корё (918–1392), время расцвета буддийского вероучения на территории Кореи, адепты буддизма часто использовали металлические курильницы в различных ритуалах, полагая, что подношение благовоний Будде устанавливало мистическую связь между божествами и верующими, устраняло недуги и мирские заблуждения. Ароматическое сырье представляло большую ценность — его сжигали, наслаждаясь запахом, окуривали благовонным дымом помещения и одежду, тело натирали душистыми мазями. Благовония были весьма ценным подарком, их могли раздавать в знак особого благоволения.

Члены королевской семьи и аристократы Корё относились к благовониям как к предмету роскоши и престижа, повышающего их социальный статус и авторитет, часто использовали их исключительно для особых государственных целей во время проведения светских церемоний и буддийских ритуалов. Постепенно практики сжигания благовоний распространилась среди простых людей, что привело к популяризации разнообразных манипуляций с ароматами.

Курильницы, используемые во время отправления буддийских ритуалов во времена династии Корё, были представлены в основном тремя типами: «курильницы с длинной ручкой» (柄香爐 кор. *пёнхянно*), предназначенные для подношения благовоний Будде; «подвесные курильницы» (懸香爐 кор. *хёнхянно*), предназначенные для подвешивания к потолку или раме для окуривания помещения, и «переносные курильницы» (居香爐 кор. *кохянно*), предназначенные для размещения на алтаре или в другом определенном месте.

Наиболее характерный вид переносных металлических курильниц, широко использовавшихся в древности на территории Корейского полуостро-

ва, в типологии сосудов определяется в Корее как курительницы в виде «чаши на ножке» 香碗 (кит. *сянвань*, кор. *хянван*).

Как было указано ранее, данный тип сосудов представляет собой бронзовую чашу на широкой ножке в виде перевернутой воронки, переходящей в высокое цилиндрическое тулово с плоским и широким венчиком. Этот вид изделий был основан на технологии производства ритуальных курительниц эпохи государства Объединенное Силла (57 г. до н. э. — 935 г. н. э.)¹⁹⁶, когда корейские ремесленники научились соединять подставку и корпус курительницы путем сварки и клепки¹⁹⁷.

В результате торговых и культурных контактов Кореи на рубеже X–XI вв. с Китаем и другими странами эти курительницы постепенно завоевали большую популярность. Примерно с XII в. их поверхность стали украшать сложными узорами в виде молний, облаков, цветов лотоса, санскритских знаков. Постепенно в качестве орнамента мастера стали включать изображения таких мифических животных, как феникс и дракон. В XII в. корейские ремесленники могли уже изготавливать такие курительницы с серебряной инкрустацией.

Ремесленники династии Корё в XII в. увлекались техникой серебряной инкрустации на различных бронзовых предметах, занимались изготовлением селадонных сосудов, украшенных различными рисунками. Популярность этой техники отразилась и на производстве курительниц, в результате чего появились изделия с поверхностью, украшенной серебряной инкрустацией. Техника инкрустации подразумевает использование металла¹⁹⁸ двух видов — твердого и мягкого: на поверхности твердого металла (бронзы или стали) делают прорезы и бороздки, которые заполняются более мягкими металлами — такими, как золото, серебро и свинец, в результате чего создается контрастный узор. В эпоху Трех государств¹⁹⁹ тех-

¹⁹⁶ Здесь и далее в этом разделе — материалы Е. Э. Войтишек из Музея декоративно-прикладного искусства (Craft Museum), открытого в Сеуле в 2021 г. В ноябре 2022 г. там экспонировалась целая выставка, посвященная технологии изготовления металлических изделий эпохи Корё (918–1392).

¹⁹⁷ Путем рентгеновского сканирования металлических курительниц из фонда Музея декоративно-прикладного искусства (Craft Museum) было установлено, что две части курительниц — тулово и подставка — сначала были крепко зафиксированы, а затем сварены вместе.

¹⁹⁸ Тот же принцип используется и при работе с керамикой, перламутром и лаковым деревом.

¹⁹⁹ Анализ доступных в настоящее время реликвий указывает на то, что техника инкрустации впервые стала использоваться мастерами и ремесленниками государства Пэкче (18 г. до н. э. — 660 г. н. э.) для украшения рукояток мечей и статусных

Ритуальные корейские традиционные курильницы эпох Корё и Чосон. *Внизу в центре*: Бронзовая курильница в виде листьев лотоса, эпоха Корё, XI в.

Материалы Е. Э. Войтишек из Национального музея Кореи (國立中央博物館 *Куннип чунган панмультван*) в Сеуле, ноябрь 2022 г. Фото С. Силичевой.

Внизу: бронзовые курильницы в виде «чаши на ножке» (青銅銀入絲香碗 кор. *чондон ынъипса хянван*). Справа: сосуд эпохи Корё, слева: сосуд эпохи Чосон. Курильницы инкрустированы серебром, включают орнамент в виде фениксов, «облаков счастья», сакральных санскритских знаков (ᱚᱛ ᱟᱢ), буддийских символов жезла власти и исполнения желаний (如意頭紋 кор. *ёидомун*) и др. Коллекция буддийского храма Тхондоса (通度寺), г. Янсан, провинция Кёнсан-Намдо.

Вверху слева: Аналогичный селадонный сосуд для благовоний в виде «чаши на ножке», эпоха Корё (青磁香碗 кор. *чонджа хянван*). Дается по: [Хянтогу тхыкпёльджон, 2022, с. 23].

Вверху справа: Бронзовая курильница на трех ножках (青銅三足香爐 кор. *Чондон самджок хянно*), эпоха Корё.

Вверху в центре: Бронзовая курильница с серебряной инкрустацией, эпоха Чосон, XIX в. Материалы Е. Э. Войтишек из Национального музея Кореи (國立中央博物館 *Куннип чунган панмультван*) в Сеуле, ноябрь 2022 г. Фото С. Силичевой

ной инкрустации украшали в основном боевое снаряжение и конскую сбрую, а уже во время династии Корё она стала широко использоваться в предметах повседневного обихода и украшениях королевской семьи и аристократов, а также в ритуальной атрибутике при проведении важных религиозных церемоний.

Эффектные бронзовые чаши с серебряной инкрустацией широко использовались в эпоху Корё для подношений Будде риса, воды и благовоний. В силу своей утонченности и элегантности техника инкрустации считается одной из лучших в корейском металлургическом ремесле. Корейские мастера добились выдающихся художественных высот, сочетая эту технику с благородными узорами в виде драконов, фениксов, лотосов, виноградной лозы, пионов и изысканных пейзажей²⁰⁰. Зачастую на поверхность чаш наносились изображения святых буддийского пантеона, сакральные санскритские знаки и символы (например, ᱚᱛ ᱟᱢ), переосмысленные под влиянием индуизма как выражение высшего Абсолюта и звукового оформления космического божественного знания²⁰¹.

предметов, символизирующих власть правящего класса. Материалы Е. Э. Войтишек из Музея священных реликвий (聖寶博物館 *Сонбо панмультван*) при буддийском храме Тхондоса в окрестностях Пусана. РК, ноябрь 2022 г.

²⁰⁰ Материалы Е. Э. Войтишек из Музея священных реликвий (聖寶博物館 *Сонбо панмультван*) при буддийском храме Тхондоса в окрестностях Пусана. РК, ноябрь 2022 г.

²⁰¹ Священный слог *ом* (*аум*) используется в религиозных практиках индуизма, джайнизма и буддизма как священное духовное заклинание. Его повторяют во время чтения духовных текстов, мантр, молитв, на церемониях посвящения и при медитациях. Этот символ широко распространен с древности в буддийском искусстве Восточной и Юго-Восточной Азии.

Техника инкрустации постепенно привела к тенденции предпочтительного использования бронзовых и керамических курильниц большого размера. В этом смысле в середине XII в. изменения предпочтений в производстве курильниц были вызваны влиянием роскошного образа жизни членов королевской семьи и аристократов Корё на буддийскую религиозную деятельность и обрядность. Серебряная инкрустация обычно украшала корпус сосуда и его высокую подставку, тогда как для других предметов (подносов и буддийской утвари) рисунок с инкрустацией размещался только на передней стороне.

С XIV в. дизайн металлических курильниц стал более разнообразным за счет добавления разного рода волнистых узоров, орнамента в виде виноградной лозы и лотоса в комбинации с санскритскими знаками и популярными буддийскими символами власти, счастья и исполнения желаний вроде жезла 如意 (кит. *жуи*, кор. *ёи*). Этот жезл с головкой, затейливо украшенной узорами в виде «благоприятных облаков», «гриба долголетия» 灵芝 (кит. *линчжи*, кор. *инджи*) часто украшал не только тулово и подставку курильниц, но встречался также на других буддийских предметах и сооружениях — таких, как каменные пагоды и фонари.

Другим узором, весьма характерным для оформления металлических курильниц эпохи Корё в технике серебряной инкрустации, были изображения драконов. Развитие буддийского искусства при династии Корё под покровительством королевских особ и аристократов привело к созданию роскошных и тщательно продуманных рисунков драконов. Изображение дракона обычно служило «главным украшением» на сосуде, эта тенденция сохранялась и позднее, при династии Чосон.

Если говорить вообще о функциях металлических изделий, то начиная с бронзового века они давали власть, богатство и превосходство тем, кто ими владел, а также принуждали к повиновению и даже смерти тех, кто их не имел. Созданные мастерами бронзовые кинжалы и мечи, золотые короны, подвески, серьги и другие изделия служили своим владельцам для демонстрации их статуса и авторитета. Что касается таких ритуальных предметов, как курильницы, скипетры, ваджры и бронзовые колокольчики, то они были призваны демонстрировать духовную власть, которую буддизм имел над обществом в целом во времена династии Корё (918–1392).

На Корейском полуострове необычайно развились техники создания и украшения металлических изделий — литье, чеканка, резьба, золочение и филигрань. Современные мастера активно используют ряд методов и техник, успешно апробированных еще в древности, — среди них можно отметить такие, как литье (заливка расплавленного металла или сплава в форму), при-

дание металлу определенной формы путемковки, фигурная резьба по металлу с помощью специальных инструментов и др.

В художественных галереях, в музеях декоративно-прикладного искусства Южной Кореи нередко можно видеть выставки изделий современных мастеров, познакомиться с особенностями используемых ими техник. Знакомство с основными тенденциями их ремесла дает основание утверждать, что они продолжают лучшие традиции корейских мастеров прошлого. Здесь широко представлена техника инкрустации серебром и перламутром по металлу и деревине; техника литья с использованием белого золота, железа, эмали, поделочного камня, натурального лака, стекла и других материалов. Что касается формы и предназначения изделий, то в целом они достаточно традиционны — вазы, курильницы, подсвечники, чайники, чашки, фонари, деревянные игральные доски с металлическими фигурами, кубики, гонги на подставках и рамах, шка тулки, веера, фигурки зодиакальных животных восточного гороскопа и проч.

В последнее время особенно заметно внимание со стороны корейских художников к теме ухода человека из жизни, что всегда было свойственно буддийскому религиозному церемониалу и близко восточному искусству в целом. Корейские мастера изготавливают необыкновенно изящные металлические урны и ультрасовременные реликварии, комментируя это следующим образом:

Ритуальная утварь (курильницы, подсвечники, реликварий) в исполнении современных южнокорейских мастеров. Материалы выставки изделий из металла в Музее декоративно-прикладного искусства (Craft Museum), Сеул, ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

«Хотя погребальная церемония предназначена для умершего, материализовать ее можно только благодаря прикосновению живого. Участник церемонии, так же, как и художник, показывает глубину отношений между живыми и ушедшими. Мастер через свои произведения может победить смерть, помогая оставшимся достойно пережить свое горе и проводить ушедших, удовлетворив эмоциональные и эстетические потребности. Задача современного ремесла — проследить и выявить такие утраченные роли»²⁰².

Этим же целям во многом соответствует и клубящийся в курильницах благовонный дым, связывая в одно целое прошлое и настоящее, единой нитью соединяя между собой все достижения корейской национальной культуры.

Живописный жанр чхэккори поздней эпохи Чосон

Для более глубокого понимания масштаба проникновения ольфакторных практик в повседневную жизнь корейского аристократического, чиновничьего и ученого сословия эпохи Чосон целесообразно обратиться к истории и особенностям чрезвычайно популярного в XVII–XIX вв. корейского живописного жанра с изображением разнообразных курильниц и ароматического инвентаря.

Отечественные искусствоведы, характеризуя исторические метаморфозы корейской традиционной живописи эпохи Чосон (XVII–XIX вв.), отмечают, что живопись этого периода, унаследовав художественные принципы эпохи Корё (918–1392), основанные на китайских танских и сунских нормах и теориях, а также достижениях культуры династий Юань (1271–1368), развивалась параллельно с живописью династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), влияние которых на корейскую традицию неоспоримо²⁰³.

Среди факторов, оказавших решающее влияние на развитие некоторых жанров корейской живописи второй половины эпохи Чосон, принято считать конфуцианство. Как отмечает российский кореевед С. О. Курбанов, с падением династии Мин и установлением «варварского» правления маньчжуров в Китае в середине XVII в. корейцы стали воображать себя истинными хранителями

²⁰² Из интервью корейской художницы и мастера прикладного искусства Ю Лиззи (Yoo Lizzy) к выставке своих работ. Материалы Е. Э. Войтишек из Музея декоративно-прикладного искусства (Craft Museum) в Сеуле. Ноябрь 2022 г.

²⁰³ См. Гаврилин К. Н., Вострикова Е. А. Живопись Кореи XVIII — начала XIX в. и западное влияние: диалог культур. URL: <https://koryo-saram.site/zhivopis-korei-xviii-nachala-xix-v-i-zapadnoe-vliyanie-dialog-kultur/> (дата обращения 03.01.2024).

достижений китайской культуры, полагая, что стали единственными преемниками конфуцианства [Курбанов, 2018, с. 266].

В сфере искусства этого времени значительную роль сыграла идеология *соджунхва* (小中華, или 朝鮮中華主義 *чосон джунхва джуи*), отражавшая концепцию, согласно которой Корея представляла собой «маленький Китай», «маленькое Срединное государство». По-видимому, эта идеология во многом стимулировала развитие самобытной культуры самой Кореи²⁰⁴.

Наиболее выпукло эти тенденции проявляются в четырех жанрах так называемой «народной живописи» (民畫 *минхва*)²⁰⁵ второй половины эпохи Чосон (с XVIII в. по начало XX в.), на развитие которых сильно повлияли конфуцианские представления и моральные ценности. К ним принято относить такие жанры, как 文字圖 *мунчудо* (изображения иероглифов)²⁰⁶; 冊架圖 *чхэкадо* (изображение книг и письменных принадлежностей, непременных спутников образованного человека, талантливого чиновника и праведного ученого-конфуцианца); 說話圖 *сорхвадо*²⁰⁷ (иллюстрации мифов и легенд с примерами конфуцианского поведения почтительных сыновей, верных государю чиновников, праведных жен и образцовых мужей); 風俗圖 *пхунсокто* (изображения обычаев и традиций, которых придерживались образцовые представители конфуцианского общества).

Американская исследовательница Кэй Блэк полагает, что постоянное стремление к высшему человеческому идеалу, свойственное корейцу и выраженное в конфуцианстве термином «благородный муж» (君子 *кит. цзюньцзы*), объясняет особую популярность этих жанров (главным образом, *мунчудо*

²⁰⁴ Гаврилин К. Н., Вострикова Е. А. Живопись Кореи XVIII — начала XIX в. и западное влияние: диалог культур. URL: <https://koryo-saram.site/zhivopis-korei-xviii-nachala-xix-v-i-zapadnoe-vliyanie-dialog-kultur/> (дата обращения 03.01.2024).

²⁰⁵ Термин, введенный японским исследователем Янаги Мунэёси (1889—1961), лидером направления по изучению японского и корейского народного творчества. См. [Киреева, 2007]. В корейской живописи Янаги Мунэёси выделяет изображения китайских иероглифов, счастливых событий, обычаев, а также сцены из повседневной жизни и сюжеты с религиозной тематикой (конфуцианской, буддийской и даосской) [Юн Ёльсу, 1998, с. 51].

²⁰⁶ На развитие этого жанра повлияли базовые конфуцианские ценности, укрепившиеся в общественном сознании корейцев эпохи Чосон: категории сыновней почтительности, верности, справедливости, честности и другие морально-этические нормативы. Изображения иероглифов сопровождалась предметами, усиливавшими значение иероглифа и назидательный смысл картины.

²⁰⁷ В научной литературе упоминается его разновидность — жанр 平生圖 *пхёнсэ-ндо*, что означает «картины повседневной жизни» [Чон Бёнмо, 2000, с. 15].

и *чхэккадо*) во времена эпохи Чосон. Комнаты для занятий обязательно украшали декоративные иероглифы и полки с книгами, которые должны были формировать качества личности и основные нормы поведения в обществе в соответствии с конфуцианскими представлениями (См. [Black, 2020]).

В контексте настоящего исследования среди этих четырех разновидностей наибольший интерес представляет собой жанр 冊架圖 *чхэккадо* (букв. «изображения полок с книгами»), или 冊巨里 *чхэккори* (букв. «книги и предметы»). Этот жанр в корейском искусстве неслучайно часто квалифицируют как своеобразный вид натюрморта, поскольку изображенные на картинах книги и свитки соседствуют с цветами, фруктами. Примечательной особенностью жанра является изображение на книжных полках тех предметов, которые необходимы конфуцианскому ученому, а именно: письменные принадлежности²⁰⁸, музыкальные инструменты, свитки, веера, цветочные вазы, различные сосуды и треножники, капельницы для воды, доски и камни для игры в корейские шахматы *падук*.

Немаловажное значение при анализе тематики картин в жанре *чхэккори* имеют изображения курильниц, которые отличаются большим разнообразием — среди них встречаются разные по размеру и форме керамические и бронзовые изделия, сосуды, близкие треножникам и кувшинам, чашам и вазам. Практически нет ни одной картины из классических работ в жанре *чхэккори*, где так или иначе не затрагивается тема благовоний и курильниц.

В этом, несомненно, сказывается влияние на корейскую культуру разработанной в средневековом Китае эстетической концепции «человека культуры» (文人 кит. *вэньжэнь*, кор. *мунин*), владеющего разными видами высокоинтеллектуального досуга — игрой на музыкальных инструментах, настольными стратегическими играми типа шашек и шахмат, каллиграфией и живописью, стихосложением (琴棋書畫 кит. *цин-ци-шу-хуа*, кор. *кым-ки-со-хва*), а также обладающего умением правильно заваривать чай (烹茶 кит. *пэнча*, кор. *пхэнда*), воскуривать благовония (焚香 кит. *фэньсян*, кор. *пунхян*), составлять цветочные композиции (插花 кит. *чахуа*, кор. *санхва*), владеть кистью (挂畫 кит. *гуахуа*, кор. *квэхва*)²⁰⁹.

²⁰⁸ Имеются в виду так называемые «четыре друга кабинета ученого» (文房四寶 кит. *вэньфан сыбао*, кор. *мунбан сабо* — бумага 紙 кит. *чжи*, кор. *джи*; тушь 墨 кит. *мо*, кор. *му*; кисть 笔 кит. *би*, кор. *ки* и тушечница 硯 кит. *янь*, кор. *ён*).

²⁰⁹ Буквально выражение 挂畫 *гуахуа* означает «развешивать картины», что метафорически значит «разбираться в искусстве». Все четыре умения входили в состав понятия «четыре искусства человека культуры» (文人四藝 кит. *вэньжэнь сыи*).

Происхождение жанра *чхэккори* связывают с деятельностью вана Чонджо (正祖, 1752–1800, годы правления 1776–1800), который во второй половине XVIII в. предпринял ряд мер, направленных на укрепление королевской власти и завоевание поддержки ученых. По его приказу художники из корейской Академии живописи Тохвасо создали первые образцы жанра *чхэккори*²¹⁰. Тогда же во дворце традиционную картину с изображением пяти горных вершин, солнца и луны²¹¹ заменили на картину в жанре *чхэккори*, что можно расценить как пропаганду книжного знания среди королевского окружения. К тому же произведения придворных художников отличались высоким художественным уровнем, все предметы были изображены с учетом правил перспективы [Чон Бёнмо, 2011, с. 60]. С того времени картины в жанре *чхэккори* стали помещать преимущественно на ширмах из шести или восьми панелей [Ким Ёнхак, 2009, с. 61]²¹².

Что касается картины в жанре *чхэккори*, на которую заменили изображение *Ильволь обондо* («Солнце, Луна и Пять вершин») позади трона вана Чонджо в королевском кабинете дворца Чхандоккун, то ее создание было поручено придворному художнику Чан Ханджону (張漢宗, 1768–1815?). Она представляет собой парадное изображение книжных полок, обильно заставленных стопками книг и свитков в окружении излюбленных предметов просвещенного правителя и ученого человека — вазами, курильницами, чайниками, изысканными картинами, цветами, перьями, веерами, кистями, тушечницами и др. Яркой особенностью картины является ее изящная драпировка желто-голубым занавесом, украшенным орнаментом в виде круглых монет с благопожелательным иероглифом «двойная радость» (囍 кит. *си*, кор. *ки*), широко распространенным символом в традиционной культуре Китая и Кореи²¹³. В нижней части картины обращают на себя внимание книжные полки с заслонками, изящно симметрированными художником под отшлифованный камень.

На самом деле такие картины часто оформлялись в виде 8- и 10-панельных ширм и экранов, чтобы их переносить с места на место и зонировать простран-

²¹⁰ По всей видимости, творческие процессы протекали драматично. По приказу вана Чонджо художники Син Ханпхён и Ли Чонхён были отправлены в тюрьму только за то, что они не уделяли должного внимания жанру *чхэккори* [Чон Бёнмо, 2011, с. 73].

²¹¹ Картина *Ильволь обондо* («Солнце, Луна и Пять вершин») имела космологический смысл, символизировала незыблемость королевской власти и благосклонность Неба по отношению к правителю [Киреева, 2007, с. 430].

²¹² При этом длина панелей варьировались от 150 до 300 см в длину, а ширина — от 40 до 70 см [Чхэккори тхыкпёльджон..., 2012, с. 60].

²¹³ Оригинал ширмы (195 × 361 см) хранится в Музее провинции Кёнги-до (Gyeonggi Province Museum) Республики Корея.

Восьмистворчатая ширма в жанре 冊架圖 *чхэккори* (изображения книжных полок с предметами) художника Чан Ханджона (張漢宗, 1768–1815?). На картине изображены разные виды курильниц, ваз, чайников, свитков и письменных принадлежностей. Бумага, тушь, водяные краски, 195 × 361 см. Музей провинции Кёнги-до, Ёнъин. Реплика из коллекции Е. Э. Войтишек

ство. Среди самых популярных видов таких картин можно отметить те, где книги располагаются упорядоченно стройными стопками с цветными корешками. Далее можно выделить картины, где используется тяжелый занавес, который иногда почти полностью закрывает воображаемые полки, приоткрывая лишь небольшой фрагмент²¹⁴. Такой прием позволяет продемонстрировать зрителю самые любимые предметы владельца ширмы, сделать акцент на определенных деталях. Третья разновидность самых популярных картин, создаваемых придворными художниками, касалась изображений полок с книгами, где акцент был сделан на демонстрации всевозможных редкостных диковинок и сокровищ. При этом форма полки могла иметь весьма замысловатую конфигурацию [Юн Ёльсу, 2016, с. 288].

Популярность картин в жанре *чхэккори* довольно быстро вышла за пределы придворного окружения, распространившись в среде чиновников и конфуцианских ученых-*сонби*, чей образ успешно культивировался в общественном

²¹⁴ Одна из самых известных таких 8-панельных ширм XIX в. называется «Лепардовый экран-чхэккори». Она хранится в Samsung Art Museum в Сеуле [Kim Sunglim, p. 16-17].

и индивидуальном сознании корейцев. Главной целью нетитулованного дворянства эпохи Чосон было успешное прохождение государственных экзаменов *квэго*, требовавших безукоризненного знания конфуцианских трактатов и классической литературы, получение должности государственного чиновника и вклад в развитие нации. Таким образом, путь к успеху, по мысли ортодоксальных конфуцианцев, в буквальном смысле лежал через книги и освоение книжных знаний [Чон Бёнмо, 2011, с. 60].

Большая роль в популяризации жанра *чхэккори* принадлежит представителям интеллектуальной элиты эпохи Чосон — «людям культуры» *мунин*, к которым по традиции относились философы, литераторы, художники и каллиграфы, политические деятели. Для них было характерно истинное стремление к знаниям, освоение многовекового культурного опыта своей страны, постижение и развитие этико-эстетических установок [Ким Ёнхак, 2009, с. 62]. Стены их жилищ зачастую украшали картины с изображением книжных полок, что свидетельствовало об их стремлении достичь еще большего знания и мудрости.

Что касается характера изображения книжных полок и их содержимого на картинах жанра *чхэккори*, то он претерпевал неизбежные изменения.

Если первые дворцовые картины отличались лаконичностью изображения, цветовой насыщенностью, отсутствием иных объектов кроме отдельно стоящих или лежащих книг и книжных стопок на полках, то позднее на картинах стали появляться другие предметы — письменные принадлежности, китайские керамические вазы и чаши, фарфоровые и бронзовые курильницы [Чхэккори тхыкпёльджон..., 2012, с. 52].

Здесь открывается еще один интересный аспект темы, связанной с культурой благоволий в Восточной Азии: появление на картинах жанра *чхэккори* письменных принадлежностей, курильниц и ваз из фарфора и керамики могло свидетельствовать об интенсификации торговых и культурных контактов с XVIII–XIX вв. между Кореей и Китаем. Южнокорейский исследователь Чон Бёнмо предполагает, что эти предметы завозились из знаменитого торгового квартала Люличан (琉璃廠) в центре Пекина, специализировавшегося на антиквариате²¹⁵. Корейские дипломаты и переводчики позднего периода эпохи

²¹⁵ В старом квартале Люличан, известном еще с эпохи Мин (1368–1644), производили глазурованную плитку для дворцовых и храмовых нужд, торговали антикварными изделиями ручной работы. Квартал Люличан издавна служил местом встреч художников, литераторов и каллиграфов. К середине XVIII в. Люличан слыл одним из процветающих культурных центров, куда стекались со всех сторон многочисленные торговцы и любители старины. В настоящее время квартал сохранил

Чосон покупали в Пекине канцелярские товары, предметы старины и распространяли в Корее, тем самым способствуя коллекционированию предметов антиквариата, бронзовых и керамических изделий, живописных и каллиграфических работ китайских мастеров. Эта тенденция позднего периода эпохи Чосон сравнима с ролью китайских коллекций в Европе XVII–XVIII вв., оказавшими серьезное влияние на европейское искусство. В этом смысле почтительное отношение к китайской цивилизации и привязанность к книжному учению составляет образный мир *чхэккори* [Чон Бёнмо, 2011, с. 78].

С другой стороны, по мере развития жанра *чхэккори*, на фоне нарастающих контактов с западной культурой, в XVIII–XIX вв. в стилистике картин появляются черты, присущие европейскому искусству, — например, линейная перспектива, симметричность композиции, передача светотени.

В связи с этим корейская исследовательница Ким Сунним в жанре *чхэккори* усматривает мультикультурное сочетание разнообразных элементов материальной культуры из Китая, Кореи и Европы. Однако прежде всего она обращает внимание на такой оригинальный жанр китайского искусства, как 多寶閣 *добаогэ*, что означает «кабинет со множеством сокровищ»²¹⁶, который, будучи переосмыслен и переработан на корейской почве, послужил началом формирования жанра дворцовых картин *чхэккадо*. Многоуровневые стеллажи со множеством антикварных изделий служили роскошным украшением дворцовых интерьеров у китайской знати в XVIII в. Многие дворцовые помещения Запретного города в Пекине были оборудованы такими стеллажами, которые, в частности, служили фоном для парадных императорских портретов [Kim Sunglim, 2014, p. 1–5].

свою привлекательность в глазах ценителей китайского искусства, на «улице культуры» (文化街 *Вэньхуа цзе*) по-прежнему много туристов. В коллекции авторов настоящей работы есть несколько предметов, приобретенных именно там.

²¹⁶ Полки для демонстрации антиквариата известны в Китае еще как «полки для ста сокровищ» (百寶格 *байбаогэ*) и «полки для старинных диковинок» (博古格 *богугэ*). Это разновидность мебели, которая появилась при династии Цин и пользуется большой популярностью до сих пор. Уникальность таких полок состоит в том, что образованные перегородками пространства оказываются неровными по горизонтали и вертикали, а также неравномерными по высоте и ширине. В ячейках, образованных перегородками, можно размещать предметы разного размера и стиля. Возникающий таким образом визуальный эффект нарушает привычный стиль горизонтальных и вертикальных плоскостей, создавая тем самым новую художественную концепцию. См. Китайская электронная энциклопедия Байду байкэ. URL: <https://baike.baidu.com/item/多宝阁> (дата обращения 06.01.2024).

Китайские «полки с сокровищами» как украшение интерьера.
Коллекция Национального музея Кореи, Сеул, ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

Как справедливо указывает Ким Сунним, в силу различных причин (как и экономических ограничений, так и по соображениям скромности и простоты, которые близки конфуцианскому мировоззрению), на корейской почве настоящие многоуровневые стеллажи с антиквариатом не прижились²¹⁷. Вместо

²¹⁷ Любопытные метаморфозы с этим китайским видом декоративно-прикладного искусства произошли на японской почве. Осмысление функций этих конструкций вместе с развитием культуры благовоний как части национальной традиции привели в Японии к формированию целого ряда явлений. В японской живописи XVI–XVII вв. возник особый жанр 誰袖 *tagasodэ* (букв. «чья рукава?»), представляющий собой изображение полок и рам с развешанной на них богатой одеждой. Как правило, изображается женская одежда, но встречается и мужская, в особенности костюмы (вместе с атрибутами) актеров театра Но. Помимо рам с одеждой изображались коробки, шкатулки, бумага для писем, курильницы, музыкальные инструменты, украшения,

них стали популярны их изображения в живописном исполнении: корейцы ограничились «переводом» трехмерной формы изделий в двухмерный живописный формат [Kim Sunglim, 2014, p. 6]²¹⁸.

раздвижные подставки для вещей, игральные доски 盤双六 *бан-сугороку*, фрагменты пейзажа и др. Этот вид жанровой живописи был особенно популярен в период Момояма (1568–1603) и в начале периода Эдо (1603–1868), отражая основные тенденции в тогдашней моде и служа демонстрацией богатства и высокого социального статуса. Изображения рам с одеждой в основном можно видеть на ширмах (誰袖図屏風 *яп. тагасодэ-дзу бё:бу*), лаковых шкатулках для благовоний (香合 *яп. ко:го:*), изящных письменных принадлежностях типа тушечниц (硯箱 *яп. судзури-бако*), предметах дамского туалета. Кроме того, термином *тагасодэ* часто обозначают ароматические мешочки (匂い袋 *яп. ниой-букуро*) с разными душистыми снадобьями (гвоздикой, мускусом, борнейской камфорой, сандалом), а также женские сумочки в виде рукавов, куда закладывали благовония. См., например, богатые коллекции ширм с изображением полок с одеждой в Художественном музее Нэдзу (根津美術館 *Нэдзу бидзюцукан*) и Художественном музее Сантори (サントリー美術館 *Сантори бидзюцукан*) в Токио. URL: <https://www.museum.or.jp/museum/2542>; <https://www.suntory.co.jp/sma/>. Точно так же, как сейчас в Южной Корее популярны современные варианты книжных полок *чхэккори*, японские художники экспериментируют с формой жанра *тагасодэ*, добавляя приметы настоящего времени — свадебные платья западного покроя, навесные зеркала, электрические обогреватели и др. См., например, материалы с сайта японской газеты «Асахи симбун». URL: <https://www.asahi.com/relife/article/13610909> (дата обращения 07.01.2024). Вместе с тем этот живописный жанр был тесно связан с куртуазной и поэтической культурой средневековой Японии, поскольку выражение «чий рукава?» взято из пятистишия-*танка* № 33 неизвестного автора из раздела «Весенние песни» (春上 *Харуками*) знаменитой стихотворной антологии «Собрание старых и новых песен Японии» (古今和歌集 *Кокин вакасю:*), составленной в эпоху Хэйан (794–1192). Лирический герой гадает о красавице, чей рукав коснулся благоухающих цветов сливы (色よりも香こそあはれと思ほゆれ誰が袖ふれし宿の梅ぞも) [Кокинвакасю, 1995, с. 59]. Приведем это стихотворение в переводе Т.Л. Соколовой-Делюсиной (оно цитируется в «Повести о Гэндзи»): «Краски цветов нежны, но больше чарует их аромат. Чей же рукав коснулся сливы в моем саду?» [Мурасаки Сикибу, 2010, с. 218]. Как видим, книжная культура и литературные ассоциации были прочной основой для развития многих жанров в художественной традиции Китая, Кореи и Японии.

²¹⁸ На самом деле в китайском искусстве тоже был такой пример. Живописное изображение такого многоуровневого стеллажа в католическом Соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (South Cathedral) в Пекине приписывается известному итальянскому иезуиту-миссионеру Джузеппе Кастильоне, работавшему художником при дворе трех китайских императоров Канси, Юнчжэна и Цяньлуна под китайским именем Лан Шинин (郎世寧, 1688–1766). См. [Kim Sunglim, 2014, p. 5–6].

Что касается особенностей изображенных на картинах керамических ваз, курильниц, чаш и других изделий, то корейские искусствоведы склонны считать, что они в целом точно копируют китайские артефакты — специалисты определяют фарфор, изготовленный во время правления императора Канси (годы правления 1661–1722) и Цяньлуна (годы правления 1735–1796). Но есть и несоответствия по времени создания изделия и его изображения на картине²¹⁹.

Попутно заметим, что тенденция использования китайских предметов старины была характерна не только для картин *чхэккори*, но и для портретного жанра [Чхэккори тхыкпёльджон..., 2012, с. 136]. Подтверждение находим в «Портрете Ли Хаына» художника Ли Ханчхоля²²⁰. На картине отчетливо видны печать, кисть, украшенная узорами тушечница, четки, керамическая курильница, книги и другие предметы китайского антиквариата, использовавшиеся в обиходе аристократов и чиновников.

В жанре *чхэккори* особенно прославился художник Ли Хённок (1808–1883), внук Ли Чонхёна, продолживший семейную традицию придворного художника²²¹ [Чон Бёнмо, 2011, с. 84]. Большинство работ Ли Хённока написано в стиле классических дворцовых картин, для которых характерны такие особенности, как насыщенность цветов, лаконичность структуры, изящная композиция и наличие большого количества книг. Однако одна из его шестистворчатых ширм имеет яркие особенности: там отсутствуют книжные полки — книги и многочисленные письменные принадлежности («четыре друга из кабинета ученого»), цветы пиона и раскрытые книги как бы парят в пространстве. По-

²¹⁹ Интерпретация одинаковых объектов и выявление похожей композиции на картинах *чхэккори* наталкивает на мысль, что художники копировали друг друга или использовали один образец для подражания. Так, некоторые бронзовые и фарфоровые изделия по художественным особенностям относятся к традиции династии Мин, но большинство из них сделаны во времена правления императора Цяньлун династии Цин. Китайский фарфор на картинах Ли Хённока датирован XVII–XVIII вв., но его изображения находят в работах XIX в. Из этого можно сделать вывод, что объекты изображения не всегда могут быть критерием для датировки картины [Чхэккори тхыкпёльджон..., 2012, с. 135].

²²⁰ Ли Хаын, также известный по своему титулу как Тэвонгун (Великий принц) (1820–1898), — корейский принц-регент, в 1863–1873 гг. правил за своего малолетнего сына, который был возведен на престол под именем Коджон. В настоящее время «Портрет Ли Хаына» работы Ли Ханчхоля находится в Сеульском историческом музее.

²²¹ В 1864 г., в возрасте 57 лет, художник изменил имя на Ли Ыннок, а в 64 года изменил имя на Ли Тхэккын. Современные южнокорейские искусствоведы по этим нюансам устанавливают дату написания работ с точностью в пять-семь лет [Чон Бёнмо, 2011, с. 84].

Произведения китайского и японского декоративно-прикладного искусства на тему демонстрации предметов роскоши.

Китайские полки для демонстрации старинных диковинок (多寶閣 кит. *добаогэ*, 百寶格 *байбаогэ*, 博古格 *богугэ*) с предметами из квартала искусств Люличан, Пекин.

Фото из коллекции Е. Э. Войтишек

Японская ширма XVIII в. в жанре 誰袖 *тагасодэ* (букв. «чья рукава?») с изображением полок с курильницами и рам с развешанной на них богатой одеждой. Художественная галерея Фрир, Смитсоновский институт, Вашингтон, США. Дается по: Сайт Cultural Japan, представляющий в цифровом формате произведения японской культуры, собранные из музеев всего мира.

URL: <https://cultural.jp/item/metmuseum-45214>, дата обращения 04.03.2024

скольку изображения пионов и раскрытых книг более характерны для народных *чхэккори*, некоторые ученые полагают, что именно с работ Ли Хённока начали появляться народные картины в жанре *чхэккори* (см. [Чхэккори тхы-кпёльджон..., 2012, с. 140–145]).

С течением времени такие картины распространились среди широких масс населения, появилась разновидность жанра — народные *чхэккори*, имевшие ряд существенных отличий от дворцовых картин. Во-первых, размер картин изменился в соответствии с размерами домов обывателей: стали использоваться ширмы и картины меньшего размера [Там же]. Кроме того, в народной среде картины в жанре *чхэккори* с изображением книжных полок были менее популярны, чем без них. В соответствии со вкусами публики менялось и содержание картин: кроме книг, ваз, чаш, чайников, курильниц и письменных принадлежностей изображались цветы, фрукты, овощи и животные, символизовавшие счастье и благополучие. При этом китайская керамика и бронза

часто заменялась корейской керамикой и мебелью: таким образом, функция народных *чхэккори* трансформируется из поучительной и образовательной в благожелательную. Народные художники не были так ограничены в стиле и символике, как дворцовые, поэтому мир художественных объектов в народных картинах этого жанра существенно расширился [Чон Бёнмо, 2011, с. 85]. Пожалуй, что осталось неизменным, так это обязательное присутствие на картинах изображения книг, свитков, ваз и курильниц.

Во второй половине XIX в. в круг объектов изображений *чхэккори* помимо книг и письменных принадлежностей стали входить карликовые деревья, бамбук и сосна, олень, ястреб, кошелек (как символ благосостояния), мечи, луки, кувшины 投壺 *тхухо* со стрелами²²² и другие предметы, связанные с досуговой жизнью ученых. Как символ западной культуры, проникавшей на территорию Кореи, на картинах появились очки, зеркала и часы, курительные трубки, стаканы и бутылки из-под спиртных напитков.

При этом характерными особенностями народных *чхэккори* оставались такие черты, как четкое оформление пространства, геометричность линий, яркий цветовой контраст с эффектом лоскутного одеяла [Чхэккори тхыкпёльчон..., 2012, с. 152]. Кроме того, народные *чхэккори* зачастую выполнены непрофессиональными художниками в технике плоскостного изображения [Чон Бёнмо, 2011, с. 93].

Последние сохранившиеся народные картины *минхва* в жанре *чхэккори* датируются концом XIX в. В дальнейшем они выполняли чисто декоративную функцию во время праздничных и увеселительных мероприятий.

В отличие от обычных народных картин, на рисунках *чхэккори* использовались западные приемы и техники живописи — элементы кубизма, обратная перспектива, когда изображение реального предмета намеренно искажалось (полка или стопка книг становились шире в задней части). Кроме того, опять же, в отличие от других жанров *минхва*, картины в жанре *чхэккори* обычно создавались художниками на заказ [Юн Ёльсу, 2016, с. 289].

В настоящее время жанр *минхва* не исчез из культурной жизни южнокорейского общества. В столичных и провинциальных музеях регулярно проводятся выставки картин *минхва*, в художественных школах изучаются основные техники и приемы народной живописи.

²²² Традиционная корейская игра, где игроки соревнуются в метании стрел в кувшин. Истоки этой игры можно найти в культуре древнего Китая, а развитие — в средневековой культуре Японии, где кувшин и стрелы были заменены на другие атрибуты — подставку, цель-бабочку и веера (см. подробнее [Войтишек, 2011, с. 169–177]).

Современные художники берут за основу традиционные образцы картин, созданных в жанре *чхэккадо* / *чхэккори* (как дворцовых, так и народных), существенно расширяют символический ряд и создают новые художественные формы, используя элементы современной культуры. При этом в системе моральных ценностей и мировоззрении современных жителей Корейского полуострова конфуцианские принципы заложены очень глубоко и прочно. Многие художники, дизайнеры, музейные кураторы успешно используют образ книжных полок с вазами, курительницами, письменными принадлежностями, свитками и прочей утварью для создания положительного образа культурного человека, литератора *мунин*, ученого, честного чиновника, пекущегося об общественном благе. Неслучайно до настоящего времени существует старинный обычай запечатлевать у полки с книгами детей (особенно мальчиков во время празднования первого дня рождения), которым родители прочат счастливую жизнь и успешную карьеру ученого человека²²³.

Крупнейшие музеи Республики Корея оформляют тематические экспозиции и помещения, вплоть до создания специальных детских музеев (*Children museum*), где одним из центральных экспонатов являются ширмы *чхэккори*. При этом широко используются и интерактивные технологии, при помощи которых дети сами расставляют на книжных полках свитки, вазы, тушечницы, веера, курительницы и прочие предметы, с детства приобщаясь к основам национальной культуры²²⁴.

Этой же цели служат многочисленные маркетинговые решения по производству сувенирной продукции и предметов повседневного обихода (панно, визитницы, кружки, закладки, марки, наклейки, парфюм, зонтики, платки, салфетки и др.). — в их оформлении остроумно используются сюжеты книжных полок, заставленных разнообразной утварью. При этом список предметов, изображаемых на полках, постоянно пополняется за счет новых явлений и событий, происходящих в глобализованном мире. Так южным корейцам удается

²²³ Авторам данной работы не раз приходилось видеть такие сцены в крупнейших музеях Сеула (в Национальном музее Кореи, в Этнографическом музее и др.), когда отцы семейств выстраивали своих детей перед витриной с ширмой *чхэккори* и делали памятные фотоснимки. Этнографы фиксируют этот обычай как минимум с начала XX в.

²²⁴ В этом смысле усилия общества по пропаганде своего культурного наследия не проходят даром — во время онлайн-общения в период недавней мировой пандемии коронавируса многие корейские коллеги в качестве заставки на своем экране компьютера использовали изображения картин в жанре *чхэккори*.

сочетать в рамках традиционного жанра незыблемые ценности и новые культурные паттерны, понятные молодому поколению.

Пропаганда книжного знания и конфуцианских принципов корейской традиционной культуры через образы живописного жанра *чхэккори* служат также усилия дизайнеров в публичных пространствах — библиотеках, музеях, галереях, выставочных центрах, даже в аэропортах. Так, в терминалах международного аэропорта Инчхон близ Сеула, служащего воротами для приезжающих в страну гостей со всего мира, можно увидеть огромные экраны с характерными книжными полками в жанре *чхэккори* традиционного образца, уставленными разнообразной утварью.

Все эти примеры говорят о том, что современные корейцы стремятся выглядеть в глазах всего мира нацией, демонстрирующей свою приверженность незыблемым культурным традициям.

3.3. Реликвии с затонувшего корабля Синансон и морские торговые связи в Восточной Азии в Средние века

Жажда обладания предметами роскоши, к которым, несомненно, относились благовония, курительницы, ароматическое и лекарственное сырье, побуждала правителей, аристократов, крупных военачальников и представителей высшего буддийского духовенства искать возможные пути их приобретения. В Средние века в Восточной Азии относительно доступным (хотя зачастую и нелегальным) путем транспортировки такого деликатного и ценного груза была морская торговля, в связи с чем особое внимание следует уделить рассмотрению находок, обнаруженных на средневековых судах, затонувших у берегов Корейского полуострова.

Недавние крупные открытия историков, археологов и искусствоведов стран Восточной Азии в области исследований средневековых морских торговых контактов в регионе выглядят чрезвычайно интригующими. На рубеже XX–XXI вв. было обнаружено около двух десятков китайских и корейских торговых судов, затонувших в результате кораблекрушений в XI–XIV вв. у восточных и юго-восточных берегов Китая и вблизи южной оконечности Корейского полуострова²²⁵, что свидетельствует о крайне интенсивных торго-

²²⁵ Среди самых известных поисково-изыскательских работ, связанных с тремя кораблекрушениями (Сибидонпадо, Вандо и Далидо) на юге Корейского полуострова, можно отметить серию экспедиций 1983–2018 гг., проведенных в Желтом море

экономических контактах в акватории Южно-Китайского, Желтого и Восточно-Китайского морей в Средние века. Крупные открытия ученых стран Восточной Азии в области исследований средневековых морских торговых связей в регионе стали возможными при непосредственном участии международных групп морских спасателей и специалистов в области подводной археологии.

К числу наиболее значительных — как по своим размерам, так и по степени важности и количеству находок — можно отнести крупнейшее китайское торговое судно, потерпевшее крушение около 800 лет назад, которое в современной зарубежной историографии известно как «Синансон». Корабль, затонувший в 1323 г. на юго-западе от Корейского полуострова, вместе со множеством находок был обнаружен в 1975 г. у побережья уезда Синан-гун на территории Республики Корея, в связи с чем в южнокорейской историографии используется название «судно Синансон» (新安船, кит. Синьаньчуань)²²⁶.

На судне обнаружены десятки тысяч изделий хозяйственного назначения, а также ценные артефакты, монеты, древесина ароматических деревьев, лаковые изделия, игровой инструментарий, личные вещи членов экипажа, останки растений и животных. Художественные изделия из керамики, фарфора, стекла,

на островах Вандо, Сибидонпадо близ г. Кунсан (провинция Чолла-Пукто); на островах Мадо вблизи уезда Тхэан (провинция Чхунчхон-до); на островах Чиндо и Наквольдо вблизи уезда Ёнгван (провинция Чолла-Намдо). По оценкам корейских специалистов, несколько затонувших кораблей были построены в конце династии Корё (935–1392), а два судна относились ко времени Объединенного Силла (668–935). Кроме собственно корейских судов специалисты идентифицировали китайские корабли эпохи Юань (1271–1368). Все эти суда перевозили в большом количестве хозяйственную утварь, а также керамические и селадонные изделия (вазы, чаши, курильницы, кувшины, изголовья, разнообразные шкатулки, коробочки, подставки и пр.). Так, было подсчитано, что с 1983 г. за время поисковых работ по следам кораблекрушений в Сибидонпадо было найдено 8743 селадонных предмета, на островах Вандо — 30645 предметов, на островах Мадо — 825 предметов, что вместе составило около 40 тысяч изделий из селадона. Материалы Е. Э. Войтишек со специальной выставки «Sea, Ship, Belief» в Выставочном павильоне морских реликвий, находящемся в Национальном научно-исследовательском институте морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгусо*) в Мокпхо (ноябрь 2022 г., РК).

²²⁶ Другое судно эпохи Южная Сун (XII–XIII вв.) с ценнейшими реликвиями, сопоставимыми по значимости с находками с корабля Синансон, было обнаружено в 1987 г. вблизи о. Хайлин у г. Янцзян (пров. Гуандун, КНР). Оно впоследствии получило название «Наньхай-1» (南海一号), что дословно означает «Южное море — 1» (подразумевается Южно-Китайское море) (подробнее см. [Войтишек, 2023в; Рассолова, 2021]).

золота и бронзы, извлеченные из трюмов и различных отсеков затонувших кораблей, свидетельствуют о необычайно высоком уровне технологии их изготовления, а также о степени их престижа в регионе.

Анализ извлеченных находок, характер их расположения позволяет сделать определенные выводы относительно маршрутов следования судов, предполагаемых заказчиков, функциональном назначении предметов, но часть вопросов остается по-прежнему без ответа.

Обращение к истории судна Синансон, обнаруженного на территории Республики Корея, в исследовании которого принимали участие корейские и зарубежные специалисты, невозможно без привлечения материалов, касающихся развития морских торговых связей в регионе.

В IX–XIV вв. доминирующую позицию на азиатских морских путях занимали китайские купцы, которые активно торговали как с государствами Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, так и с соседними странами — Японией и Кореей. Отсутствие дипломатических отношений между странами азиатского региона не являлось препятствием к активным торгово-экономическим и культурным контактам, чему во многом способствовало влияние Китая на морских просторах, начавшееся по крайней мере с конца эпох Тан (VIII–IX вв.) — начала Сун (X–XIII вв.) и укрепившееся в период монгольского правления Юань (XIV в.).

В этот период основной товарооборот составляли изделия из керамики и фарфора, древесина и монеты. Керамические сосуды имели ритуальное значение и ценились как предметы роскоши среди аристократов; древесина использовалась при строительстве храмов, изготовлении мебели и в культовых церемониях; медные монеты имели хождение на рынке и часто переплавлялись для изготовления храмовой утвари и буддийских статуй.

Большую роль в установлении международных торговых отношений стран Восточной Азии сыграли крупные портовые центры — китайские города Янчжоу и Цинъюань (Нинбо), японская гавань Хаката и корейский порт Ресон. Корёский порт Ресон был важным торговым центром Восточной Азии до начала XII в., а морской путь Цинъюань–Хаката стал доминирующим в китайско-японской торговле в XIV в. Более того, в период Юань Цинъюань стал главным торговым пунктом не только внутри Китая, но и в международной торговле, включая вассальное государство Корё, в связи с чем японо-корейские торговые связи осуществлялись косвенно через китайский порт [Войтишек, Кумпол, 2020, с. 75].

Со времени, когда в 1975 г. в рыбацьи сети между двумя островами Имджадо и Чындо округа Синан-гун провинции Чолла-Намдо в Республике Корея

случайно попали нескольких керамических сосудов, покрытых илом и ракушками, в научных кругах не утихают дискуссии вокруг значимости уникальных находок с затонувшего несколько веков назад корабля, курсировавшего в XIV в. в морских пространствах между восточным побережьем Китая, Корейским полуостровом и Японским архипелагом.

С 1976 до 1984 гг. было проведено десять масштабных подводных экспедиций с участием опытных ныряльщиков из ВМС Республики Корея и морских археологов из американского Национального Географического общества, а также группы ученых во главе с Д. Китом из Института морской археологии Техасского университета A&M [Keith, 1980]. В соответствии со сложными условиями, обусловленными сильным приливным течением и плохой видимостью (подводные работы могли проводиться менее часа в день), использовался метод координатной решетки, при котором на участок изысканий натягивалась сетка из стальных тросов, разделенная на двухметровые квадраты. К решетке прикреплялись буйки, позволяющие водолазам ориентироваться на морском дне и находить нужное место [Куннип хэяньюмуль чонсигван, 2006b, с. 198]. Во время первого этапа поисковых работ ныряльщикам на глубине 20 м удалось обнаружить обломки корпуса затонувшего корабля и груза. Половина корпуса судна (верхняя часть, включая палубу) оказалась разрушенной из-за коррозии, а грузовой отсек остался практически нетронутым. В результате ныряльщики выявили точное расположение объектов, подняв на поверхность около 1800 керамических изделий и более 6000 монет [Ким Пёнгын, 2016, с. 3]. Некоторые предметы, извлеченные из грузового отсека, были упакованы в деревянные ящики (в среднем размером 70 см в длину, 40 см в ширину и 50 см в высоту). На ящиках имелись следы износа — видимо, их использовали и до погружения на корабль. Большая часть корабля была разобрана на составные части²²⁷, при этом киль был также разрезан на три части и поднят на поверхность. Работы завершились во время десятой экспедиции 15 июля 1984 г. [Куннип хэяньюмуль чонсигван, 2006b, с. 117, 198–199].

Судя по отчетам исследователей, крупномасштабный проект, включающий подводные изыскания, замер и подъем судна, удаление грязи и песка, скопившихся внутри корпуса, и анализ обнаруженных артефактов, был реализован в несколько этапов: 1975–1978; 1979–1981; 1981–1984 гг.

²²⁷ При этом некоторые части остались неразобранными, будучи плотно скреплены железными гвоздями длиной 7–8 см [Куннип хэяньюмуль чонсигван, 2006b, с. 392–393].

В результате изысканий было установлено, что большая часть судна оказалась разрушенной. Сохранилась только правая часть основания корпуса (ее размеры составляли 28,4 м в длину, 6,6 м в ширину и 2,1 м в высоту; при этом длина киля составляла 25 м, ширина — 67 см, толщина — 50 см). Согласно отчету Национального исследовательского института морского культурного наследия Кореи в Мокпхо, сотрудники которого занимались исследованием, реконструкцией и изучением извлеченных обломков, корабль Синансон представлял собой торговое трехмачтовое судно вместимостью в сто человек и водоизмещением около 200 т, имевшее V-образное поперечное сечение. Исходные размеры корпуса составляли примерно 34 м в длину, 11 м в ширину и 3,7 м в высоту [Underwater Archaeology of Korea, 2016]. Примечательно, что в центре корабля находился резервуар для пресной воды. Внутреннее пространство корабля было разделено на восемь зон семью перегородками [Ким Ёнми, 2005, с. 14–15]. Наличие таких водонепроницаемых отсеков, спроектированных, чтобы не дать кораблю утонуть от частичного разрушения, демонстрируют передовые технологии судостроения того времени²²⁸.

Относительно версий, касающихся назначения и происхождения судна, на настоящий момент существует несколько гипотез. Основная версия сводится к тому, что это было торговое судно, построенное и снаряженное в Китае. В пользу этого мнения говорит наличие большого количества керамических изделий, помеченных знаками знаменитых печей Лунцюань (龍泉窯) и Цзиндэжэнь (景德鎮窯), а также мастерских провинций Цзянси, Хэбэй, Фуцзянь периодов Сун и Юань. Разные виды керамики были перевязаны и упакованы по 10–20 штук в ящиках. Значительное количество монет и древесины, найденных на днище корабля, также указывали, что корабль был торговым [Куннип хэяньюмуль чонсигван, 2006а, с. 199].

Южнокорейские исследователи, поддерживая версию китайского происхождения судна, обращают особое внимание на детали строения деревянного киля: он обычно состоял из трех частей, в местах соединения которых были небольшие углубления для различных ритуальных предметов.

На судне Синансон археологи как раз обнаружили такие углубления и нашли в них одно медное зеркало и семь медных монет, запечатанных деревянными заклепками. Эта находка подтвердила тот факт, что судно было построено на территории современной провинции Фуцзянь — такая особенность

²²⁸ Такой вид конструкции был характерен для судов фучуаньского типа из провинции Фуцзянь на юге Китая. Примечательно, что эта технология была занесена в 2010 г. в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

конструкции относится к судам фучуаньского типа (福船 кит. *фучуань*, букв. «корабль из [местности] Фуцзянь») ²²⁹. Там издавна существовала традиция жертвоприношений морским божествам перед спусканием судна на воду. В местах соединения разных частей киля вырезались семь небольших углублений и одно покрупнее; во все восемь ямок закладывались медные монеты и зеркала, зерна «пяти злаков» ²³⁰ или лоскутки красной ткани с записанными счастливыми по календарю днями, когда судно спускали на воду. По традиции эти восемь углублений символизировали семь звезд и луну — букв. «семь звезд сопровождают яркую луну» (七星伴明月 кит. *ци син бань мин юэ*) и назывались «отверстиями, обеспечивающими долгую жизнь» (保壽孔 кит. *баошоу кун*) ²³¹. Как уточняют корейские специалисты, эти отверстия символизировали семь звезд, составляющих созвездие Большой Медведицы, которое издавна играло важную роль в навигации. Помещая различные предметы в эти углубления, люди совершали ритуальные действия, молились, прося богов об удачном и безопасном путешествии [National Research Institute, 2016, p. 65].

Представления о необходимости определенных ритуальных манипуляций перед опасным морским путешествием часто диктовали выбор благовоний и курильниц в качестве ценного подношения богам и духам, «обеспечивающих» благополучный исход рискованного предприятия. В частности, о подоб-

²²⁹ Кроме остродонных судов фучуаньского типа (福船), распространенных с эпохи Тан в Китае, специалисты отмечают еще плоскодонный тип Шачуань (沙船), тип Няочуань (鸟船) с носом в виде птичьего клюва, распространенный вдоль восточного побережья провинции Чжэцзян (такие суда были во флоте у знаменитого мореплавателя Чжэн Хэ), и тип Гуанчуань (广船), распространенный в южной провинции Гуандун. К особенностям кораблей «фучуаньского типа» можно отнести V-образный острый киль, который делает осадку корпуса более глубокой, пригодной для океанского плавания, соответственно уменьшается сопротивление корабля в воде и увеличивается скорость хода. См. сайт Музея Морского шелкового пути провинции Гуандун. Гуандун хайшан сычоу чжи лу боугуань [广东海上丝绸之路博物馆 // 百度百科]. Музей Морского шелкового пути провинции Гуандун. URL: <https://baike.baidu.com/item/广东海上丝绸之路博物馆/6021987?fromtitle=南海一号博物馆&fromid=6010270> (дата обращения 19.01.2024).

²³⁰ Понятие «пять злаков» (五谷 *узу*) в разные эпохи объединяло различные зерновые культуры, но в Средние века к ним относили обычно рис, просо, ячмень, пшеницу и бобы.

²³¹ См. Электронная китайская энциклопедия Baidu baike. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1739278387342393267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 06.04.2023).

ных практиках свидетельствуют многие живописные изображения в китайском и корейском средневековом искусстве²³².

²³² Яркий пример — живописное полотно (размерами 121,4 × 53,3 см) неизвестного корейского художника поздней эпохи Чосон под названием «Сюй Фу в поисках бессмертия» (徐福求仙圖 кит. Сюй Фу цю сянь ту, кор. Собук кусон до). На картине изображено небольшое парусное судно с фигурой знатного человека (вероятно, ученого Сюй Фу) в окружении нескольких слуг, двое из которых стоят рядом с большой курительницей, горделиво красующейся на носу корабля. В пучине вздымающихся волн изображены фигуры двух морских демонов, как бы препятствующих движению судна. См. [Хянтогу тхыкпёльджон, 2022, с. 34–35]. Вероятнее всего, в этой картине нашел отражение известный сюжет, изложенный в «Исторических записках» (史記 *Ши цзи*, раздел «Основные записи о Цинь Шихуане», 秦始皇本紀 *Цинь Шихуан бэньцзи*) китайского историографа Сыма Цяня (司馬遷, 145/135 — 86 гг. до н. э.). Согласно легенде, император Цинь Шихуанди (秦始皇帝, 259–210 гг. до н. э.), желая жить вечно, в 219 г. до н. э. поручил ученому-алхимику Сюй Фу 徐福 (другое имя — Сюй Ши 徐市) снарядить корабли с тремя тысячами молодых людей и найти эликсир бессмертия. Несколько раз снаряжая флот в Восточно-Китайское море с целью найти мифические горные острова Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу, населенные бессмертными, Сюй Фу много времени, сил и средств потратил на поиски волшебного эликсира, но так и не нашел его. Боясь сурового наказания могущественного императора, Сюй Фу объяснял невозможность добыть эликсир бессмертия кознями злобных морских демонов. По легенде, корабли Сюй Фу курсировали по Бохайскому морю, вдоль Ляодунского и Корейского полуострова, достигли Японского архипелага, где их следы затерялись. Выражение «Сюй Фу в поисках бессмертия» (徐福求仙 кит. Сюй Фу цю сянь) превратилось со временем в устойчивый фразеологический оборот, метафорически описывающий тщетные усилия в стремлении обладать чем-либо невозможным и недостижимым. См. Электронная китайская энциклопедия Baidu baike. URL: <https://baike.baidu.com/item/徐市求仙/5536349?fr=aladdin> (дата обращения 08.03.2024). Кстати, на Японских островах Сюй Фу оставил свой большой след — там он почитается как покровитель земледелия, строительства, шелководства и медицины, познакомивший обитателей архипелага с достижениями китайской культуры. На северном склоне священной горы Фудзи-сан стоит мемориальная стела Сюй Фу (徐福碑), а следы пребывания на Японских островах этого неординарного человека можно обнаружить в различных регионах современной Японии — в префектурах Вакаяма, Сага, Хиросима, Айти, Акита и др. Во многих японских средневековых сочинениях, включая такие известные историко-философские трактаты и литературные сочинения, как «Истинные записи преемственности божественных монархов» (神皇正統記 *Дзинно: сё:то:ки*, 1339), «Сборник сочинений Хаяси Радзан» (林羅山文集 *Хаяси Радзан бунсю*., XVII в.), «Необычайные истории о Японии» (異称日本伝 *Иссё: нихон дэн*, 1688), «Энциклопедия по развитию национальной письменности» (同文通考 *До:бун цу:ко*., 1760), можно найти упоминания о Сюй Фу. Так,

Картина неизвестного корейского художника поздней эпохи Чосон «Сюй Фу в поисках бессмертия» (徐福求仙圖 кит. Сюй Фу цю сянь ту, кор. Собук кусон до) по сюжету китайской легенды. На носу судна установлена курильница с благовониями, символизирующая мольбы людей о благополучном путешествии и усмирении морских демонов. Аноним, размеры 121,4 × 53,3 см. Дается по: [Хянтогу тхыкпёльджон, 2022, с. 34–35]

Дополнительным аргументом в пользу «китайской версии» происхождения судна служит анализ древесных пород, из которых был построен корабль, — они встречаются преимущественно на юге Китая. Кроме того, реконструкция иероглифических надписей на деревянных табличках, служивших бирками для товаров, позволяет установить время снаряжения и отправления судна, а именно — 1323 г.: надпись 至治三年 *чжичжи саньянь* (3-й год периода Чжичжи) указывает на девиз правления 5-го императора династии Юань Шидэбала (1320–1323) [Underwater Archaeology of Korea, 2016, с. 65]. Что касается пункта отправления судна, то с высокой долей вероятности это был порт Цинъюань (совр. Нинбо). На это, к примеру, указывает обнаруженная типичная для эпохи Юань бронзовая гиря для весов (青銅錘 *цинтун чуй*) с выдавленной надписью 慶元路 *цинъюаньлу* (букв. «Округ Цинъюань») [Ким Ёнми, 2005, с. 82–83].

Что касается альтернативных версий, касающихся места отправки судна и его приписки, то есть мнение, что оно могло быть торговым судном, отправленным из Японии. Однако убедительных аргументов в пользу этого предположения пока нет, как и не существует веских доказательств принадлежности корабля японским купцам или заказчикам²³³. Если бы корабль был японским, то на товарах и торговых бирках был бы указан девиз правления 元亨 *Гэнкё* (1321–1324) императора Го-Дайго (後醍醐天皇, годы правления 1318–1339).

С другой стороны, обнаружение в трюме 360 японских товарных бирок (木簡 *моккан*) с надписями, отсылающими к святилищу Хакодзакигу: (宮崎宮)²³⁴ в Хаката (ныне Фукуока на о. Кюсю) и буддийскому храмовому комплексу То:фукудзи (東福寺) в Киото, может свидетельствовать о том, что заказчиками товаров, погруженных на корабль, были японские храмовые комплексы [Ким Ёнми, 2005, с. 84–85]. Ряд ученых полагает, что затонувшее судно было заказано монастырем То:фукудзи в Киото для получения монет и товаров из Китая, чтобы профинансировать восстановление монастыря после разрушительного

в произведении «Необычайные истории о Японии» сказано, что могила Сюй Фу находится в местности Кисю (紀州), в настоящее время это место на границе префектур Вакаяма и Миэ. См. Ван Сяотянь. «Путешествие на восток Сюй Фу» как мост между культурами Китая и Японии [王笑天. 日中兩國の懸け橋となった「徐福東渡」] / Научный портал Science Portal China. URL: https://spc.jst.go.jp/experiences/change/change_1211.html (дата обращения 09.03.2024).

²³³ Некоторые ученые считают, что судно могло быть арендовано японцами и направлялось в Японию с товарами, заказанными японской стороной [Ёккайти Ясухи-ро, 2016, с. 156].

²³⁴ Святилище имеет еще другое название — Хакодзаки-хатимангу: (宮崎八幡宮).

пожара в 1319 г. [Glahn, 2014, p. 279; Ким Ёнми, 2005, с. 85]. Но возможно, что фактическое оснащение судна в Цинъюань было предпринято китайскими торговцами или монахами, имеющими отношение к храму Дзэ:тэндзи (承天寺) в Хаката, который к тому времени стал одним из главных храмов ветви, связанных с То:фукудзи. Здесь налицо та важная роль, которую сыграла торговая сеть Цинъюань–Хаката в организации торгового обмена между Китаем и Японией [Войтишек, Речкалова и др., 2020, с. 542].

Кроме японских бирок *моккан* с надписями храмов среди находок немало повседневной утвари, игрового инвентаря тех видов развлечений, которые были популярны в эпоху Камакура в Японии (шахматы 将棋 *сэ:ги*, камни для игры в «облавные шашки» 圍棋 *вэйци* (яп. *го* 碁, кор. *падук* 바둑), настольные игры с кубиком и др.). По всей вероятности, эти предметы принадлежали японцам, членам экипажа. При этом среди предметов, принадлежащих экипажу, были обнаружены также китайская кухонная утварь и палочки для еды, изготовленные в Корё, что указывает на то, что на судне могли служить китайцы и корейцы. Таким образом, вероятнее всего, экипаж корабля был многонационален, и судном могли совместно управлять влиятельные торговцы из Китая, Кореи и Японии.

В ходе многолетних экспедиций было поднято на поверхность, помимо останков корабля, около 20 000 единиц китайской керамики периодов Сун (960–1279) и Юань (1271–1368). Наибольшее количество составляла салатная керамика (около 12000 ед.), а также голубовато-белый и белый фарфор марки Цзиндэчжэнь (около 5000 ед.). Кроме того, было найдено 694 глазурованных чаш типа 天目 яп. *тэммоку* и 鈞窯 кит. *цзюнь-яо*²⁵⁵, а также 2305 керамических изделий разных видов. Внутри отдельных керамических сосудов сохранились разные травы и жидкости. В некоторых были найдены семена фруктов и кора деревьев — предположительно они использовались в качестве лекарственных средств [Ким Ёнми, 2005, с. 18].

Если говорить о форме и видах изделий из керамики, то среди находок широко представлены разнообразные вазы, бутылки, подголовники, капельницы и особенно курильницы. Установлено, что большинство курильниц (в форме

²⁵⁵ Техника изготовления чайных чаш *тэммоку* на низкой и маленькой подставке была заимствована японскими монахами эпохи Камакура (1185–1333), обучавшимися в Китае в горном монастыре Тяньмэ (天目) в провинции Чжэцзян. По сути, это было имитацией китайской техники производства фарфора 鈞窯 *цзюньяо* в местечке Цзюньчжоу в провинции Хэнань. Мастера искусно использовали разные цвета глазури розово-фиолетовых, молочно-белых, пурпурных оттенков. Эта техника приобрела в Китае невероятную популярность в эпоху Сун и называлась 建窯 *цзяньяо*.

Извлечение частей корпуса затонувшего судна Синансон и керамической утвари во время подводных работ 1976–1984 гг. в уезде Синан-гун на юге Корейского полуострова [Куннип хэян чонсигван, 2006, с. 275]

триподов с боковыми ручками) было создано в китайских мастерских Лунцюань и Цзиндэчжэнь, но встречаются курильницы и с четырьмя ножками, и без ножек, с крышками и без таковых [Куннип чунъан панмульгван, 2008]. В южнокорейских музеях Мокпхо и Кванджу, где хранятся реликвии с судна Синансон, особенно впечатляют витрины с длинными рядами разнообразных курильниц, чаш и статуэток бодхисаттв из селадона²³⁶.

²³⁶ Некоторые из них по стилистике напоминают характерную фигурку бодхисаттвы Гуаньинь (元龙泉窑青釉观音瓷塑像 кит. Юань Лунцюаньё цинъю Гуаньинь цысусян), хранящуюся в музее керамики Лунцюань в пров. Чжэцзян в Китае (龙泉青瓷博物馆 кит. Лунцюань цинцы боугуань). См. URL: https://baike.baidu.com/search/word?word=元龙泉窑青釉观音瓷塑像&fromModule=lemma_search-box (дата обращения 20.03.2024).

Находки с затонувшего судна Синансон. Материалы Е. Э. Войтишек из Музея морских реликвий в Национальном научно-исследовательском институте морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгусо*) в Мокпхо и Национального музея в Кванджу (國立光州博物館 *Куннип кванджу панмульгван*), Республика Корея, ноябрь 2022 г.

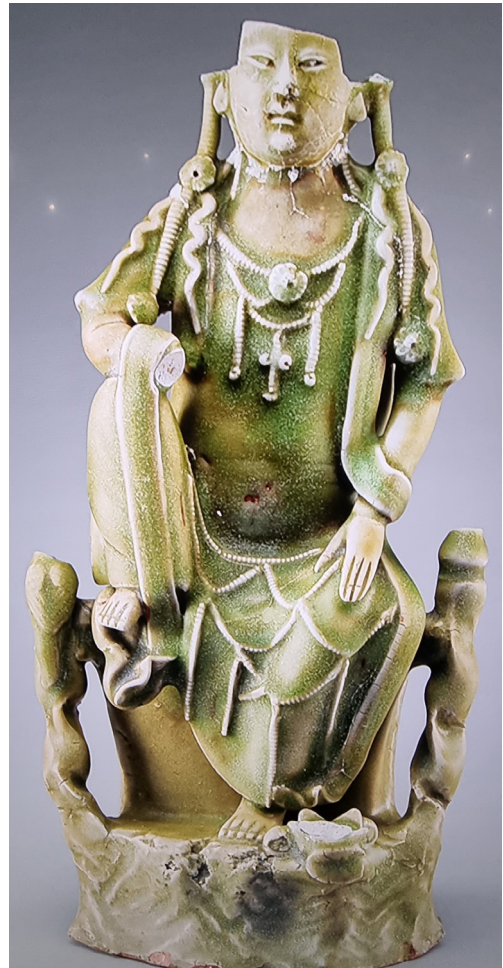
Кроме керамических изделий²⁵⁷ были обнаружены изделия из металла (около 700 ед.), различные бутылки, курительницы и емкости для масляных ламп. Большим разнообразием отличались предметы бытового назначения: медные зеркала, музыкальные инструменты, посуда, замки, гири для весов и кухонная утварь. Примечательна искусно выполненная в китайском стиле эпохи Тан бронзовая курительница в форме лежащего льва (青銅獅子形香爐 *кит. Цинтун*

²⁵⁷ Среди керамических предметов было обнаружено несколько корейских се-ладоновых изделий эпохи Корё (918–1392), а именно: подголовник с изображением цветов, капельница для воды в форме льва, ваза для цветов с изображением лотоса, чаша для хранения чая и др. Исследователи задаются вопросом, как эти предметы попали на корабль — были ли они погружены вместе с остальным товаром в Нинбо, или корабль плыл не прямо в Японию, а еще заезжал в Корею. Большинство ученых склоняются к тому, что эти предметы изначально были погружены на борт как товар, поскольку они были обнаружены в трюме под палубой. Если бы корабль заходил в корейский порт, то изделия бы оказались не в трюме, а на палубе [Чо Джинук, 2017, с. 98].

шицзысин сяну), состоящая из двух частей — головы и тулова, с колокольчиком на шее под роскошной гривой [Ким Ёнми, 2005, с. 76].

По сравнению с изделиями из других материалов древесина и деревянные предметы сохранились плохо: под воздействием деятельности морских обитателей бóльшая их часть, по-видимому, была уничтожена. Многие из предметов были повреждены, и лишь некоторые смогли сохранить свою первоначальную форму [Keith, 1980, p. 35]. Так, деревянные предметы представлены прямоугольными ящиками, цилиндрическими контейнерами, подносами, крышками, палочками для еды, небольшой статуэткой бодхисаттвы, несколькими лаковы-

Селадоновая фигура бодхисаттвы (青磁菩薩像 кит. цинцы пусаян, высота 23,7 см), изготовленная в период монгольской династии Юань (1271–1368) на юге Китая. Пышное тело бодхисаттвы Гуаньинь украшено массивным нагрудным ожерельем. Рядом с правой ногой сидит птица, похожая на попугая, около левой ноги предположительно стоял буддийский кувшин кундика (淨水瓶 кит. цзин шуй пин) с водой для ритуального омовения рук. Часто возле подобных статуй также изображались животные (тигры, обезьяны) — в соответствии с индийской легендой о бодхисаттве Авалокитешвара со священной горы Поталака, которая спасает живые существа от всевозможных невзгод. Материалы Е. Э. Войтишек из Национального музея в Кванджу (國立光州博物館 Куннип кванджу панмульгван), ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

ми изделиями с красным и черным покрытием [Куннип хэяньюмуль чонсигван, 2016b, с. 201].

В этих условиях удивительную сохранность демонстрируют бруски розового дерева (длиной 2 м, толщиной 40 см и диаметром 10–15 см). Всего было найдено 1017 брусков такой древесины (предположительно индийского палисандра рода *Dalbergia latifolia*), которая широко использовалась в строительном деле, в архитектуре и для изготовления статуй Будды, мебели, изделий ручной работы. Эта древесина высоко ценилась мастерами за плотность и красивый темно-бурый цвет. Япония стала активно закупать палисандр из Китая еще в период династии Тан, и со временем его импорт постепенно увеличивался. На поверхности некоторых брусков были вырезаны китайские иероглифы и арабские цифры. Существует версия, что древесина розового дерева изначально была куплена у торговцев из Центральной Азии, которые и нанесли эти знаки. Тем не менее, скорее всего, родиной этой древесины может считаться Юго-Восточная и Южная Азия — такие регионы, как Южная Индия,

Китайская бронзовая курительница в форме лежащего льва (青銅獅子形香爐 кит. Цинтун шицзысин сянлу), с колокольчиком на шее под роскошной гривой. Материалы Е. Э. Войтишек из Национального музея в Кванджу (國立光州博物館 Куннип кванджу панмульгван), ноябрь 2022 г. Фото С. Силичевой

Сохранившийся остов затонувшего судна Синансон, бруски палисандра и специи, перевозившиеся на нем. Инсталляция в Музее морских реликвий Национального научно-исследовательского института морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгусо*) в Мокпхо, Республика Корея, ноябрь 2022 г. Фото Е. Э. Войтишек

Шри Ланка, острова Ява, Борнео и др., откуда на территорию Восточной Азии проникала буддийская культура.

На судне Синансон были обнаружены также семена плодов и лекарственные средства. В основном, это были орех бетеля, который использовался в качестве мочегонного средства и, согласно повериям, способствовал циркуляции энергии *ци*, семена сливы (отхаркивающее, жаропонижающее и глистогонное средство), семена кизила (закрепляющее средство при расстройстве кишечника), каштаны (противовоспалительное и кровоостанавливающее средство). Кроме того, были найдены семена квисквалиса индийского, который использовался при лихорадке, кротоновое семя (слабительное), фундук, плоды дерева гинкго (средство при легочных заболеваниях), а также ароматические средства — амбра, смола, ладан, агаровая древесина (аквилярия). Помимо лекарственных средств были обнаружены специи — корица, черный перец, гвоздика [Keith, 1980, p. 35; Ким Ёнми, 2005, с. 63]. Вероятно, данные культуры были родом из Южного Китая, при этом часть лекарственных средств и специй на корабле предназначалась для продажи, а другая часть использовалась экипажем корабля.

На днище корабля в большом количестве (около 8 миллионов ед.) были обнаружены китайские монеты, изготовленные в различные периоды времени. Самые старые монеты были ханьского времени (9–23 гг.), другие были созданы в период правления династий Суй (581–617), Тан (618–907), Ляо (907–1125), Сун (960–1279), Западной Ся (1038–1227), Цзинь (1115–1234), и Юань (1271–1368) [Underwater Archaeology of Korea, 2016]. Было установлено, что самые поздние монеты были выпущены в 1310 г. в период правления династии Юань (至大通寶 *чжида тунбао* и 大元通寶 *даюань тунбао*). Исследование этих монет позволило предположить, что товар был погружен на судно в первой половине XIV в. [Ким Ёнми, 2005, с. 62].

На судне было найдено, не считая монет, около 700 предметов из металла. В основном они были сделаны из латуни, олова, бронзы, меди. Измерительные металлические инструменты, такие как горшки, воронки, весы, гири и грузы, ложки, использовались экипажем и торговцами, а изделия, помещенные в отдельные коробки, по-видимому, предназначались для торговли. Кроме того, были обнаружены каменные и стеклянные ремесленные изделия. Так, среди 20 видов тушечниц были прямоугольные, восьмиугольные, круглые и многоугольные, на некоторых изделиях остались следы использования. Поэтому существует мнение, что эти тушечницы не были предназначены для торговли, а использовались для подписи деревянных бирок *моккан*, которыми помечали товары, когда загружали их на судно, или для ряда других записей, связанных с коммерческими сделками. Стеклянные находки (декоративные шпильки

и бусины) исчисляются единицами — вероятно, в XIV в. изделия из стекла считались дорогими украшениями и относились к предметам роскоши.

Таким образом, реликвии, обнаруженные на корабле Синансон, свидетельствуют о развитой морской торговле между странами Восточной Азии в XIV в., в частности, дают точное представление о ее масштабах, а также популярности китайских товаров в восточноазиатском регионе. В результате изучения останков корабля, входившего составной частью в международную торговую сеть вдоль морских маршрутов Шелкового пути, появилось множество ценных материалов для изучения истории развития судостроения в регионе, а также социально-экономических, торговых и культурных связей между странами Восточной Азии.

В настоящее время реликвии корабля Синансон находятся на территории трех музеев Республики Корея: в Национальном музее Кореи (國立中央博物館 *Куннип чунъан панмульгван*)²³⁸ в Сеуле, Национальном музее в Кванджу (國立光州博物館 *Куннип кванджу панмульгван*)²³⁹ и Выставочном павильоне морских реликвий, находящемся в Национальном научно-исследовательском институте морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгусо*)²⁴⁰ в Мокпхо. Коллекции артефактов с судна позволяют организовывать там как постоянные экспозиции, так и временные выставки. Так, в Национальном музее Кореи в Сеуле, крупнейшем историко-художественном музее и культурном комплексе на территории Республики Корея, коллекция подводных реликвий корабля Синансон представлена в галерее азиатской культуры, в которой находятся материалы из Центральной и Восточной Азии, имеющие прямое отношение к морскому и сухопутному Шелковому пути. Экспозиция размещена в пяти залах и включает 830 предметов (керамические и металлические изделия, монеты, бруски древесины розового дерева, деревянные таблички *моккан*, личные вещи экипажа корабля и др.)²⁴¹

Во всех этих музеях регулярно проводятся широкомасштабные выставки реликвий с затонувшего судна, организуются ежегодные международные конференции по истории мореплавания, кораблестроения и подводной археоло-

²³⁸ См. Сайт Национального музея РК в Сеуле. URL: <https://www.museum.go.kr/> (дата обращения 23.01.2024).

²³⁹ См. Сайт Национального музея в Кванджу. URL: https://gwangju.museum.go.kr/kor/sub07_01_08.do (дата обращения 25.01.2024).

²⁴⁰ См. Сайт Национального научно-исследовательского института морского культурного наследия. URL: www.seamuse.go.kr (дата обращения 25.01.2024).

²⁴¹ См. Официальный сайт Национального музея РК. URL: <https://www.museum.go.kr/site/main/showroom/list/756?showroomCode=DM0026> (дата обращения 25.01.2024).

гии, а также форумы²⁴², посвященные 30-летию и 40-летию изысканий со дня поисковых работ в Желтом море. Здесь широко представлены передовые технологические решения, включая иммерсивные форматы, когда посетитель словно сам оказывается на судне посреди бушующего моря. На специальных и постоянных экспозициях можно познакомиться с организацией подводных археологических работ, связанных с подъемом корабля и артефактов, с материалами находок и гипотез о происхождении судна, оценить перспективы изучения найденных объектов культурного наследия в контексте развития морской торговли в регионе в Средние века.

В настоящее время на базе Национального научно-исследовательского института морского культурного наследия в Мокпхо в Республике Корея реализуется международный проект «Кораблекрушения в Азии» («Shipwreck Asia»). Этот проект объединяет данные обо всех региональных катастрофах прошлого с целью поддержки исследований морского культурного наследия в Азии²⁴³. Что касается данных по серии затонувших у юго-западного побережья Корейского полуострова кораблей, археологический анализ местных торговых судов показывает, что их технологии были разработаны независимо, но впоследствии скорректированы с учетом отличительных конструктивных особенностей судов из других азиатских регионов²⁴⁴. К примеру, анализ останков кораблей и пород древесины, перевозимой на затонувших судах, может дать ключ к интерпретации их происхождения²⁴⁵. Традиции судостроения на восточном

²⁴² См. сборники международных научных конференций, проводимых в Мокпхо. URL: http://www.seamuse.go.kr/seamuseweb/cop/bbs/selectBoardArticle.do?nttId=1027&mn=KO_02_04&bbsId=BBSMSTR_00000000249&ctgryLrcls= (дата обращения 20.01.2024).

²⁴³ См. сайт проекта «Shipwreck Asia». URL: <https://www.shipwreckasia.org/projects/> (дата обращения 30.07.2023).

²⁴⁴ Корейские исследователи пытаются проследить историю и характеристики этих технологических адаптаций. Вероятно, последняя информация о традиционных корейских судостроительных технологиях скоро будет добавлена в базу данных кораблекрушений веб-сайта «Shipwreck Asia».

²⁴⁵ По-прежнему в археологическом мире не утихают споры по поводу целесообразности поисковых работ флота монгольского хана Хубилая (1215–1294), корабли которого в конце XIII в. дважды разметал «божественный ветер» *камикадзэ* при подходе к Японии. На немногочисленных останках кораблей, найденных в 80-х гг. XX в. вблизи бухты Такасима на о. Кюсю, была проведена идентификация пород древесины. Несмотря на то что в исторических хрониках указано, что китайско-монгольский флот состоял из кораблей, построенных в разных регионах Китая и Кореи, в результате изучения археологических артефактов, включая идентификацию пород

и юго-восточном побережьях Китая демонстрируют удивительное разнообразие даже в пределах конкретных областей, а потому необходимы дополнительные исследования их специфики. Это позволит, в частности, не только более точно идентифицировать породы древесины с останков корабля на подводном участке Такасима близ японского острова Кюсю, но и даст новые материалы по происхождению древесины с корпуса затонувшего судна Синансон²⁴⁶.

Таким образом, многолетний скрупулезный труд подводников, рабочих, ученых и сотрудников корейских музеев по организации подводных работ, последующей реставрации и консервации обломков корабля, экспонированию артефактов позволил не только выявить «реальность» средневековых торговых судов, но и проследить основные маршруты и стратегии морских перевозок в регионе. Анализ останков судна и особенностей перевозимого груза показал, что корабль Синансон был одним из самых больших торговых судов, водоизмещение которого вместе с грузом достигало около 260 тонн. Беспрецедентное количество товаров, перевозимых на корабле, свидетельствует о характере и масштабах морской торговли в XIV в. в регионе.

Анализ найденных артефактов дал толчок к всестороннему изучению торгово-экономических и культурных морских контактов в регионе, что в целом способствовало развитию подводной археологии. В последние годы южнокорейскими учеными было обнаружено и исследовано еще 12 затонувших кораблей. Самыми известными из них являются китайское судно XII в., потерпевшее крушение около о-ва Чиндо (пров. Чолла-Намдо); корейское судно XI–XII вв., затонувшее около острова Вандо (пров. Чолла-Намдо), и корейское судно XV в. Тэан Мадо-4, обнаруженное у побережья о-ва Мадо в уезде Тэангун (пров. Чхунчхон-Намдо).²⁴⁷ Весьма интригующими в этом смысле выглядят сведения о результатах изысканий, связанных с китайским судном эпохи Тан (唐代沉船黑石号), потерпевшим крушение у острова Белитунг в Индонезии²⁴⁸.

дерева, химический анализ каменного якорного ложа и керамической глазури, было установлено, что большинство предметов, связанных с этим местом, указывают на корабли, построенные на юге Китая. См. материалы проекта «Shipwreck Asia».

²⁴⁶ См. сайт проекта «Shipwreck Asia». URL: <https://www.shipwreckasia.org/projects/> (дата обращения 30.07.2023).

²⁴⁷ Данные официального сайта Национального научно-исследовательского института морского культурного наследия. URL: http://www.seamuse.go.kr/seamuseweb/cop/bbs/selectBoardList.do?bbsId=BBSMSTR_000000000243&mn=KO_04_02_02&ctgryLrcls=CTGRY028 (дата обращения 25.01.2024).

²⁴⁸ Судно (другое название Batu Hitam) обнаружено в 1998 г. в Малайском архипелаге. Среди реликвий найдены золотые, серебряные изделия, более 67 тысяч керами-

Исследования реликвий с затонувших средневековых судов позволили предположить, что в X–XIV вв. китайские торговцы доминировали на азиатских морских просторах. Они предлагали как готовые изделия (в основном керамические, фарфоровые, железные, серебряные предметы, монеты, реже встречались золотые украшения), так и сырьевые материалы (особой популярностью пользовались ценные породы древесины — сандал, аквилярия, розовое дерево). Среди аристократов и высшей военной знати Восточной Азии высоко ценилась фарфоровая утварь — чаши, курительницы, которые помимо своего ритуального назначения рассматривались как статусные предметы роскоши (唐物 *яп. карамоно*, букв. «китайские изделия», «изделия эпохи Тан»); древесину использовали при строительстве, изготовлении мебели и во время ритуальных действий; медными монетами расплачивались на рынках или переплавляли их для изготовления храмовой утвари.

Несмотря на наличие ценных материалов и сведений, добытых специалистами разных областей с большим трудом и колоссальными финансовыми затратами, по-прежнему остается много загадок и неясностей в судьбе затонувших судов. Научные дискуссии относительно маршрутов их движения, причин кораблекрушений, заказчиков груза, состава экипажа, типологии керамических и металлических изделий в Азии и арабских странах, особенностей морской торговли не затихают уже несколько десятилетий, прошедших со времени обнаружения загадочных находок.

Что касается судна Синансон, на борту которого находилось свыше 20 тысяч фарфоровых изделий эпох Сун и Юань, около 8 миллионов китайских монет весом 28 тонн и более тысячи бревен ароматической древесины, то о снаряжении такого крупного торгового корабля не сохранилось упоминаний в официальных китайских, японских и корейских документах. Это дает повод предположить, что торговля велась неофициальным путем — через торговцев и монахов (деревянные бирки-моккан указывают на ряд японских монастырей) на трассе между китайским портом Цинъюань и японским портом Хаката. Запретельно

ческих предметов — блюда, чашки, курительницы, кувшины, а также оригинальные кубки для питья через нос 鼻饮杯 *би инь бэй* (Nose drinking cups) и др. Характер изделий и их художественные особенности свидетельствуют об интенсивных межкультурных контактах империи Тан, народов Юго-Восточного Китая и Аббасидского халифата в VIII–IX вв. За 20 лет научных изысканий проведены многочисленные выставки (в том числе в 2014 г. в Торонто, в 2017 г. в Нью-Йорке). См. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5YDXY5hA19c>; <https://www.youtube.com/watch?v=5YDXY5hA19c&list=RDCMUCc99RaVe8PKgly2T3QNBWLw&index=1> (дата обращения 12.01.2024).

высокая стоимость товаров, сосредоточенных на судне, не дает возможность установить личность владельца столь ценного груза. Загадка состоит и в том, почему столь совершенное с технологической точки зрения океанское судно так сильно отклонилось от курса, затонув возле берегов Корейского полуострова²⁴⁹.

Изучение этих и других вопросов, связанных с находками с затонувших средневековых судов, показывает, насколько интенсивным был культурный обмен в регионе. Эти факторы межкультурного взаимодействия необходимо учитывать при анализе особенностей развития традиции использования благовоний на Корейском полуострове.

3.4. Медицинский аспект применения благовоний

Ароматическое сырье растительного и животного происхождения издавна широко применяется в традиционной корейской медицине, которая является важнейшей частью всей культуры Кореи. Вслед за медицинской традицией Китая там было создано множество теоретических трудов, справочников и энциклопедий²⁵⁰, где был обобщен огромный опыт наблюдений за воздействием ароматов и душистых снадобий на организм человека.

В связи с тем, что корейская медицина долгое время развивалась в русле медицинской практики Китая, нередки случаи, когда о ней говорят как о незначительном ответвлении традиционной китайской медицинской системы. Тем не менее исследования истории корейской традиционной медицины и её современного состояния позволяют говорить о ней как о самобытной системе знаний и медицинских практик, демонстрирующей уникальные черты²⁵¹.

²⁴⁹ Наиболее распространенные точки зрения — перегруз, сильный шторм или тайфун, а наиболее экзотическая догадка связана с хорошо спланированной диверсией с целью недопущения попадания ценных реликвий и медных монет японским сёгунам. См., например, дискуссионную платформу на электронном ресурсе Baidu. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1739278387342393267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 06.04.2023).

²⁵⁰ Среди этих сочинений отдельного упоминания требует фундаментальный труд «Сокровищница корейской медицины», или «Драгоценное зеркало восточной (корейской) медицины» (東醫寶鑑 *Тон-ый погам*) в 25 кволах знаменитого ученого и врача Хо Джуна (1539–1615), который укрепил престиж традиционной корейской медицины и подготовил почву для ее поступательного развития [Korean Medicine, 2013, p. 16–17].

²⁵¹ См. Ермолаева Е. М., Филимонова Е. С. История развития корейской традиционной медицины // *Universum: Общественные науки: электрон. науч. журн.* 2017.

Как и многие явления традиционной культуры в различных регионах Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., под влиянием западных технологий корейская медицина пережила период забвения и упадка, однако в дальнейшем ее влияние стало стремительно нарастать. Осознание ограниченности подходов западной медицины приводило к мысли о необходимости изучать собственную медицинскую традицию, направленную во многом на решение проблем со здоровьем с помощью превентивных и профилактических мер.

Еще до прихода на Корейский полуостров западной медицины со всем арсеналом средств и передовых технологий традиционные методы корейской медицины, включая применение душистых целебных трав, семян, плодов и корней, повсеместно использовались для лечения и профилактики различных заболеваний. Аналогично китайским представлениям о свойствах и особенностях душистых растительных снадобий одной из эффективных мер в традиционной корейской медицине признано использование ароматических средств и благовоний.

Широко практикуемыми и проверенными приемами диагностики и лечения в традиционной корейской медицине (韓醫學 кор. *ханыйхак*) издавна являются такие методы, как акупунктура, прижигание моксой, траволечение, ароматерапия, паровая терапия, банки, тейпирование (наклеивание на суставы фиксирующих лент), специальные виды массажа (типа 推拿 кит. *туйна*, кор. *чхуна*) и некоторые другие. Они успешно применяются в различных ситуациях — при простуде, депрессиях разной этиологии, головных болях, хронической усталости, приступах раздражительности и гнева, в период беременности и родах, в послеродовом уходе, при выпадении волос и проч. [Korean medicine, 2013, p. 6–7]²⁵².

№ 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4719> (дата обращения 18.01.2024).

²⁵² Примечательно, что среди четырех методов диагностики (наряду с визуальным осмотром, пальпацией и опрашиванием пациента о самочувствии) практикующие врачи уделяют большое внимание такому аспекту, как «прислушивание» к звукам и запахам тела. Они наблюдают, как пациент дышит, кашляет, разговаривает, произносит звуки, прислушиваясь к тому, как и чем пахнут его дыхание, пот и другие выделения. Так, неприятный запах изо рта свидетельствует о заболеваниях желудочно-кишечного тракта, а острый характерный запах тела возникает при хроническом диабете в связи с увеличением содержания кетоновой кислоты. По мнению врачей корейской традиционной медицины, резкий запах выделений может быть вызван тепловыми токсинами, тогда как водянистый характер выделений (в мокроте, моче и др.) указывает на недостаток энергии [Korean medicine, 2013, p. 40–44].

Так, корейская традиционная медицина предлагает эффективный метод борьбы с курением. Не секрет, что одним из факторов, мешающих заядлому курильщику побороть пагубную зависимость от курения, является приятный запах табака. Речь идет об особой технике акупунктурного воздействия на уши²⁵³, когда пациенту устанавливают по кромке обеих ушей иглы длиной около 1 мм и заклеивают их специальной лентой. Методика лечения предполагает ежедневное воздействие (в течение 3–4 недель) на эти точки при любом желании пациента закурить, а эффект такого воздействия выражается в изменении вкусовых и запаховых рецепторов — сигареты из приятных для вдыхания становятся неприятными или безвкусными, а у особо чувствительных людей наблюдаются приступы тошноты и боль в горле [Korean medicine, 2013, p. 54].

Одним из наименее известных на Западе, но традиционных в странах Восточной Азии методов лечения является прижигание моксой, то есть толченым порошком из травы и стеблей сушеной полыни (лат. *Artemisia princeps Rampr.*)²⁵⁴. Разные виды полыни — полынь горькая (苦艾 *ку ай*), полынь прибрежная (岸艾 *ань ай*), полынь однолетняя (黄蒿 *хуанхао*) — упоминаются в самых ранних фармакологических трактатах Китая, таких как «Канон корней и трав Шэнь-нуна» (神農本草經 *кит. Шэнь-нун бэнь цао цзин*), приписываемый легендарному императору Шэнь-нуну (первая половина III тыс. до н. э.), и «Канон Желтого императора о внутреннем» (黃帝內經 *Хуанди нэй цзин*), составленный в III в. до н. э. во времена династии Хань²⁵⁵. Лекарственная ценность горькой полыни с древности признавалась очень высокой, в традиционной медицине она была связана с меридианами печени, желчного пузыря, се-

²⁵³ Этот метод хорошо зарекомендовал себя и при нарушении сна, и при стимулировании / подавлении аппетита, и при коррекции метаболической функции организма, а также при лечении алкогольной зависимости.

²⁵⁴ Термин «мокса», впервые появившийся в записках португальских миссионеров XVI в., живших в Японии, представляет собой искаженное японское слово *могуса* (もぐさ), то есть «трава полыни» или «листья полыни» (ヨモギの葉 *ёмоги-но ха*). Прижигание травой полыни пришло на Японский архипелаг из Китая через Корейский полуостров в V–VI вв. В древности траву *могуса* широко применяли при головных болях, проблемах с дыханием, желудочно-кишечных заболеваниях, невралгии и др. Под таким названием в искаженном виде оно в дальнейшем и закрепилось в европейской медицинской практике. См. Электронная Encyclopaedia Britannica, 2009 (на яп. яз).

²⁵⁵ См. о них на портале Синология.ру: URL: <https://www.synologia.ru/a/Шэнь-нун%20бэнь%20цао%20цзин>; https://www.synologia.ru/a/Хуан-ди_нэй_цзин (дата обращения 20.01.2024).

лезенки и легких²⁵⁶. В этих сочинениях уже описывались техники прижигания с помощью комков из стеблей и веток, упоминалось «лечение иглами и полынью» [Korean medicine, 2013, p. 55].

Свежие растения полыни (艾 кит. ай, кор. э; 艾草 кит. айцао, кор. эчхо) собирают ежегодно с марта по май и два-три дня сушат на солнце. После измельчения (с помощью ступки и пестика) порошок несколько раз пропускают через сито до получения однородной массы. Затем порошок полыни утрямбовывают в специальные формы в виде конусов²⁵⁷ или заворачивают в длинные сигары (艾灸棒 кит. айцзю бан, кор. эгубон), с помощью которых воздействуют на разные точки тела для тепловой стимуляции (при непрямом воздействии во избежание ожогов обрабатываемую область кожи сначала покрывают пастой из соевых бобов, имбиря, чеснока, желтой глины или соли)²⁵⁸.

В терминах традиционной медицины прижигание моксой стимулирует продвижение энергии 氣 ци (кор. ки), «согревает меридианы и рассеивает холод» (温经散寒 кит. вэнь цзин сань хань), то есть восстанавливает проходимость меридианов, устраняя застой ци, возникший из-за поражения холодом. В итоге это ведет к улучшению кровообращения в организме, к уменьшению чувства усталости, боли, дискомфорта и в целом — к укреплению иммунитета²⁵⁹. Среди наиболее распространенных техник одной полынной сигарой можно отметить следующие манипуляции: неподвижное прогревание, когда конец сигары держат над «зоной соответствия» до покраснения кожи (эффективно при болях в спине и суставах); «клюющие» движения, когда конец сигары поочередно то приближают к точке прогревания, то удаляют от нее (эффективны при слабости, нарушении двигательных функций); «утюжащие» движения «вперед-назад» в зоне прогревания на расстоянии 1,5–2 см (показаны при кожных заболеваниях, при застое энергии в каналах, а также в меридианах сердца, легких

²⁵⁶ Известный китайский фармаколог Ту Юю (屠呦呦, род в 1930), специалист в области традиционной китайской медицины, лауреат Нобелевской премии по медицине и физиологии (2015), изучая находящееся в полыни вещество артемизинин, установила его высокие антималярийные свойства.

²⁵⁷ Таким же образом для окуривания помещений готовят ароматические конусы из разных растительных ингредиентов. Этот способ издавна хорошо известен в странах Восточной Азии, особенно в Китае и Корее.

²⁵⁸ При этом полынную сигару держат на расстоянии 1–1,5 см от кожи, температура на кончике тлеющей сигары составляет 43–45 градусов.

²⁵⁹ См. Польза и эффективность полынных сигар [艾灸棒的好处与功效]. Электронный ресурс китайской энциклопедии Baidu baike. URL: <https://ask.39.net/question/107481418.html> (дата обращения 20.01.2024).

Курильницы-банки и полынные сигары для прижигания моксой в корейской и китайской медицине. Из коллекции Е. Э. Войтишек

и печени)²⁶⁰. При этом, в соответствии с нумерологическими представлениями восточной медицины, женщинам проводят четное число прогреваний (2-4-6), тогда как мужчинам — нечетное (3-5-7).

В настоящее время китайские и корейские медики практикуют не только контактные виды использования полынных сигар — определенной популярностью обладают специальные подставки для сигар (от одной до пяти-шести), которые применяются в том числе и для окуривания помещения с целью устранения неприятных запахов и мягкого лечения с помощью вдыхания целебного дыма полыни, обладающего сильным бактерицидным действием²⁶¹. Эти подставки снабжены специальными ремнями, с помощью которых их прикрепляют к тому или иному участку тела. Популярны также небольшие пластиковые

²⁶⁰ См. лекции М. Б. Кановской на электронном ресурсе ВикиЧтение. Прогревание. Золотые рецепты акупунктуры. URL: <https://med.wikireading.ru/96520> (дата обращения 23.01.2024).

²⁶¹ Такие устройства легко найти в аптеках традиционной медицины и на популярных масс-маркетах в интернете.

Виды полыни для прижигания моксой и растительное сырье, используемое в корейской медицине. Дается по: [Korean Medicine, 2013, p. 55-56, 73]

курильницы-банки (拔罐) на клейкой основе, а также специальные ароматические штампы, которые устанавливаются на любом участке тела. В них обычно используются моксы премиального класса, с высоким содержанием эфирных масел — после сеанса на коже остается след и даже узор. Так лечебный эффект сочетается с эстетическим воздействием.

В корейской *суджок*-терапии²⁶² широко используются так называемые мини-моксы, представляющие собой тонкие палочки из сушеной полыни длиной около 7 мм, которые устанавливаются на акупунктурных точках кистей рук, ладонях, стопах ног на специальных круглых металлических подставках диаметром около 6–7 мм. При прогорании таких палочек тлеющий пепел обычно держится столбиком, не осыпается легко, как у обычных ароматических палочек. Вследствие того, что дым от таких палочек идет не только вверх, но и стелется вниз (как в курильницах «обратного потока»), под подставкой образуется маленькое бурое пятно, свидетельствующее о мягком прогревании той или иной точки. Этот след на коже — вовсе не результат ожога, он образуется от эфирных масел, содержащихся в полыни. При таком воздействии пациент не только прогревает «точки соответствия», но и, вдыхая аромат полыни, насыщает свой организм необходимой «янской» энергией. Кроме палочек широко используются при этом конусы, шарики в виде шишки с приплюснутым верхом и плоским дном, фигурные свечи, а также комочки обработанных разными техниками стеблей полыни (от прессованной травяной массы до пуха)²⁶³.

Вышеупомянутые методики являются техниками непрямого и дистанционного прижигания моксой, обусловленного медицинскими показаниями, техниками, опробованными тысячами в лечебных практиках Китая и Кореи. Однако обзор подобных практик был бы неполным, если не упомянуть специ-

²⁶² Суджок-терапия (от кор. 手 *су* — «кисть руки» и 足 *джок* — «стопа») основана на методиках прогревания находящихся на стопах и кистях рук энергетических точек, соответствующих органам тела человека. Основоположником данного метода считается профессор Пак Джэ Ву (Park Jae Woo, 1942–2010), создавший международную Ассоциацию *суджок*-акупунктуры и посвятивший всю жизнь пропаганде этого учения, которое сочетает в себе физические, ментальные, эмоциональные и духовные аспекты.

²⁶³ Кроме этого, в *суджок*-терапии используют силу и энергию прорастающих семян (калины, фасоли, гречихи, льна, редиса, перца, граната, яблок винограда, тыквы и др.), которые фиксируют на участках кисти или стопы с помощью лейкопластыря. При закреплении семян на «точках соответствия» их биологические поля вступают во взаимодействие с больными органами тела, восстанавливая их энергетический потенциал [Пак Джэ Ву, 2001, с. 46].

Прижигание полынными сигарами в религиозных буддийских ритуалах — «ароматные шрамы» (香疤 кит. *сянба*), или «шрамы религиозного обета» (戒疤 кит. *цзеба*).
Дается по: Электронная китайская энциклопедия Baidu baike.
URL: https://baike.baidu.com/item/戒疤?fromModule=lemma_search-box (дата обращения 23.01.2024)

альные техники прямого прижигания моксой, практикуемые с XIII–XIV вв. до настоящего времени в отдельных буддийских общинах Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Такие прижигания являются своеобразными практиками посвящения в некоторых буддийских школах, где во время сложных и длительных ритуалов монахам наносятся «шрамы религиозного обета» (戒疤 кит. *цзеба*). Если в рамках буддийского ритуала инициации или принятия обетов Бодхисаттвы мирянам иногда делают такие прижигания на предплечьях или запястьях, то монахам полагается их делать на бритой голове. Чтобы облегчить боль от прямого прижигания, бритую макушку предварительно обрабатывают ароматическими растительными настоями или мазями. Монахам на голове устанавливают строго в ряд специальные колечки, куда вставляют короткие полынные свечи. Свечи, достигнув кожи головы, догорают в течение минуты, причиняя нестерпимую боль испытуемым. Количество остающихся от процедуры меток — так называемых «ароматных шрамов» (香疤 кит. *сянба*) — обусловле-

но рангом посвящаемого и варьируется от трех до двенадцати: число «три», как правило, соотносится с понятием Трех Драгоценностей (Будда, его учение и буддийская община), в связи с чем количество шрамов должно быть кратное трем. Такие практики вплоть до самосожжения осмысляются как ритуальные акты в поисках просветления²⁶⁴.

В корейской традиционной медицине особым авторитетом пользуется не только полынь, но и чеснок (蒜头 кит. *суаньтоу*, кор. *санду* или 大蒜 кит. *дасуань*, кор. *тэсан*), ценные лечебные свойства которого тоже упоминались в вышеуказанных древних китайских фармакологических сочинениях. Оба этих растения чрезвычайно ценятся и в традиционной медицине, и в диетологии, и в корейской национальной кухне²⁶⁵. Так, с учетом их ярко выраженных бактерицидных свойств их употребляют в сыром виде, как приправу к жареным мясным блюдам, а также в виде настоек и жидких экстрактов для улучшения аппетита и пищеварения.

Одним из распространенных методов корейской медицины, пользовавшихся популярностью еще среди аристократов и литераторов эпохи Чосон (1392–1910), является паровая терапия. Здесь корейские врачи следуют за известными методиками китайской народной медицины, где паровая (фумигационная) терапия (熏蒸疗法 кит. *сюньчжэн ляофа*) была важной частью традиционных методов наружного лечения. При этом методе врачеватель пропаривал

²⁶⁴ Подобные ритуальные практики чрезвычайно опасны для здоровья, поскольку могут повлечь за собой необратимые последствия. В связи с этим, к примеру, Буддийская ассоциация Китая в отношении последователей чань-буддизма в 1983 г. выступила против их проведения. См. Обряд посвящения буддийских монахов путем прижигания моксой [戒疤]. Электронная китайская энциклопедия Baidu baike. URL: https://baike.baidu.com/item/戒疤?fromModule=lemma_search-box (дата обращения 23.01.2024).

²⁶⁵ Это иногда дает основания некоторым ученым для историко-культурных спекуляций. Так, общим местом подобных рассуждений является утверждение о том, что полынь и чеснок — целебные растительные средства исконно корейской народной традиции. Аргументом при этом обычно служит отсылка к мифу о прародителе корейской нации Тангуне, где эти снадобья фигурируют в качестве магических средств превращения мифических животных в человека, обозначая тем самым особое сакральное пространство. См., например, статью [Ермолаева Е. М., Филимонова Е. С. История развития корейской традиционной медицины // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4719>], где цитируется мнение корейского ученого Син Чун-Сика. Тем не менее убедительные свидетельства знакомства с целебными свойствами полыни и чеснока можно найти во всех древнейших фармакопеях Китая.

душистыми лечебными травами ту или иную проблемную зону тела больного — тепло в сочетании с эфирными маслами душистых снадобий благотворно воздействовало на окуриваемую область, улучшая кровообращение и проходимость кровеносных сосудов, удаляя токсины. Такие методы профилактики и лечения применялись не только при сугубо медицинских показаниях (стерилизация ран, уменьшение отеков и зуда, решение кожных проблем, устранение мышечных спазмов и др.), но и для снятия умственного и физического напряжения, гармонизации тела и духа, в целом для улучшения качества жизни. Поскольку паровая терапия традиционной медицины проста и эффективна, она до сих пор широко используется в клинической практике Китая и Кореи (особой эффективностью обладают устройства в виде специальных сидений для лечения и профилактики гинекологических заболеваний)²⁶⁶.

Пожалуй, одним из самых эффективных способов лечения и профилактики болезней в корейской медицине (韓藥 *ханъяк*) является воздействие душистыми травами. Фитопрепараты в корейской медицине классифицируются по четырем характеристикам — горячий, теплый, прохладный и холодный, а также по пяти вкусам — кислый, горький, сладкий, острый / пряный и соленый. В отличие от народной медицины, которая может лишь идентифицировать конкретный вид растений или трав, корейская традиционная медицина представляет собой фармакологическую систему лечения, основанную на долгосрочных клинических исследованиях. Ингредиенты в рецептах определяют фитотерапевтический эффект. Так, *женьшень* эффективен для притока энергии в организме, снятия усталости, укрепления иммунной системы, улучшения пищеварения и утоления жажды [Korean medicine, 2013, p. 56–61].

В корейской традиционной медицине эффективность лекарства достигается не только за счет активных ингредиентов, как в западной науке, но максимизируется также и за счет правильного сочетания отдельных компонентов. Список ароматных трав и растительных препаратов, используемых в традиционной корейской медицине, чрезвычайно длинный, но среди наиболее распространенных можно указать следующие (дается по: [Korean medicine, 2013, p. 58–59]).

Солодка, лакрица (лат. *Glycyrrhiza glabra*, кор. *камджо*) — мягкая сладковатая трава, широко культивируемая в Корее. Эффективна при очищении от токсинов, устраняет слабость селезенки и печени, прибавляет физической силы.

²⁶⁶ См. Электронный ресурс китайской энциклопедии Baidu baike. URL: https://baike.baidu.com/item/熏蒸疗法/2790358?fromModule=search-result_lemma-recommend (дата обращения 11.01.2024).

Женьшень (лат. *Rapax*, кор. 人參 *инсам*) — многолетнее травянистое лекарственное растение, общетонизирующее средство. Это один из самых знаменитых корейских препаратов, известный своим широким спектром применения. Он помогает поддерживать гомеостаз в организме, укрепляет сердце, стимулирует пищеварение, ускоряет обмен веществ, стабилизирует нервную систему. Он доказал свою исключительную эффективность в укреплении иммунной системы, в борьбе с раком и снижении содержания сахара в крови.

Полынь (лат. *Artemisia*, кор. *ссу*) — трава с горьким вкусом и пряным ароматом, крайне эффективна как болеутоляющее, кровоостанавливающее и бактерицидное средство. Наружно используется в виде кремов и настоев при экземе и зуде, применяется в процедурах бесконтактного прижигания в виде полынных сигар (*моксы*) или благовонных палочек, а также как обеззараживающее средство при окурировании помещения.

Дудник лекарственный (лат. *Angelica archangelica*, кор. *тангви*), известный также как дягиль — травянистое растение с сильным сладковатым запахом и пряным вкусом. Все части растения используются как пряности и ароматизаторы для лекарств и кондитерских изделий. Лечебное воздействие зависит от используемой части корневища: верхнюю и среднюю часть чаще всего применяют в качестве кровоостанавливающего средства, нижняя часть корня обладает кроветворным эффектом. Растение хорошо справляется с головными болями, головокружением, с синяками, отеками, растяжением связок.

Пуэария дольчатая (лат. *Pueraria montana var. lobata*) — лиановидное растение из семейства бобовых с мощными корнями. В корейской медицине используется преимущественно корень *кудзу*²⁶⁷ (кор. *кальгын*), который назначают при простуде и тошноте, сопровождающейся ознобом и лихорадкой. Корень *кудзу* используют для лечения диабета, дизентерии и диареи. Цветы пуэарии используют при алкогольных отравлениях и заболеваниях печени.

Травы и все растительные ингредиенты (кора, корни, стебли, листья, плоды и семена) измельчают в порошок, иногда добавляют муку или мед, придают лекарствам форму таблеток, пилюль, используют также клейкие пластыри с нанесенным лекарственным порошком. Есть и капсулы на растительной основе, спреи, кремы, пластыри от болей в суставах и мышцах, настойки и проч. Особняком в этом ряду стоят препараты, изготавливаемые из оленьих рогов (*ногён*, *ноккак*), они ценятся как стимуляторы роста и кроветворения, используются для укрепления сердца и иммунитета.

²⁶⁷ В корейской медицинской литературе и препаратах обычно встречается японский термин *кудзу*.

Как правило, врачи традиционной корейской медицины во время сеанса используют разнообразные методы лечения и профилактики заболеваний, при этом не пренебрегая воскурением ароматных трав и благовоний.

3.5. Современные региональные центры изучения и популяризации ароматической культуры в Республике Корея

В настоящее время в Республике Корея, как и в других регионах Восточной Азии, можно отметить резкий всплеск интереса к сфере ароматов и благовоний как одной из важнейших частей традиционной культуры. Об этом говорит значительный рост научно-популярных и специальных публикаций по истории культуры ароматов на Корейском полуострове, резкое увеличение числа выставок и экспозиций, посвященных различным аспектам ольфакторных практик, изучению функций и роли запахов, значения использования благовоний в повседневной жизни, в праздничной и религиозно-ритуальной сферах.

Однако в отличие от Китая и Японии в Республике Корея о сложившихся региональных полноформатных центрах изучения и популяризации культуры ароматов говорить пока трудно — скорее, в настоящее время можно отметить лишь некоторые тенденции к возрождению интереса к этой национальной традиции.

Всплеску исследовательского интереса к теме ольфакторных практик и в целом к культуре ароматов на Корейском полуострове в древности, Средневековье и Новое время, несомненно, способствовали вышеописанные археологические открытия (курильница Пэкче, сокровища с затонувших средневековых судов и др.), недавно обнаруженные эпиграфические и художественные памятники (например, каменные стелы *мэханби*), новая информация из письменных документов и исторических хроник, а также живые этнографические наблюдения.

В укреплении и развитии традиционной культуры колоссальную роль играют государственные музеи, научные институты и центры, обладающие не только богатыми фондами, но и соответствующими ресурсами для их изучения. Крупнейшие музеи, научно-исследовательские и выставочные центры Республики Корея организуют семинары и лекции, проводят поисковые и изыскательские работы, устраивают постоянные экспозиции и специальные выставки по истории ароматической культуры.

В этом смысле в числе наиболее авторитетных музейных, выставочных и публичных организаций Республики Корея можно отметить следующие: столичные Национальный музей Кореи (國立中央博物館 *Куннип чунъан панмульгван*)

и Музей современного прикладного искусства (國立中央博物館 *Куннип хёндэ мисульгван*), DDP-плаза; Национальный музей Пуё (國立扶餘博物館 *Куннип пуё панмульгван*) в округе Пуё; Национальный исследовательский институт морского культурного наследия (國立海洋文化財研究所 *Куннип хэян мунхваджэ ёнгу-со*) и Национальный морской музей (木浦海洋博物館 *Куннип хэян панмульгван*) в Мокпхо; Национальный музей Кванджу (國立光州博物館 *Куннип кванджу панмульгван*); Национальный морской музей Пусана (國立海洋博物館 *Куннип хэян панмульгван*); Государственный музей Кёнджу (國立慶州博物館 *Куннип кёнджу панмульгван*) и некоторые другие. Все указанные музеи обладают бога-

Популяризация курильницы Пэкче и ее образов (мотив «пять музыкантов») в музеях уезда Пуё, Республика Корея. Фото Е. Э. Войгишек

тейшими коллекциями экспонатов, в том числе в отношении культуры благовоний. В фондах этих музеев содержатся разнообразные курильницы и инструментарий — подставки для благовоний, шкатулки, подносы, ароматическое сырье, а также множество артефактов, свидетельствующих о длительных торговых (сухопутных и морских) контактах народов региона Восточной Азии, благодаря которым культура благовоний активно развивалась и взаимообогащалась.

Музейный маркетинг тоже заметно стал ориентироваться на возросшие запросы покупателей в этой сфере — магазины в музеях в большом количестве предлагают разные виды ароматических палочек, подставки под благовония, бронзовые и керамические курильницы, различный инструментарий. Для детей также предлагается большой выбор интерактивных обучающих игровых программ по мотивам особо значимых артефактов и находок периодов Трех государств (I в. до н. э. — VII в.), Объединенного Силла (668–935), Корё (918–1392) и раннего Чосона (XV–XVI вв.), где особое место занимают знаменитые вазы, чаши и сосуды для возжигания благовоний.

Активная пропаганда ведется и в отношении особо значимых культурных символов, где пальма первенства принадлежит, без сомнения, «большой бронзовой позолоченной курильнице Пэкче» VII в. (百濟金銅大香爐 кор. *Пэкче кымдон тэхянно*), знаменитой находке 1993 г. в округе Пуё, признанной национальным сокровищем под номером 287. Ее огромная копия стоит на одной из четырех главных площадей города Пуё, ей посвящена большая экспозиция в Национальном музее Пуё, а также экспозиции и инсталляции в историко-археологическом парке Нынсанни, месте обнаружения знаменитой находки. Изображения курильницы Пэкче украшают городские фонтаны, ограды в парках, используются в интерьерах гостиниц и ресторанов, в оформлении бизнес-пространства и офисов.

Помимо Национального музея Пуё поддержкой исследований, связанных с бронзовой курильницей как части наследия древнего государства Пэкче, в округе Пуё занимаются несколько других крупных институтов и организаций, среди которых прежде всего можно отметить такие как Korea National University of Cultural Heritage, Institute of Baekje Studies, Baekje World Heritage Center, Baekje Cultural Festival Foundation, а также Korean Association of the Incense culture²⁶⁸.

²⁶⁸ См. сайт Ассоциации (<https://mhyang.co.kr>), которая занимается популяризацией знаний о культуре благовоний путем организации занятий, семинаров и лекций среди любителей ароматов. Деятельность Ассоциации особенно активизировалась в годы пандемии коронавируса (начиная с 2019 г.).

Флакон духов «Baekje Gilt-Bronze Incense Burner 287»,
воссоздающих аромат эпохи Пэкче (18 г. до н. э. — 660).
Автор парфюмерной композиции — Хан Сохён (Han Seo Nyoung),
Республика Корея. Из коллекции Е. Э. Войтишек

Непосредственно при их поддержке в октябре 2023 г. в Национальном музее Пусэ состоялись масштабные мероприятия, посвященные 30-летию обнаружения курительницы в руинах храма погребального курганного комплекса Нынсани, — международная конференция и специальная выставка «Great Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje 3.0» (См. [Материалы международной научной конференции..., 2023; Пэкче кымдон хянно, 2023])²⁶⁹. Эти мероприятия продолжали серию симпозиумов и выставок, посвященных изучению происхождения, иконографии, функций, особенностей использования курительницы Пэкче и организованных в годы 10-летия (2003) и 20-летия (2013) со дня

²⁶⁹ См. также сайт музея. URL: <http://buyeo.museum.go.kr> (дата обращения 02.01.2024).

обнаружения курильницы. На выставке 2023 г., посвященной различным видам благовоний, использовавшихся в древнем государстве Пэкче, были также представлены новые типы курильниц и инструментария, обнаруженные в ходе последних научных изысканий. Помимо самой курильницы, горделиво сверкающей в окружении софитов в отдельном зале, посетители имели возможность рассмотреть все детали знаменитого артефакта на огромных дисплеях в 3D-формате.

Яркой особенностью научных изысканий данного сезона можно считать реконструкцию букета запахов и благовоний, которые могли возжигать во времена Пэкче, по результатам которой был выпущен флакон оригинальных духов «Baekje Gilt-Bronze Incense Burner 287». Создатели аромата квалифицируют его как тяжелый и густой, великолепный и элегантный запах, воплощающий «мировоззрение и утопии жителей Пэкче». По словам разработчика и автора парфюмерной композиции, художницы Хан Сохён, в ней были использованы экстракты агаровой и сандаловой древесины, травянистых растений фенхеля и нарда, смолы бензоин и ладан. Лучшие качества этих компонентов в итоге позволили создать «духовно дисциплинированный аромат», помогающий душе воспарить, наполнить сердце милосердием и спокойствием, очистить беспокойный ум, направить свою энергию по пути божественного исцеления и обретения высшей мудрости²⁷⁰.

В числе крупных бизнес-проектов можно назвать южнокорейскую корпорацию Lotte, которая, привлекая передовые технологии компании Samsung, активно пропагандирует образы и идеи, связанные с курильницей Пэкче, и смело использует их в оформлении интерьеров отелей, музеев и архитектурных ансамблей. К примеру, на территории специального историко-культурного тема-парка Baekje Cultural Land (百濟文化團地 кор. Пэкче мунхва танджи) в Пуё сооружен отдельный павильон (香爐閣 кор. хянногак), посвященный технологии изготовления курильницы Пэкче, где наглядно представлены основные этапы ее производства — отливка, формовка, чеканка, гравировка. В музее истории и культуры Пэкче, построенном на территории парка благодаря инвестициям корпорации Lotte, точно так же обильно представлена тематика, связанная с курильницей Пэкче, — ее изображения можно увидеть и на парадной лестнице, и на стенах, и в материалах экспозиций музея. В музее есть специальные помещения, демонстрирующие в иммерсивном формате богатое

²⁷⁰ Описание к флакону духов, созданных корейским аромастером Хан Сохён (Han Seo Hyoung, @aromaartist) в сотрудничестве с исследователями Национального музея Пуё. Материалы из коллекции Е. Э. Войтишек.

Курильница Пэкче в культурном пространстве уезда Пуё. Фото Е. Э. Войтишек

культурное наследие древнего государства Пэкче (i-Baekje Experience Hall), где посетителям предлагаются новые цифровые возможности для знакомства с историей курильницы Пэкче.

Частный бизнес Республики Корея за последние годы тоже заметно активизировался в этом отношении — в крупных городах наблюдается заметная тенденция в использовании ароматов в публичном пространстве, в офисах, домах, ресторанах и универсамах. При этом большую роль играет пропаганда наслаждения изысканным образом жизни, подразумевающего возжигание благовоний и ароматных свечей в специальных сосудах, подбор душистого сырья, коллекционирование курильниц и специфического инструментария, включая печати и штампы.

Ряд корейских магазинов и частных лавок предлагают продукцию, изготовленную в Китае, Японии и на Тайване, весьма известную среди знатоков и ценителей искусства благовоний. Наряду со всевозможными видами керамических, садоновых и бронзовых курильниц большой популярностью в последнее время стали пользоваться сосуды для возжигания ароматических печатей и сами металлические штампы, с помощью которых можно выкладывать на пепле разнообразные узоры. Абсолютное большинство таких изделий изготовлено в разных районах Китая, откуда их везут в крупные мегаполисы Южной Кореи. Их типология не выходит за рамки известных видов — это пре-

Музей культурных реликвий (聖寶博物館 Сонбо панмульгван) в храме Тхондоса и его директор, хранитель коллекций, наставник Сончхон (松泉).
Материалы Е. Э. Войтишек из буддийского храма Тхондоса (通度寺), окрестности Пусана, ноябрь 2022 г.

жде всего цветочный орнамент, благожелательные иероглифы, буддийские символы, узоры в форме «облаков счастья» и т. д.

Буддийские центры и различные храмы Южной Кореи также активно пропагандируют ароматическое сырье и инструментарий, поскольку их использование вместе с другой утварью входит в ежедневные практики буддийских монахов. На фоне множества буддийских монастырей на территории Южной Кореи особенно выделяется храм Тхондоса (通度寺 Tondosa Temple), который находится в горах Ёнджусан в г. Янсан в 30 км от Пусана в провинции Кёнсан-Намдо.

Храм Тхондоса был основан в 646 г. выдающимся монахом Чаджаном (590–658), который, по легенде, привез из танского Китая мощи Будды Шакьямуни, возвел первые постройки для поклонения святым реликвиям (позже их поместили в каменную пагоду). На территории монастыря есть специальные зоны проживания монахов, помещения для проведения ритуалов и медитации в старинной аутентичной форме. В силу своей древности и особого значения в истории корейского буддизма храм Тхондоса располагает огромным культурным наследием — на его территории хранятся 40 000 реликвий, а также 600 свитков и картин буддийского содержания, для которых выстроен большой музей культурных реликвий (聖寶博物館 Сонбо панмульгван). В коллекции музея в том числе находится множество бронзовых курильниц, относящих-

ся к эпохе Корё. Курильницы разных размеров, инкрустированные серебром, выполнены в виде своеобразных кубков-чаш на высокой ножке. Такие сосуды предназначались для подношений и воскурения благовоний в буддийских ритуалах, их до сих пор массово изготавливают из разноцветной керамики для храмовых нужд и домашних алтарей. В храме Тхондоса с недавнего времени возродили традиционный способ воскурения благовоний с помощью ароматических печатей и металлических штампов, который широко практиковался с эпохи Корё (918–1392), времени наивысшего расцвета буддизма в Корее. Судя по изученным материалам, во время ритуалов воскурения благовоний в храме Тхондоса предпочитают чаши и курильницы с широким горлом, а для изготовления ароматических узоров на пепле используют штампы с растительным узором и буддийскими символами²⁷¹.

Храм Тхондоса готовит специальных служителей для участия в многочасовых церемониях, во время которых обученные монахи проводят перед буддийским алтарем ритуал воскурения благовоний, а присутствующим гостям и прихожанам предлагают насладиться ароматом агарового дерева и сандала премиум-класса. Более того, храм Тхондоса в июле 2022 г. выступил инициатором организации научно-практического семинара и крупной выставки по истории культуры ароматов, где высшие наставники монастыря рассказывали о ценностях корейской культуры в контексте развития буддийских традиций и призывали в этом отношении изучать опыт Китая и Японии [Хянтогу тхыкпёльдзон, 2022, с. 7–9]²⁷². Деятельность монастыря признана настолько значительной, что в 2018 г. наряду с другими шестью горными храмами южных провинций Республики Корея он был внесен в список культурного наследия ЮНЕСКО.

В Пусане находится также известная частная арт-галерея «Нынъин хяндан» (能仁香堂)²⁷³, являющаяся одним из ведущих центров изучения и популяризации ароматической культуры в современной Южной Корее. Компания прежде всего поддерживает запросы покупателей, нуждающихся в буддийских духовных практиках — этому способствует большой ассортимент предлагае-

²⁷¹ Материалы Е. Э. Войтишек во время поездки в храм Тхондоса в ноябре 2022 г. См. также сайт храма. URL: <http://www.tongdosa.or.kr/> (дата обращения 03.01.2024).

²⁷² Кроме того, см. репортажи из храма Тхондоса об открытии выставки «Культура благовоний в Корее». URL: <https://www.ebuddha.co.kr/news/articleView.html?idx-no=12375>; <https://www.youtube.com/watch?v=1UjTPj2PO2I> и материал о проведении научно-практического семинара «Культура благовоний Кореи и храм Тхондоса». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yb50m41eHvc> (дата обращения 05.01.2024).

²⁷³ См. сайт компании <https://능인향당.com/>, где она позиционирует себя как Neungin incense house (дата обращения 05.01.2024).

мых здесь изделий и видов аромасырья, включая душистую древесину аквилярии (沉香 кор. *чхимхян*) и сандала, разнообразные курильницы, подставки для благовоний, ароматические печати и металлические штампы, четки, амулеты и браслеты. Собственно, само название галереи («Обитель аромата Будды Шакьямуни») отражает эту буддийскую направленность, связывая «путь благоуханного аромата» с духовным просветлением.

Компания «Нынъин хяндан», основанная в 1986 г., специализируется на производстве и обработке ароматической древесины аквилярии *чхимхян*,

Частная арт-галерея «Обитель аромата Будды Шакьямуни» (能仁香堂 *Нынъин хяндан*) и ее генеральный менеджер Ким Хиро (金熙露) в Пусане, Республика Корея. Материалы и фото Е. Э. Войтишек, ноябрь 2022 г.

Корейские селадоновые курильницы из коллекции Е. Э. Войтишек

используемой в буддийских ритуальных практиках, и имеет собственный запатентованный одноименный бренд. Неслучайно эта компания поставляет наборы высококачественных натуральных благовоний вышеупомянутому храму Тхондоса. В 1990-х гг. усилиями тогдашнего руководителя компании господина Ли Дунгона / Lee Dong Gon (второе имя — Ли Валло / Lee Wan Ro) проводились исследования на базе Института аквильярии во Вьетнаме, результатом которых стало усовершенствование натуральных свойств традиционных ароматических веществ²⁷⁴.

Однако компания не ограничивает свою деятельность только поддержкой буддийских практик — она всемерно поддерживает светский интерес к благовониям как элегантному виду досуга, а также средству поддержания физического и нравственного здоровья. Примечательно, что за последние годы, отмеченные беспрецедентным размахом пандемии коронавирусной инфекции в мире, компания активизировала деятельность, направленную на пропаганду профилактики и лечения вирусных заболеваний с помощью агаровой древесин-

²⁷⁴ Так, за счет микроизмельчения фрагментов древесины аквильярии достигается увеличение времени горения благовоний, сделанных из нее. Кроме того, большое значение приобретает качество древесины — частицы дыма поглощают токсичные вещества и мелкую пыль, тем самым дезодорируя воздух. См. сайт компании «Нынъин хяндан». URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2024).

ны, которая как драгоценный «таинственный эликсир» подходит всем независимо от возраста, религии или расы²⁷⁵.

Судя по всему, с помощью усилий государственных организаций и структур, привлечения возможностей частного бизнеса и религиозных буддийских центров все вышеописанные меры по развитию и укреплению традиционной культуры в Республике Корея могут привести в дальнейшем к воссозданию полноформатной культуры ароматов.

²⁷⁵ В ходе общения покупателей с представителями компании через социальные сети нередки случаи прямых вопросов от посетителей по поводу рецептуры и состава тех или иных ароматических смесей, по лечебным свойствам древесины аквилярии и т. п. Сам факт таких диалогов в XXI в. подтверждает авторитетность старинного способа лечения многих недугов с помощью воскурения ароматических средств. На сайте компании для авторитетности есть отсылки к знаменитым корейским хроникам и документам с описанием случаев излечения благовониями (среди них «Исторические записи трех государств» (三國史記 Самкук саги, XII в.), «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 Седжон силлок, XV в.) и др.). См. сайт компании «Нынъин хяндан». URL: <https://xn--9h1b7f069c0ln.com/sub/introduce.html> (дата обращения 05.01.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие ароматической культуры отличается невероятной сложностью. Комплексный подход к ее исследованию предполагает изучение множества аспектов — виды благовоний и ароматического сырья, их функции, лечебные свойства и оздоровительный потенциал; типология керамических и металлических курильниц, технология их изготовления, художественная и смысловая символика; религиозные, игровые и гадательные практики с использованием благовоний и др. При изучении истории ароматической культуры нельзя игнорировать ее роль в развитии традиционной медицины, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, философской и эстетической мысли, многих литературных и живописных жанров. Системный подход к изучению данной темы предполагает и обращение к истории торгово-экономических связей, сухопутных и морских контактов в регионе Восточной Азии, поскольку с древности благовония относились к предметам роскоши и ценились невероятно высоко. Комплексное изучение культуры ароматов имеет большое значение также в таких научных областях, как археология, антропология, этнология, религиоведение, химия и фармацевтика, биология и экология, косметология и парфюмерия, пищевая промышленность и диетология. Необозрим круг источников, разнообразны методы и подходы к их освоению — все это чрезвычайно усложняет интерпретацию многих явлений, тем более что до сих пор нет ни одного комплексного научного труда по истории развития ароматической культуры на Корейском полуострове — ни на корейском, ни на китайском или японском языках, ни тем более на западных, включая русский язык.

В связи с этим авторы данного учебного пособия ограничились рассмотрением лишь некоторых важных аспектов аромакультуры Кореи, прибегнув как к диахронному, так и синхронному анализу связанных явлений. В целом можно сказать, что ароматическая культура Корейского полуострова на протяжении многих столетий демонстрирует устойчивые тенденции, характерные для развития этой сферы в странах Восточной Азии. Существенным фактором, определяющим развитие многих аспектов ароматической культуры Корейского полуострова в древности и средние века, можно считать всеобъемлющее

влияние Китая. Достаточно сказать, что все основные хроники и письменные памятники до середины XIX в., в той или иной мере касающиеся различных аспектов развития аромакультуры, были составлены на китайском языке (на корейзированной форме классического китайского языка 漢文 ханмун).

Философские и мировоззренческие принципы конфуцианства и буддизма также задали важные векторы развития многим концепциям и тенденциям аромакультуры. Конфуцианский уклад и стиль жизни требовали от членов социума ежедневного самосовершенствования во имя блага государства, что впоследствии обусловило формирование и развитие в странах Восточной Азии концептуальной модели «человека культуры» 文人 (кит. *вэньжэнь*, кор. *мунин*, яп. *бундзин*), сведущего в интеллектуальных формах досуга, включая различные изыски с благовониями. В буддийской религии и ее ритуально-обрядовом комплексе благовония ассоциировались с личным совершенствованием и распространением «аромата добродетели» — высоких нравственных качеств. Благовония считались одним из важнейших подношений Будде и буддийским божествам: через подношение благовоний адепты буддизма «очищали сознание», следовали «аромату истины», способствуя состраданию к окружающим и обретению высшей мудрости на пути к нирване.

С древности по настоящее время благовония более всего применялись в санитарно-гигиенической и медицинско-оздоровительной сфере, а также в религиозных и культовых практиках. С учетом климатических и историко-культурных особенностей региона Восточной Азии в бытовой и ритуальной деятельности на Корейском полуострове с древности широко использовали травянистые, листовые, цветочные и древесные разновидности растительных благовоний, смолы, из которых изготавливали мази, настои, порошки, эфирные масла. Большой функциональностью обладали душистые снадобья животного происхождения — серая амбра, мускус, оперкулум морских раковин, бобровая струя, цибетин и др. Все они успешно применялись и в храмовых церемониях, и в борьбе с инфекциями, и — в условиях влажного и теплого климата — с сыростью и плесенью, назойливыми насекомыми. По мере накопления знаний о лечебных свойствах и психофизических характеристиках душистых снадобий и их многокомпонентных смесей совершенствовались подходы и методы их освоения.

Уже к середине I тыс. н. э. ремесленники Корейского полуострова обладали большим умением и технологическими навыками в изготовлении керамических и бронзовых с позолотой курильниц, а к началу II тыс., в эпоху Корё (918–1392), освоили производство бронзовых курильниц с серебряной инкрустацией, использовавшихся в ритуальной сфере, а также роскошных селадонно-

вых изделий (курильниц, ваз, чаш, капельниц), составляющих гордость корейской национальной культуры.

Важность этой сферы жизни населения Корейского полуострова подтверждают и письменные свидетельства. Так, множество упоминаний об использовании благовоний можно найти в основополагающих корейских исторических трудах древности и раннего Средневековья — прежде всего таких, как «Исторические записи трех государств» (三國史記 *Самгук саги*, 1145 г.); «Жизнеописание достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (海東高僧傳 *Хэдон косын чон*, нач. XIII в.); «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (三國遺事 *Самгук юса*, конец XIII в.). В эпоху Чосон (1392–1910) были составлены крупные исторические сочинения — такие, как «Летописи вана Седжона» (世宗實錄 *Седжон силлок*, XV в.) и «История Корё» (高麗史 *Корё са*, 1451 г.), где упоминались душистые лекарственные средства и ритуалы подношения благовоний. Кроме того, в середине эпохи Чосон были написаны различные справочники, трактаты, руководства, каталоги с перечислением свойств и характеристик тех или иных видов сырья, указаны их функции, особенности и обстоятельства их применения.

Существенным ограничением при изучении наследия, связанного с культурой ароматов на Корейском полуострове, является плохая сохранность текстов и реликвий: многие сочинения и предметы навсегда утрачены в силу различных причин или восстанавливаются с трудом. Здесь на помощь исследователям приходят методы анализа и сопоставления вещественных, археологических, эпиграфических и художественных памятников Кореи, по которым можно частично реконструировать утерянную информацию и представить контекст создания текста или бытования конкретного артефакта.

Другое досадное ограничение связано с малой доступностью материалов из Корейской Народно-Демократической Республики — иными словами, некоторые аспекты развития культуры ароматов (особенно использование благовоний в бытовой сфере, в храмовых церемониях, в медицинских практиках) требуют уточнения по крайней мере с середины XX в. Необходимо также дальнейшее изучение средневековых стел *мэханби*, установленных в местах захоронения благовонной древесины, которые, по оценкам южнокорейских ученых, должны еще сохраниться на территории КНДР. К сожалению, публикации и материалы исследований северокорейских ученых по различным аспектам развития ароматической культуры пока недоступны, но они ждут своего часа — учитывая глубину традиции использования благовоний на Корейском полуострове, маловероятно, что эта тема не входит в область их интересов.

Несмотря на то что последовательная реконструкция ароматической культуры и ольфакторных практик на Корейском полуострове чрезвычайно затруднительна вследствие утери большого количества реликвий и письменных памятников, в целом можно проследить определенные закономерности, которые позволяют выделить следующие этапы развития ароматической культуры в Корее:

- 1) зарождение и становление: эпоха Трех государств и Объединенного Силла (I в. до н. э. — X в. н. э.);
- 2) достижение зрелости: эпоха Корё (918–1392);
- 3) расцвет и популяризация: эпоха Чосон (1392–1910);
- 4) от упадка к возрождению: Новое и Новейшее время (первая половина XX в. — настоящее время).

В настоящее время в Республике Корея, как и в других регионах Восточной Азии, можно отметить повышенный интерес к сфере ароматов и благовоний как одной из важнейших частей традиционной культуры. Об этом говорит рост научно-популярных и специальных публикаций по истории культуры ароматов на Корейском полуострове, увеличение числа выставок и экспозиций в крупнейших музеях Республики Корея, посвященных различным аспектам ольфакторных практик, изучению функций и роли запахов, значения использования благовоний в повседневной жизни, а также в праздничной и религиозно-ритуальной сферах.

В связи с этим большую важность приобретают исторические свидетельства, сохранившиеся в летописях, музейных собраниях, частных арт-галереях, коллекциях буддийских храмов, записях монахов и служителей культа. Особое значение имеют также живые этнографические наблюдения за развитием этой традиции в современном корейском обществе.

Знакомство с корейскими материалами по истории культуры ароматов, развивавшейся долго в русле китайской традиции, выявляет неожиданные аспекты ее бытования на Корейском полуострове. Прежде всего, речь идет о длительном существовании уникальных средневековых религиозных культов, поддерживаемых буддийскими общинами «последователей аромата» (кор. 香徒 *хяндо*) и связанных с торжественным «захоронением» в землю фрагментов душистой древесины в ожидании прихода Будды Майтреи с последующей установкой каменных стел с выгравированными памятными надписями. Расшифровка этих эпиграфических памятников, записанных китайскими иероглифами, дает ключ к пониманию уклада жизни и деятельности сельских буддийских общин эпох Корё и Чосон.

Кроме того, уникальными корейскими разработками можно считать усовершенствованные методы традиционной восточной медицины с примене-

Заключение

нием знаний о свойствах аромасырья в акупунктурных точках организма (*суджок-терапия*, пальцетерапия, траволечение, ароматерапия, паровая терапия, прижигание моксой, косметология и др.).

Целительные практики с душистым лекарственным сырьем и разнообразные техники его применения во многом способствовали распространению ароматической культуры на Корейском полуострове. О степени увлечения населения Кореи благовониями и ольфакторными экспериментами в бытовой, медицинской и религиозной сферах можно судить также по богатейшим находкам керамических изделий и ароматического сырья с затонувших средневековых судов, которые курсировали в акватории Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей. Знакомство с этим материалом значительно расширяет представления о сути и характере понятия ароматической культуры в странах Восточной Азии.

Наконец, корейские художники и ремесленники добились впечатляющих результатов в развитии различных жанров декоративно-прикладного и живописного искусства — достаточно упомянуть бронзовые с позолотой курильницы, селадоновые сосуды и скульптуры, бронзовые курильницы с серебряной и инкрустацией, перламутровые шкатулки для благовоний, а также картины и ширмы в стиле *чхэккори* (изображения книжных полок с «сокровищами» — курильницами, вазами, свитками и др.) и *мунчадо* (стилизованные иероглифы), отражающие древние и средневековые эстетические и нравственные запросы населения Корейского полуострова. Все эти жемчужины национального культурного наследия, бережно сохраняемого в музеях, арт-галереях, храмах и центрах изучения буддийской культуры, свидетельствуют о непрерывной и самобытной традиции развития культуры ароматов, которая осмысливается как важная часть культурного кода корейской нации и способствует укреплению этнической идентичности и самосознания корейцев.

Системное изучение культуры ароматов Восточной Азии предполагает также рассмотрение роли Корейского полуострова как важной транзитной зоны в передаче континентальных культурных традиций на Японский архипелаг, в том числе в сфере осмысления использования благовоний. Но это тема следующей книги.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ БИЛЕТЫ

Глава 1. Основные этапы и особенности развития ароматической культуры на Корейском полуострове

1. Дать краткую характеристику основным этапам развития ароматической культуры Корейского полуострова, раскрыть ее связь с китайской традицией использования благовоний.
2. Охарактеризовать особенности развития корейской ароматической культуры в древности и Средние века.
3. Охарактеризовать особенности развития корейской ароматической культуры в Новое и Новейшее время.
4. Рассказать о функциях благовоний и сферах их использования в древности, Средние века и Новое время.
5. Рассказать об особенностях использования благовоний и их популяризации в настоящее время.
6. Перечислить основные источники по изучению истории ароматической культуры Корейского полуострова в соответствии с хронологическим принципом.
7. Охарактеризовать связь ароматической культуры с другими сферами традиционной культуры Корейского полуострова.
8. Охарактеризовать основные корейские мифы, связанные с использованием благовоний на Корейском полуострове.
9. Рассказать о влиянии буддизма на становление и формирование ароматической культуры на Корейском полуострове.
10. Перечислить основные буддийские памятники древности, связанные с распространением культуры ароматов на Корейском полуострове.

Глава 2. Техника и ритуал в ароматической культуре Корейского полуострова

1. Рассказать о типах и видах ароматического сырья на Корейском полуострове.
2. Охарактеризовать особенности благовоний растительного и животного происхождения.
3. Рассказать о типах благовоний по форме.
4. Рассказать об особенностях применения благовоний в буддийской духовно-ритуальной системе.
5. Охарактеризовать основные виды корейских курильниц и их функции.
6. Рассказать о видах и функциях ароматических штампов и печатей.
7. Рассказать о курильницах «обратного потока».
8. Рассказать об истории обнаружения бронзовой позолоченной курильницы Пэкче.
9. Осветить вопрос о типологической связи курильницы Пэкче с китайскими курильницами в виде горы *бошаньлу*.
10. Дать характеристику изображений на крышке и чаше курильницы Пэкче.
11. Перечислить и охарактеризовать основные этапы ритуала «захоронения благовоний» *мэхян*.
12. Дать характеристику нескольких стел *мэхянби*, обнаруженных в южной части Корейского полуострова.
13. Осветить вопрос о деятельности буддийских общин «последователей аромата» эпох Корё и Чосон.
14. Рассказать об особенностях гадательных практик с использованием палочек для игры *юннори* и ритуальной функции благовоний.
15. Охарактеризовать благоприятные и неблагоприятные комбинации в гадательных практиках.

Глава 3. Аромат, культура и человек

1. Дать понятие «человек культуры» (кит. *вэньжэнь*, кор. *мунин*), обозначить его связь с конфуцианским мировоззрением, раскрыть его специфику на Корейском полуострове.
2. Охарактеризовать особенности деятельности «людей культуры» в развитии культуры благовоний в эпохи Корё и Чосон.

Приложение 1

3. Охарактеризовать деятельность «людей культуры» в истории Кореи Нового и Новейшего времени.
4. Охарактеризовать значение ароматической культуры в декоративно-прикладном искусстве Кореи.
5. Дать характеристику инструментарию, используемому в корейской культуре ароматов.
6. Осветить особенности и функции бронзовых курильниц с инкрустацией.
7. Рассказать о жанре «народной живописи» *минхва* и о ее связи с культурой благовоний.
8. Дать характеристику особенностям и функциям жанра *чхэккори* в придворной и народной живописи.
9. Рассказать о специфике изображений курильниц на книжных полках корейских «людей культуры», охарактеризовать наиболее известные картины и ширмы.
10. Осветить вопрос о связи жанра *чхэккори* с соответствующими китайскими и японскими живописными жанрами.
11. Рассказать о развитии жанра *чхэккори* в современных условиях.
12. Рассказать о морской торговле благовониями и курильницами в Средние века в регионе Восточной Азии.
13. Рассказать о судне Синансон, затонувшем у берегов Корейского полуострова, и найденных на нем основных реликвиях (курильницах и видах благовоний).
14. Охарактеризовать роль и степень применения ароматического сырья в традиционной корейской медицине.
15. Осветить вопрос об особенностях ароматического сырья, используемого в традиционной корейской медицине.
16. Охарактеризовать основные свойства и способы применения полыни и чеснока в традиционной корейской медицине.
17. Перечислить основные методы использования душистых растительных препаратов в корейской *суджок*-терапии.
18. Рассказать о религиозных практиках прижиганиях моксой (об «ароматных шрамах»).
19. Перечислить основные виды и функции ароматных трав и растительных препаратов, используемых в традиционной корейской медицине.
20. Охарактеризовать особенности современных региональных центров изучения и популяризации ароматической культуры в Южной Корее.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 1. Основные этапы и особенности развития ароматической культуры на Корейском полуострове

1. В какой период началось активное развитие ароматической культуры на Корейском полуострове?
2. Почему в истории ароматической культуры в Корее выделяют два важнейших этапа ее развития — эпоху Корё и эпоху Чосон?
3. К какому времени относится зарождение опытов возжигания ароматических веществ в Корее и с чем это было связано?
4. Как буддизм повлиял на развитие ароматической культуры в Корее?
5. В чем состояли функции благовоний в древности и Средние века, в Новое и Новейшее время?
6. Чем обусловлено изменение сфер использования благовоний в разное время?
7. Как развивалась торговля благовониями в Средние века?
8. С какими странами и как Корея торговала ароматическим сырьем?
9. Какие основные центры развития ароматической культуры есть в современной Корее?
10. Какие основные историко-культурные труды по истории благовоний вы знаете? В чем их значение для современной теории и практики использования благовоний?

Глава 2. Техника и ритуал в ароматической культуре Корейского полуострова

1. Какие практики с использованием благовоний были распространены только на территории Корейского полуострова и не повторяются в других странах восточноазиатского региона?

Приложение 2

2. Какие растения служили сырьем для благовоний в Корее?
3. В каких формах изготавливались благовония в Корее?
4. В каких литературных произведениях есть свидетельства использования ароматических печатей на Корейском полуострове?
5. Как трансформировались функции ароматических печатей на Корейском полуострове?
6. Что такое «тонущий аромат»?
7. Какие типы курильниц использовались в Корее для возжигания благовоний?
8. Какие декоративные орнаменты использовались для украшения курильниц в Корее? В чем состояла их символика?
9. В чем особенности большой бронзовой позолоченной корейской курильницы Пэкче в сравнении с китайскими прототипами?
10. Как долго существовали курильницы *бошаньлу*? В чем их значение для культуры Кореи и других стран Восточной Азии?
11. Что такое курильницы «обратного потока» и в чем их особенности?
12. В чем состоит функция курильниц в современной корейской культуре?
13. Использовались ли благовония для измерения времени на Корейском полуострове?
14. Какие гадательные практики с использованием благовоний были популярны на Корейском полуострове?
15. Какие религиозные практики с использованием благовоний были популярны на Корейском полуострове?

Глава 3. Аромат, культура и человек

1. В чем специфика понятий «совершенный муж» (*сонби*) и «человек культуры» (*мунин*) в Средние века в Корее?
2. У каких поэтов эпох Корё и Чосон можно найти описание воскурения благовоний и любования ими?
3. Какие знаменитые сочинения по медицине, истории, ботанике появились в эпоху Чосон?
4. Какие виды декоративно-прикладного искусства и художественного ремесла в Корее связаны с использованием благовоний и ароматического сырья?
5. В чем состоит связь живописного жанра *чхэккори* с корейской ароматической культурой?

Контрольные вопросы

6. Как трансформировался жанр *чхэккори* в разные периоды истории Кореи?
7. Какие функции выполняли картины *минхва*?
8. Как развивались торговля благовониями Корейского полуострова в Средние века и в Новое время?
9. Какие предметы, связанные с культурой ароматов, были обнаружены на затонувшем судне Синансон в ходе подводных экспедиций 1970–1980-х гг.?
10. В каких музеях Южной Кореи в настоящее время находятся реликвии с затонувшего судна Синансон?
11. Какие виды благовоний и растений применялись в традиционной корейской медицине?
12. Какие виды благовоний и растений используются в Корее в настоящее время?
13. Какие методы терапии были популярны в эпоху Чосон в Корее? Используются ли они до сих пор?
14. Какие вы знаете музеи, связанные с развитием культуры благовоний на Корейском полуострове?
15. Какие центры развития ароматической культуры на Корейском полуострове вы знаете?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследовательская литература на русском языке

Болтач Ю. В. Культы и практики раннего корейского буддизма в сюжетах «Самгук юса». СПб.: ИД «Гиперион», 2023. 464 с.

Вайнштейн О. Б. Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. 2-е изд., испр. М.: Новое лит. обозр., 2010. Кн. 1. 616 с.

Войтишек Е. Э. Ароматическая культура Восточной Азии. Китай: с древности по настоящее время: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2021. 224 с.

Войтишек Е. Э. Загадки затонувших средневековых китайских судов на маршрутах Морского шелкового пути: от подводной археологии до музеев нового типа // Жакен Таймагамбетов и проблемы палеолита Евразии: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посв. 70-летию академика НАН РК, д-ра ист. наук, проф. Таймагамбетова Ж. К. (г. Астана, 14 декабря 2023 г.). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2023в. С. 49–55.

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: НГУ, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. илл.

Войтишек Е. Э. Корейская игра *юннори* (*ют*) в гадательной практике Восточной Азии // Петерб. востоковедение: альманах. Festschrift в честь М. Е. Кравцовой. СПб.: Петерб. востоковедение, 2023а. С. 196–212. DOI 10.34887/PV.2023.77.83.010

Войтишек Е. Э. Путь аромата. Ароматическая культура Китая: монография / Ин-т востоковедения РАН, Гуманит. ин-т НГУ. М.: ИВ РАН, 2023б. 316 с., ил. 40 с.

Войтишек Е. Э., Азекян А. А. Древние гадательные практики в Японии: сакральные и игровые функции // Япония: цивилизация, культура, язык: моногр. СПб., 2022. С. 336–350.

Войтишек Е. Э., Азекян А. А. Реконструкция древней японской игры *тёбо* (*кариути*): источники и контекст // История и культура традиционной Японии / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 145–155 (Orientalia et Classica: Труды Ин-та класс. Востока и античности; вып. 16).

Войтишек Е. Э., Зинченко А. В., Яо Сун. Перечень «десять добродетелей благовоний» в буддийской традиции Китая и Японии // Наследие: культура, история, коммуникация: IV Междунар. науч. форум «Наследие» (Новосибирск, 18 сент. — 18 нояб. 2023 г.): Сб. науч. ст. / отв. ред. А. С. Зуев, отв. секр. Д. В. Ильина [и др.]. Новосибирск: СО РАН, 2023. 210 с. С. 10–30.

Войтишек Е. Э., Кумпол Т. А. Судьба китайского корабля Синьаньчуань и морская торговля в Восточной Азии в Средние века / Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: материалы конф. Новосибирск: НГУ, 2020. С. 74–82.

Войтишек Е. Э., Речкалова А. А., Ильина А. М., Кумпол Т. А. Предметы роскоши карамона в системе торгово-экономических и культурных связей Японского архипелага и материка в X–XIV вв. // Япония XXI Nova: эра и век: моногр. СПб., 2020. С. 531–545.

Войтишек Е. Э., Шмакова А. С. Ритуал «захоронения благовоний» в традиционной культуре Восточной Азии: от литературы до эпиграфики // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 16. Вып. 4: Востоковедение. С. 101–110.

Войтишек Е. Э., Яо Сун, Шмакова А. С. Ароматические печати и штампы в культуре Китая и Кореи: типология и контекст // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 73–87.

Воробьев М. В. Очерки культуры Кореи. СПб.: Петерб. востоковедение, 2002. 192 с.

Вострикова Е. А. Син Юнбок — главный романтик корейской живописи // Вестн. рос. корееведения. М.: Наука; Вост. лит., 2017. № 9. С. 87–100.

Глухарева О. Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982. 255 с.

Гольгина К. И. Новелла средневекового Китая. М.: Наука, 1980. 325 с.

Еремеев В. Е. Символы и числа «Книги перемен». М.: Ладомир, 2005. 600 с.

Ермолаева Е. М., Филимонова Е. С. История развития корейской традиционной медицины // Universum: Обществ. науки: электрон. науч. журн. 2017. № 4 (34). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4719>.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука, 1989. 360 с.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука, 1985. 263 с.

Киреева Л. И. Декоративные иероглифы мунччадо в корейской культуре // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVIII. Магнитогорск: МГУ, 2007. С. 429–446.

Кравцова М. Е. Хрестоматия по литературе Китая / М. Е. Кравцова. СПб.: Азбука-классика, 2004. 768 с.

Список литературы

Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 744 с.

Ли Кёндок. Корейские мифы. От Небесного владыки и принцессы Пари до королей-драконов и духов-хранителей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 272 с.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель; Изд.-продюс. центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с.

Пак Чжэ Ву. Пальцетерапия. М.: Су Джок Академия, 2001. 98 с.

Рассолова Д. В. Затонувшее торговое судно «Наньхай-1» и развитие китайской подводной археологии // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. Новосибирск: НГУ, 2021. С. 95–101.

Сахарова Е. Б. Посольство из Корё в Японию 1366–1367 гг. // Ежегодник «Япония». 2019. Т. 48. С. 156–157. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10007.

Соколов-Ремизов С. Н. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте футурологических предположений: между прошлым и будущим. М.: Ленанд, 2009. 253 с.

Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 233 с.

Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 323 с.

Тян В. Д. Буддийские храмы средневековой Кореи. Буддийские храмы средневековой Кореи. М.: Вост. лит., 2001. 174 с.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд. М.: Вост. лит., 2010. 758 с.

Шмакова А. С., Бэ Кидун, Войтишек Е. Э. Ритуал «захоронения аромата» 埋香 мэхян на юге корейского полуострова: проблемы реконструкции // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 32–52. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-4-73-87.

Исследовательская литература на английском языке

Black Kay E. Ch'aekkori painting. A Korean Jigsaw Puzzle / Ed. E. W. Wagner, G. Ledyard. Seoul: Sahoipyounghon Academy, 2020. 336 p.

Glahn Richard V. The Ningbo-Hakata Merchant Network and the Reorientation of East Asian Maritime Trade, 1150–1350 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 2014. Vol. 74. № 2. P. 249–279.

Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul: Korea Foundation, 2005. 144 p.

Handbook. National Museum of Korea. Seoul: National Museum of Korea, 2012. 184 p.

Keith Donald H. A Fourteen Century Shipwreck at Sinan-gun // Archeology, March/April 1980. Vol. 33. № 2. P. 33–43.

Kim Sunglim. Chaekgeori: Multi-Dimensional messages in late Joseon Korea // Archives of Asian Art. Vol. 64. № 1. University of Hawai'i Press, 2014. P. 3–32.

Kim Jong-man. The Site of the Buddhist Temple at Neungsan-ri, Buyeo // Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul: Korea Foundation, 2005. P. 136–144.

Buyeo National Museum / Ed. Han Bong-kyu, Jang Ji-young. Buyeo: Buyeo National Museum, 2015. 303 p.

Lee Nan-Young. Historical Significance of the Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje // Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul: Korea Foundation, 2005. P. 118–127.

Kim Yongwon. Royal Ceramics of Goryeo Dynasty. Seoul, 2009. 135 p.

Korean Medicine: A Holistic Way to Health and Healing // Ed. by Korea Foundation. Essentials №14. Seoul: Korean Publishers Association, 2013. 96 p.

McCune E. The arts of Korea: an illustrated history. Seoul, 2009. 452 p.

Park Heejun. Incense Culture // Coreana (Seoul). 1998. № 4. P. 60–63.

Underwater Archaeology of Korea / National Research Institute of Maritime Cultural Heritage. Seoul: Gongmyeong, 2016. 366 p.

Voytishek E., Shmakova A. Epigraphic memorial stele 埋香碑 *mehyangbi* (“Incense Burial”) as an Archaeological and Cultural Heritage of Medieval Korea (Compared to Chinese and Japanese Traditions) // The 21st Suyangga and Her Neighbours International Symposium (Laramie, 26 July — 3 August, 2016). University of Wyoming, USA, Laramie, 2016. P. 229–235).

Yoo Myeong-jong, Lee Ji-hye. 100 Cultural Symbols of Korea. Seoul: Discovery media, 2008. 167 p.

Wu Tung. Cultural Dynamics and Diversity: From the Daoist Boshanlu to the Buddhist Incense Burner of Baekje // Fragrance of Korea. The Ancient Gilt-Bronze Incense Burner of Baekje. Seoul: Korea Foundation, 2005. P. 128–135.

Knapp Keith Nathaniel. The Meaning of Birds on Hunping (Spirit Jars): The Religious Imagination of Second to Fourth Century Jiangnan // Asian Studies VII (XXIII). 2019. Iss. 2. P. 153–172. DOI 10.4312/as.2019.7.2.153–172.

Исследовательская литература на корейском языке

Ли Хисын. Гуго тэсаджон. [Большой толковый словарь корейского языка] / Хисын Ли. Соуль : Мингасо, 2005. 4772 с.

Список литературы

Войтишек Е. Э. Тонасиа мунхва сог-ый чхоги хянно-ва хяндо тогу-ый пён-чхон. Паксанно 博山爐 мит хянбин 香印 [동아시아 문화 속의 초기 향로와 향도구의 변천. 박산로 및 향인]. Эволюция ранних курильниц и инструментария в культуре Восточной Азии (на примере курильниц в виде горы 博山爐 и ароматических печатей 香印) // Бронзовая курильница Пэкче: сущность культуры Пэкче: Материалы междунар. науч. конф., посв. 30-летию открытия бронзовой курильницы Пэкче. Пуё: Ун-т культурного наследия Пуё, 2023. С. 61–96.

Ёккашти Ясухиро. 14 сэги ильбон-гва воннара-ый хэсанкёюк-есой синансон [웃카이치 야스히로. 14세기 일본과 원나라의 해상교역에서의 신안선]. Корабль Синансон в морской торговле Японии и Юаньского Китая в XIV в. // Азиатско-Тихоокеанская морская сеть и подводное культурное наследие: Материалы междунар. конф., посв. 40-й годовщине начала изысканий на судне Синансон. Мокпхо: Куннип хэянмунхвадже ёнгусо, 2016. С. 133–194.

И Юнхо. Чон о пэннён пимирыль канджикхан пульгё мунхва-ый суходжа хяннаму (Jupiter Tree) — Самгук саги-ва Самгук Юса-э наонын сигмуль сольхва [이윤호. 천오백년의 비밀을 간직한 佛敎文化의 守護者 향나무 (Juniper Tree) - 三國遺事와 三國史記에 나오는 植物說話]. Можжевеловое дерево, мастер буддийской культуры, хранящий 1500-летние тайны (на материале легенд о растениях из «Самгук Саги» и «Самгук Юса» // Лес и культура. Журн. о корейской культуре. 12-6. С. 106–116.

И Хэин. [이해인. 향로의 조형미를 응용한 현대 향로 디자인 연구]. Исследование дизайна современных корейских курильниц, созданных по типу традиционных: дис. магистра: дизайн. Сеул: Женский ун-т Ихва, 2020. 89 с.

Ким Ёнми. Синансон-гва тоджаги киль [김연미. 신안선과 도자기길]. Корабль Синансон и Путь керамики. Сеул: Тхончхон мунхваса, 2005. 118 с.

Ким Ёнхак. Минхва [김영학. 민화]. Народная живопись минхва. Сеул: Тэвонса, 2009. 111 с.

Ким Пёнгын. Синансон ханно-ва чхиммуль вонин [김병근. 신안선 향로와 침몰원인]. Маршрут корабля Синансон и причина его крушения // Азиатско-Тихоокеанская морская сеть и подводное культурное наследие: Материалы междунар. конф., посв. 40-й годовщине начала изысканий на судне Синансон. Мокпхо: Куннип хэянмунхвадже ёнгусо, 2016. С. 423–462.

Куннип хэян юмуль чонсигван. Синансон [국립해양유물전시관. 신안선]. Национальный музей морского культурного наследия. Корабль Синансон. Мокпхо: Чунанмун хваинсве, 2006. 240 с.

Ли Гёнхи. Чосонсидэ хянмунхва-ва сэнхваль [조선시대 香문화와 생활]. Культура благовоний в эпоху Чосон. Пусан: Пусандэ, 2010. 37 с.

Ли Джунгон. Ёнхам омгилли амгак мэханби-ый пимун пхандок-ква хэсок [李準坤. 靈巖奄吉里巖刻埋香碑의 碑文判讀과 解釋]. Анализ надписи на стеле Омгилли мэханби в уезде Ёнхам // Сб. исслед. Нац. ун-та Мокпхо. 2001. Вып. 9. № 2. С. 1–13.

Ли Джунгон. Чосон мэханби-ый нэён пунсок [李準坤. 韓國 埋香碑의 內容 分析]. Анализ надписей на стелах мэханби в Корее. Мокпхо: Изд-во Нац. ун-та Мокпхо, 2005. С. 93–101.

Лим Ёнвэ. Соккурам сыннёсан 10-гу, сиптэчэджасан-инга? [임영애. 석굴 암 승려상 10구, 십대제자상(十大弟子像)인가?]. Являются ли десять архатов из грота Соккурам учениками Будды? // Мисуль-гва щиганмунхва [Журн. исслед. по истории корейской культуры и искусства], 2019, № 24. С. 158–187.

Но Юнджу. Чонтхон сидэ хянмунхва-ый таянсон-гва сэнхваль мунхва-саджок ёнгу [노운주. 전통시대 향(香)문화의 다양성과 생활문화사적 연구]. Разнообразие ароматической культуры периода Чосон и исследование по истории быта: дис. магистра: этнография. Соннам: Академия корееведения, 2019. 127 с.

Пак Чиён. Корё-ый хянмунхва-ва хянно [박지영. 고려의 향문화(香文化)와 향로(香爐). Ароматическая культура династии Корё и курительницы // Мунхваджэ: Журн. исслед. о корейском культурном наследии. 2023. Сер. 56. № 2. июнь. С. 62–78.

Пак Кёнын. Пэкче кымдон тэханно-ый тосангва санджинсон ёнгу [박경은. 白濟金銅大香爐의 도상과 상징성 연구]. Изучение иконографии и символики большой бронзовой позолоченной курительницы Пэкче: дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Сеул, 2018. 228 с.

Пэкче кымдон тэханно хаксульхе-ый пальпхёноммунджип [백제금동대향로 학술회의 발표논문집. 백제 금동 대향로. 백제 문화의 정수(精髓)]. Бронзовая курительница Пэкче: сущность культуры Пэкче: Материалы междунар. науч. конф., посв. 30-летию обнаружения бронзовой курительницы Пэкче. Пуё: Ун-т культ. наследия Пуё, 2023. 204 с.

Со Донгын, Ким Бёнгын. Сингван помульсон-ый маджимак тэханхэ [서동인, 김병근. 신안 보물선의 마지막 대항해]. Последняя эпоха великих морских открытий: сокровища затонувшего корабля Синан. Сеул: Чурюсон, 2014. 403 с.

Со Хёнджу. Пэкче сабиги тхугонтхоги-ый ёндо-ва чхультхо ыйми [서현주. 백제 사비기 투공토기의 용도와 출토 의미]. Использование и значение керамики с отверстиями в Пэкче периода Саби // Вестн. Пэкче [百濟學報]. 2021. № 36. С. 85–111.

Ха Сумин. Чосон хуги вансиль пуенхян ёнгу [하수민. 조선후기 왕실 부용향(芙蓉香) 연구]. Исследование благовоний пуенхян в позднем периоде Чо-

сон: дисс. магистра в области нематериального культурного наследия. Сеул: Университет корейской традиционной культуры, 2020. 77 с.

Ха Сумин. Чосон хуги вансиль хян мунхва-ва хянджан ёнгу [하수민. 조선 후기 왕실 향 문화와 향장 연구]. Исследование придворной ароматической культуры и составления ароматов позднего периода Чосон // Исследования по традиционной культуре Кореи. 2023, № 31. С. 7–41.

Хён Гвансок. Ёнъям-ый мэхянби-ва чүё пхогу-рыль тхонхэ пон кодэ-ый сандэпхо-э гванхан ёнгу [형광석. 영암의 매향비와 주요 포구를 통해서 본 고대의 상대포에 관한 연구]. Стелы мэхянби в уезде Ёнъям и история древнего порта Сандэпхо через призму истории основных гаваней // Исследования по экономике Северо-Восточной Азии. Мокпхо: Изд-во ун-та Мокпхо, 2010. Вып. 22. № 3. С. 25–41.

Хянтоту тхыкпёльджон. Чонгон хянса [향도구 특별전. 淸供香事]. Отдельная выставка ритуальных принадлежностей [для воскурения] благовоний. Чистые подношения [для воскурения] благовоний. Пусан: Тхондоса панмульгван, 2022. 236 с.

Чо Джинук. Синансон-ый муёк модель-гва ыйми [조진욱. 신안선의 무역 모델과 의미]. Корабль Синансон, модель торговли и ее значение // Тонбугаёк-санончхон. 2017. № 55. С. 199–226.

Чон Бёнмо. Мумён хвадырый паллан минхва [정병모. 무명화가들의 반란 민화. 서울: 다할미디어]. Минхва: пестрые картины неизвестных художников. Сеул: Тахальмидо, 2011. 331 с.

Чон Бёнмо. Хангугыйпхунсокхва [정병모. 한국의 풍속화. 서울: 한길아트]. Корейская живопись пхунсокхва. Сеул: Хангиль-арт, 2000. 464 с.

Чо Вонгё. Пуё нынсанни чхультхо пэкче кымдон тэхянно ёнгу [趙源高. 扶餘陵山里出土白濟金銅大香爐 研究]. Изучение большой бронзовой позолоченной курилницы Пэкче из Нынсанни, Пуё: дисс. ... д-ра ист. наук. Сеул, 2016. 462 с.

Юн Ёльсу. Минхва ияги [윤열수. 민화 이야기]. Рассказы о минхва. Сеул: Тиджаин хаусы, 1998. 336 с.

Исследовательская литература на китайском языке

Му чжун цзуаньши: чэньсян шоуцан юй цзяньшан [木中钻石: 沉香收藏与鉴赏/文客编著]. Алмаз среди деревьев: коллекционирование и оценка древесины аквиларии / Под ред. Вэнь Кэ. Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2014. 231 с.

Сунь Лян. Сян чжи. Сян шэн Хуан Тинцзянь [孙亮. 香志 — 香圣黄庭坚]. Записки об ароматах. Благоуханный мудрец Хуан Тинцзянь. Пекин: Чжи ши чаньцюань чубаньшэ, 2018. 120 с.

Фу Цзинлян. Китайская культура благовоний [傅京亮。中国香文化]. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с.

Сунь Чжанфэн. Бошаньлу дэ синци юй сычоу чжи лу [孙章峰。博山炉的兴起与丝绸之路]. Расцвет бошаньлу и Шелковый путь // Хуася каогу (Чжэнчжоу). 2015. С. 94–100.

Исследовательская литература на японском языке

Нихонго дайджитэн (кара бан) [日本語大辞典・カラー版。梅棹忠夫、金田一春彦、坂倉篤義、日野原重明監修]. Большой словарь японского языка (с цветными иллюстрациями) / Под ред. Умэсао Тадао, Киндайти Харухико, Сакакура Ацүёси, Хинохара Сигэаки. Токио: Коданся, 1995. 2302 с.

Масукава Коити. Сайкоро [増川宏一。さいころ]. Кубик сайкоро. Токио: Хо:сэй дайгаку сюппанкёку, 1992. 355 с.

Ота Киёси. Ароматы и чайная церемония [太田清史。香と茶の湯]. Киото: Танко:ся, 2001. 190 с.

Ко:дзиэн [広辞苑。新村出編]. Энциклопедия Ко:дзиэн / Под ред. Симмура Идзуру Токио: Иванами сётэн, 1998. 2988 с.

Encyclopaedia Britannica. Japan Co., Ltd, 2009.

Источники на русском языке

Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса)/ Ирён / Пер. с ханмуна, вступ. ст., комм. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.

Какхун. Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чон) / Иссл., пер. с ханмуна, комм. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 184 с.

Ким Бусик. Самгук саги (Летописи Силла): в 3 т. / Пер. с кор. М. Н. Пак. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1, кн. 12. 383 с.

Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии: в 3 т. / Пер. со старояп. А. Долина. М.: Радуга, 1995. Т. 1. 272 с.

Ли Кёндок. Корейские мифы / Пер. с кор. Л. Азариной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 272 с.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи: в 3 т. / Пер. с яп., вступ. ст., прил. и комм. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Гиперион, 2010. Т. 3: Приложение. 240 с.

Источники на корейском языке

Кёнджу. Тапса ёхэнгыи кильчаби 2 [경주. 답사여행의 길잡이 2]. Путеводитель по Кёнджу / Под ред. Ким Хюхёна. Пхаджу: Тольпегэ, 2012. 318 с.

Ким Мухван. Пэкче-ый наму. Woods of Baekje [김무환. 백제의 나무]. Пэкческие леса. Пуё: Музей Чонним саджи, 2008. 103 с.

Куннип хэян чонсигван. The Sinan Wreck and Ceramic Trades in East Asia. Синансон-гва тонасиа тоджа кёёк [국립해양유물전시관. 신안선과 동아시아 도자교역]. Национальный музей морского культурного наследия. Каталог выставки «Корабль Синансон и торговля керамикой в Восточной Азии». Мокпхо: Куннип хэян юмуль чонсигван, 2006. 290 с.

Куннип чунъан панмульгван. Маым-ыль тамын кырыт. Синан хянно [국립중앙박물관. 마음을 담은 그릇. 신안향로]. Национальный музей Кореи. Каталог выставки «Сосуды с душой. Синанские курильницы». Сеул: Сахвепённон, 2008. 123 с.

Пан Бёнсон, Ли Джонмин, Чан Гихун, Чхве Гон. Тхоги, чхонджа 1 [방병선, 이종민, 장기훈, 최건. 토기, 청자]. Керамика, фарфор. Сеул: Егён. Korean art book, 2000. 263 p.

Пэкче кымдон хянно 3.0. Хяныль сарыда [백제금동대향로 3.0. 향을 사르다]. Бронзовая позолоченная курильница Пэкче 3.0. Воскурение благовоний. Пуё: Нац. музей Пуё, 2023. 135 с.

Синъангун Тонасиа тоджа кёёк: Синъангун пальгуль 30 джунён кинём тэкпёльджон [新安船과동아시아陶器交易:新安船發掘30周年記念特別展]. Special Exhibition in Celebration of the 30th Anniversary of the Shinan Wreck Excavation. Mokpho: National Maritim Museum of Korea (國立海洋遺物展示館), 2006. 288 с.

Хянно чарё чипсон — Пэкче, Когурё, Силла. A Collection of Materials for Incense Burners — Baekje, Goguryeo, Shilla [향로 자료 집성. 백제, 고구려, 신라]. Коллекция материалов по изучению курильниц. Пуё: Нац. музей Пуё, 2022. 261 с.

Хянтугу тхыкпёльджон. Чонгон хянса [향도구 특별전. 清供香事]. Отдельная выставка ритуальных принадлежностей [для воскурения] благовоний. Чистые подношения [для воскурения] благовоний. Пусан: Тхондоса панмульгван, 2022. 236 с.

Чхонсан-ый мунъян есуль: Когурё пёкхва [천상의 문양예술: 고구려벽화]. Celestial Motifs: Ancient Tomb Murals of the Goguryeo Dynasty. Небесные мотивы: фрески древних гробниц Когурё. Тэджон: Нац. исслед. ин-т культурного наследия, 2020. 339 с.

Источники на корейском языке

Чхэккори тхыкпёльчон. Чосон сонбий сджэсо хёндэиный сджэро [책거리 특별전. 조선 선비의 서재에서 현대인의 서재로. 용인시: 경기도박물관]. Специальная экспозиция *чхэккори*. Из кабинета ученого эпохи Чосон — в современный кабинет. Йонъин: Кёнги-до панмульгван, 2012. 204 с.

Юн Ёльсу. Минхва 1 [윤열수. 민화]. Народная живопись *минхва*. Сеул: Егён. Korean art book, 2016. 415 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Основные этапы и особенности развития ароматической культуры на Корейском полуострове	7
1.1. Зарождение и становление: эпоха Трех государств и Объединенного Силла (I в. до н. э. — X в. н. э.)	8
1.2. Достижение зрелости: эпоха Корё (918–1392).....	11
1.3. Расцвет и популяризация: эпоха Чосон (1392–1910)	14
1.4. От упадка к возрождению: Новое и Новейшее время (первая половина XX в. — настоящее время).....	17
1.5. Источники эпох Корё (918–1392) и Чосон (1392–1910) о развитии и формировании ароматической культуры в Корее	20
Письменные источники эпохи Корё по культуре ароматов	21
Письменные источники эпохи Чосон по культуре ароматов.....	33
1.6. Буддийские ольфакторные практики на Корейском полуострове.....	41
Глава 2. Техника и ритуал в ароматической культуре Корейского полуострова	52
2.1. Виды благовоний и ароматического сырья	53
2.2. Виды курильниц.....	61
Типология курильниц.....	61
Ароматические печати и штампы	69
Курильницы «обратного потока»	77
2.3. Курильница Пэкче как национальный культурный символ.....	81
Особенности курильницы Пэкче	83
Символика изображений на крышке курильницы	87
Символика изображений на чаше курильницы	92
2.4. Корейские религиозные и гадательные практики с благовониями.....	98
Ритуал «захоронения аромата» <i>мэхан</i>	99
Гадание по палочкам корейской игры <i>юннори</i> (<i>ют</i>)	121
Глава 3. Аромат, культура и человек	143
3.1. Деятельность «людей культуры» <i>мунин</i> и благовония.....	144
3.2. Ароматическая культура и декоративно-прикладное искусство.....	153
Металлические курильницы эпохи Корё	154
Живописный жанр <i>чхэккори</i> поздней эпохи Чосон.....	160

3.3. Реликвии с затонувшего корабля Синансон и морские торговые связи в Восточной Азии в Средние века	173
3.4. Медицинский аспект применения благовоний	193
3.5. Современные региональные центры изучения и популяризации ароматической культуры в Республике Корея	204
Заключение	215
Приложение 1. Экзаменационные билеты.....	220
Приложение 2. Контрольные вопросы.....	223
Список литературы	226

Учебное издание

Войтишек Елена Эдмундовна,
Шмакова Анна Сергеевна

АРОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
Корейский полуостров: адаптация и трансформация
ольфакторных практик

Учебное пособие

Редактор *С. В. Исакова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Коллажи и обложка *И. А. Аксенова*
Подготовка к печати *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 12.09.2024 г.
Формат 70 × 100 / 16. Уч.-изд. л. 14,8. Усл. печ. л. 19.
Тираж 500 экз. Заказ № 161.

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

ВОЙТИШЕК

Елена Эдмундовна,

зав. кафедрой

востоковедения ГИ НГУ

доктор исторических наук,

профессор

входятся в контексте деятельности средневековых ученых-интеллектуалов, а также традиционного и процессуального искусства.

Особое внимание уделено медицинскому аспекту применения благовоний, дана актуальная информация о современных региональных центрах по изучению и популяризации ароматической культуры и буддийского образования. Пособие снабжено иллюстративным материалом, отражающим результаты полевых исследований авторов на Корейском полуострове в течение последних 15 лет.

Пособие предназначено для студентов бакалавриата и магистратуры востоковедческих и регионоведческих направлений классических университетов со специализацией в области культурной антропологии, этнологии, литературы, искусствоведения и истории культуры.

В книге на материале средневековых корейских письменных и вещественных источников рассматривается история развития ароматической культуры на Корейском полуострове с древности до начала XXI в. (включая виды благовоний и ароматических веществ, инструментарий и курильницы, корейские религиозные и гадательные практики, традиционную живопись).

Практические аспекты использования благовоний представлены через призму ритуального и бытового поведения обитателей Корейского полуострова. Искусствоведческие и культурологические аспекты ароматической культуры Корейского полуострова рассматри-

ШМАКОВА

Анна Сергеевна,

доцент кафедры

востоковедения

ГИ НГУ

ISBN 978-5-4437-1626-8

9 785443 716268